

МУАРИХ

ИСТОРИК

№ 2

Душанбе
2015

ББК 63.3 (2 рус)+74.263.1
К-78

Главный редактор
академик Масов Рахим Масович

Члены редакционной коллегии:

*З.Акрамов, Б.Кабилова, С.Бобомуллоев, А.Гафуров, Л.Додхудоева,
В.Дубовицкий, Х.Пирумшоев, Хамза Камол (отв.секретарь),
А.Раджабов, А.О.Чубарьян (Россия), Франсис Ришар (Франция),
Анри-Поль Франкфор (Франция), В. Фролов (отв. секретарь)*

Корректор *М.Хасанова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры
Республики Таджикистан №0228/МЧ от 14 апреля 2015 г.

Учредитель:

Институт истории, археологии и этнографии
им. А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан

ISBN 978-99947-278-03

ISSN 2789294-8

© Институт истории, археологии и
этнографии им. А.Дониша АНРТ, 2015

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Р. МАСОВ

доктор исторических наук, профессор, академик,
Директор Национального музея древностей Таджикистана
Тел.: (+ 992 37) 221 01 08

Статья посвящена проблеме национальной идеи, которая, по мнению большинства историков, философов и социологов сходится в итоге на том, что у всех государств, стран, народов она в основе одна и та же: создать условия для благополучной и счастливой жизни всех граждан, независимо от этнического происхождения, национальной и расовой принадлежности и вероисповедания.

Ключевые слова: национальная идея, народосбережение, Таджикистан, таджикистанцы.

Подобная проблема и её решение постоянно появляется перед странами, естественно, государствами с давних времён. Возникает вопрос: что она обозначает, в чём заключается, каково может быть решение?

Мнение большинства историков, философов и социологов сходится в итоге на том, что национальная идея у всех государств, стран, народов в основе одна и та же: создать условия для благополучной и счастливой жизни всех граждан, независимо от их этнического происхождения, национальной и расовой принадлежности и вероисповедания. И никакой другой национальной идеи, возлагающей на какой-либо народ особую историческую миссию или его особую роль в развитии своей страны, государства, не может быть.

Более краткое объяснение национальной идеи состоит в том, что это «территориально-народосбережение». Другой национальной идеи не было, нет и не будет.

Безусловно, к национальной идее Таджикистана следует отнести то, что правовой основой мирного провозглашения его суверенитета послужило образование вначале автономной (1924 г.), а затем Таджикской Советской Социалистической Республики (27 октября 1929 г.). Именно факт образования Советского Таджикистана, к тому же без национально-освободительной, междоусобной войны, стал правовой основой и национальным замыслом мирного провозглашения и суверенитета, и самостоятельности республики 9 сентября 1991 года.

Кто же должен осуществлять национальную идею? Ответ однозначен: сам народ и его правительство во главе с Президентом или Премьером или каким-либо другим вышестоящим руководящим органом. В Таджикистане национальную идею на практике осуществляет избранный народом в результате всеобщих, тайных, прямых выборов гражданами республики, Председатель правительства на предусмотренный Конституцией период его полномочий.

Чего же достигли таджикский народ, все таджикистанцы в развитии народного хозяйства республики и своей благополучной, счастливой жизни за двадцать с лишним лет независимости? Ответить определённо конкретными цифрами или на основе данных государственных источников невозможно. В течение указанного периода в архивы республики, начиная от районных до республиканских, никаких документов, особенно статистических данных, не поступило. Поэтому документально осветить историю независимого Таджикистана с 9 сентября 1991 года по настоящее время крайне сложно. Отразить историю народа без архивных источников, а лишь на никем непроверенных данных средств массовой информации по событийным выступлениям главы государства антинаучно. Особенно это касается современной истории, когда произошли не только глобальные изменения в национальной концепции, мышлении населения республики, когда, как говорится, до основания были разрушены, созданные за годы Советской власти, промышленность и аграрная отрасль. Мощные колхозные и совхозные хозяйства можно было сохранить или частично реформировать, сократив раздутые штаты, ограничить контингент их работников. Созданные ныне дехканские хозяйства, не имеющие современной сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений, горюче-смазочных материалов не в силах создавать для народа благоприятной жизни, что является стержнем осуществления национальной идеи.

Судя по данным СМИ ближнего и дальнего зарубежья, Таджикистан оказался в числе самых бедных стран мира. То есть более 80% жителей республики находятся на грани бедности, немногие из них имеют прожиточный минимум. Что касается богатых и супербогатых, то их наличие в республике в цифровом отношении невозможно определить. Бороться с бедностью и достигнуть положительных результатов в течение всего периода независимости так и не удаётся. Возникает вопрос: может быть возвратиться к советской эпохе экономического развития в сельском хозяйстве, в промышленности и других сферах народного хозяйства? Особенно в сельском хозяйстве, то есть к созданию коллективных объединений типа колхозов, совхозов. Нынешние дехканские хозяйства, которые фактически находятся на

границ банкротства и исчезновения, не в состоянии обеспечить не только население республики сельскохозяйственной продукцией, но и свой семейный бюджет.

Дехканские хозяйства в одиночку не могут приобретать и использовать сельскохозяйственную технику, не имея будущего. Они далеки от практического осуществления национальной идеи. Хотя в численном отношении дехкане составляют большинство населения республики.

Говорить о национальном рабочем классе в сферах промышленности – тяжёлой, горнорудной, транспортной, предприятиях, выпускающих техническую и потребительскую продукцию, как то было в советское время, сегодня не приходится. Сложности эти имели место в Таджикистане в отличие от других республик и в прошлые годы. В основном здесь развивались отрасли лёгкой промышленности, в которых были заняты русскоязычные рабочие, приглашённые из центральных районов и городов Российской Федерации. Без их трудовой помощи невозможно было поднять потенциал и благополучие, счастливую жизнь всех таджикистанцев – от Регара до Вахана, от Пянджского до Аштского районов.

Таким образом, создать условия для благополучной и счастливой жизни таджикского народа и таджикистанцев за годы независимости не удалось, и нет уверенности в том, что сможем в будущем что-то изменить к лучшему.

В своё время нами тщательно были изучены выступления главы суверенного государства, посвящённые очередному юбилею независимости. В связи с тем, что все эти выступления готовились к публикации в виде отдельной книги с иллюстрациями, составители обратились к автору этих строк с просьбой написать отзыв на текст речи главы государства. Наши замечания были следующие:

1. Собранные материалы для выступлений Президента на очередных мероприятиях повторяют многие примеры и факты, которые были озвучены им ранее. Особенно это касается тех материалов, которые посвящены экономическому состоянию и культурному развитию страны за годы независимости. Постоянно фигурируют одни и те же объекты экономического и культурного характера.

2. На наш взгляд, тем, кто в дальнейшем будет собирать материал для выступлений главы государства, необходимо сосредоточить внимание на фактах, которые касаются строительства крупных объектов транспортной инфраструктуры: новых авто- и железных дорог.

3. Все выступления посвящены бесконечной борьбе с терроризмом, экстремизмом, другими глобальными проблемами. А где же многие внутренние вопросы, например, об открытии границ между

республиками Центральной Азии, о создании общего рынка, безвизовом режиме при переходе границы между Таджикистаном и Узбекистаном, а также такие актуальные проблемы, как энергетическая независимость республики, которая ещё до конца не решена?

4. До завершения жизненно важных промышленных и энергетических сооружений следовало бы ввести ограничения на пышные празднования всевозможных юбилеев, в частности, городов, а также поэтов и писателей, в чьём творчестве не наблюдается патриотизма, призыва к народу быть готовым встать на защиту своей земли, что имело место в прошлой и недавней нашей истории.

С другой стороны, бесконечное обращение к фактам и событиям прошлой истории, к представителям творческой интеллигенции далёких от нас времён, без соответствующего анализа и критического осмысления их вклада в нашу историю не создаёт должного воздействия на общественное мнение.

Сегодня требуется объективный и тщательный анализ освещения истории вооружённого противостояния начала 90-х годов прошлого столетия. В те годы в республике получили должности случайные и некомпетентные люди, привыкшие работать, а точнее руководить, выполняя чужие указания. Управлять и думать своей головой и умом они тогда самостоятельно не могли.

К объективному анализу также следует отнести события развала огромной державы – Союза Советских Социалистических республик и образование на постсоветском пространстве новых «самостоятельных» суверенных государств. К руководству большинством из них пришли новые люди, не имеющие практического опыта руководителя государственного уровня, некоторые из них не знали и не понимали, как осуществлять вопросы национально-государственного строительства. Не говоря о такой важной проблеме как национальная идея. В своей работе многие руководствовались принципами регионализма, землячества, местничества, действовали по принципу непотизма. В то же время звучали уверения народу в том, что он будет жить обеспеченным и счастливым.

«Давать пустые обещания не в моих правилах» – так говорилось в программе одного из кандидатов на пост Президента, который народу обещал «молочные реки с кисельными берегами». Однако прошло много времени и обещания так и не были выполнены. Это в полной мере относится и к национальной идее, которая начинающими руководителями ряда новых государственных образований так и не была осуществлена.

Исторически и до сегодняшнего дня для нашего народа не сложилось самого главного – общенародной, общенациональной идентич-

ности, понимания чувства того, что мы, таджики, а не население по своим отдельным местам проживания, то есть люди, которые не имеют представления о том, что у них есть единая история, культура, идеология, объединяющие всех, где бы они не жили – в Таджикистане или в других ближних и дальних странах.

Другой важной проблемой национальной концепции является территориально-народосбережение. То есть необходимость воспитывать таких защитников страны, которые могли бы отстаивать свободу и независимость своей республики, её территории и население от внешних и внутренних агрессоров, экстремистских и религиозных авантюристов.

Мы уверены в том, что другой национальной идеи не было, нет и не будет. Беречь свой народ и другие этнические народности и национальные меньшинства в том, чтобы они спокойно трудились и жили вместе с титульным народом. Заботиться об их здоровье, для чего необходимо развивать здравоохранение, строительство больниц, поликлиник.

Очень важной является и проблема образования. Проявить огромную заботу о воспитании детей с момента рождения до их полной самостоятельности. Для этого следовало бы использовать опыт советских времён в создании во всех регионах республики: интернатов, детских домов, педагогических училищ, где все расходы брало бы на себя государство, особенно для детей-сирот, а также тех детей, родители которых не в состоянии их прокормить.

Государство обязано воспитать полноценных, грамотных, культурных, патриотически настроенных граждан, готовых в любую минуту встать на защиту своей Родины, которая и должна стать для них любимой.

Очень важно отметить, что национальная идея не является раз и на все времена одной и той же. Она появляется, развивается и функционирует определенное время в связи с возникающей ситуацией у разных стран и народов по острой неотложной важности. Национальные идеи не являются чем-то постоянным. Они возникают и уходят в прошлое, в историю. Появляются новые национальные идеи, требующие своего решения.

Данная статья, небольшая по объёму, лишь начало создания большого монографического исследования по истории постсоветского Таджикистана. Надеемся, что она сможет более глубоко и всесторонне раскрыть сущность национальной идеи для Республики Таджикистан, её роли и значения в процветании и благополучии таджиков и таджикистанцев.

NATIONAL IDEA

RAHIM MASOV

Doctor of historical sciences, Professor, Academician,
Director of the National museum of antiquities of Tajikistan
Tel.: 221 01 08

This article devoted to the problem of national idea, which is the same in different states and countries according to many historians, philosophers and sociologists. It is based on wish to create good conditions for happy and prosperous life for all citizens without reference of 'ethnic, national and racial origin and religion.

Keywords: national idea, Tajikistan, territorial preservation of people, residents of Tajikistan.

К ВОПРОСАМ ИСТОРИИ ГОРОДОВ БУХАРЫ И САМАРКАНДА И НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Р.МАСОВ

академик Академии наук Республики Таджикистан

А.ВИШНЕВСКИЙ

доктор исторических наук

Статья посвящена одной из трагических страниц истории таджикского народа новейшего времени. Она написана на основе достоверных архивных источников хранилищ Москвы, Душанбе и Ташкента.

Ключевые слова: национально-территориальное размежевание, Бухара, Самарканд, коренное таджикское население, пантюркизм, великоузбекский шовинизм.

До Великой Октябрьской Социалистической революции Самарканд входил в состав Туркестанского генерал-губернаторства царской России, а Бухара была столицей Бухарского эмирата, в котором правила династия мангитов (одного из узбекских родов). Самарканд и Бухара с древнейших времён признавались культурными центрами таджикского народа. Достаточно сказать, что в них после распада таджикского средневекового государства Саманидов и при всех последующих сменявших друг друга тюрко-монгольских образований языком делопроизводства, государственной переписки и обучения в заведениях высшего и среднего образования являлся таджикский.

Положение изменилось коренным образом после установления Советской власти в Туркестане и свержения частями Красной Армии Бухарского эмирата в сентябре 1920 г. Вместо того, чтобы последовательно проводить советскую национальную политику в Туркестанской АССР и Бухарской НСР в отношении таджиков с первых же дней образования Советской власти стала проводиться шовинистическая политика, основанная на идеологии пантюркизма, переходящая в узбекский шовинизм, который имеет место до настоящего времени в соседней с Таджикистаном республике.

Антитаджикское движение, носившее, в основном, пантюркистскую окраску, возникло и развивалось в Средней Азии под воздействием, с одной стороны, татарских националистических элементов и проникавшей в край татарской националистической прессы, а с другой – под влиянием младотурок и турецкой националистической буржуазии. Вначале это движение носило зачаточный характер, так как

местная буржуазия среднеазиатских народов в то время еще только нарождалась.

Однако таджикофобское движение в начале XX века пустило глубокие корни, прежде всего, среди мусульманской интеллигенции, в которой значительный удельный вес занимали сами таджики.

В первые годы Советской власти пантюркистской идеологии была подвержена определённая часть даже партийных и советских работников из числа лиц местных национальностей. Об этом свидетельствует стремление группы национал-уклонистов протащить взгляды о якобы существовании в Средней Азии единой «тюркской» нации, попытки создания «Тюркской республики» и «Тюркской компартии». Тюрккомиссия и Туркбюро ЦК РКП(б), решительно отстаивая ленинско-сталинские принципы в национально-государственном и партийном строительстве, давали отпор подобным тенденциям.

Тюркофилы проводили политику насильственной ассимиляции всех нетюркоязычных народов Средней Азии, в первую очередь, – таджиков. Хотя по общему научному признанию, письменными источниками бесспорно уже доказано, что таджики являются самым древнейшим народом Средней Азии, сумевшим сохранить на протяжении многих веков свою самобытную культуру, язык и этнические особенности, узбекские националисты отрицали само существование таджикского народа.

Своеобразной разновидностью пантюркизма явился великоузбекский шовинизм. В архивных документах ЦК РКП(б) и ЦК Компартии Узбекистана этот термин появился только в середине 20-х годов, однако он давал знать о себе с первых лет Советской власти. Великоузбекско-шовинистические взгляды нередко маскировались ложно трактуемыми интернационалистическими принципами и устремлениями. Принятие под давлением лицами таджикского происхождения узбекской национальности рассматривалось как проявление интернационализма. При этом игнорировался тот факт, что Советская власть, признавая прогрессивный характер процесса интернационализации в национальном вопросе, решительно выступала против насильственных методов ассимиляции.

Несмотря на то, что таджики по численности населения занимали второе место, как в Туркестанской АССР, так и в Бухарской НСР, в большинстве партийных и государственных документах тех лет их попросту игнорировали. В Конституции Туркестанской АССР 1920 г. «коренными национальностями» республики были признаны киргизы, узбеки и туркмены, а древнейшие жители края – таджики были забыты»¹.

Ранее 14 июля 1918 г., ТуркЦИК принял постановление, в котором говорилось объявить государственными языками в крае, наравне с

русским, местные преобладающие языки (то есть узбекский и киргизский)².

В докладе Комиссии по организации делопроизводства от 14 сентября 1924 г. отмечалось «наличие в Туркеспублике множества народностей и необходимость вести делопроизводство на трех основных языках (узбекском, киргизском, туркменском)»³.

В Туркестане проводилась (подчас, правда, в завуалированной форме) дискриминация экономических и культурно-языковых интересов таджикского народа. Необходимость ассимиляции таджикского народа открыто пропагандировалась на страницах узбекских газет и журналов.

Аналогичная картина наблюдалась и в Бухарской НСР: «Отдельные члены правительства, представлявшие узбекскую эксплуататорскую верхушку, разжигали межнациональную рознь, проводили политику дискриминации по отношению к туркменам и таджикам, не допускали их в органы верховной власти...»⁴.

По состоянию на 20 октября 1920 г. в Бухарской НСР имелось только три ответственных работника из числа таджиков: два в Реввоентрибунале и один (Аббас Алиев) – в Назирате просвещения. Многие таджики, занимавшие руководящие посты, в те годы записывались по национальности узбеками, например, ответственный секретарь ЦК БКП Ахмадбек Мавлянкеков, председатель Бухарского Экономического Совета Абдукадыр Мухитдинов и другие⁵.

О том, насколько политика «замалчивания» представителей таджикского народа пантюркистами оказывала своё влияние на партийные и государственные органы, свидетельствует доклад И.В.Сталина на XII съезде РКП(б). В нём было сказано: «Там, в Бухаре, имеется три национальности: узбеки – основная национальность, туркмены, «менее важная», с точки зрения бухарского шовинизма, национальность, и киргизы: там их мало, и они «менее важны»⁶.

В более раннем, циркулярном письме ЦК РКП(б) от 12 августа 1920 г. всем организациям Коммунистической партии Туркестана об улучшении партийной и советской работы среди коренного населения республики, отмечалось: «Коренными народами Туркестана являются узбеки, киргизы, туркмены. На трудящиеся массы этих народов и должна опираться Советская власть»⁷.

Таким образом, деятельность пантюркистов и великоузбекских шовинистов приносила свои негативные плоды. В связи с тем, что руководящие посты предоставлялись, в первую очередь, узбекам, а в общеобразовательных школах преподавание велось на узбекском языке и т.п., многие таджики записывали себя узбеками. Перепись 1920 г. показала, что по сравнению с дореволюционным периодом численность таджиков в Туркестане сократилась почти втрое (с 1,3

млн. по переписи 1897 г. – до 399 тысяч) при одновременном значительном росте численности узбеков.

Во время проведения национально-территориального размежевания Средней Азии Абдулло Рахимбаев – один из крупных партийно-государственных деятелей региона, впоследствии председатель СНК Таджикской ССР, таджик по национальности, однако в те годы представлявшийся узбеком, выдвинул пантюркистский тезис, гласивший о том, что большинство таджиков уже ассимилировались с узбеками и в «чистом виде» сохранились только в Матче, Каратегине и Гарме, и поэтому именно из этих мест следует сформировать в составе Узбекской ССР Таджикскую автономную область. А.Рахимбаев отстаивал эту точку зрения в ряде своих выступлений, в том числе и в докладе на заседании Политбюро ЦК РКП(б) от 5 апреля 1924 г., когда заслушивался вопрос «О Туркестане, Бухаре и Хорезме (об образовании национальных республик)».

В течение мая 1924 г. вопрос о национальном размежевании неоднократно обсуждался на заседаниях Средазбюро ЦК и его Комиссии. В ряде документов о территории, подлежащих включению в состав Таджикской автономной области, помимо Матчи, Каратегина и Дарваза, стали фигурировать Памир и Кулябский вилоят.

Итоги этого обсуждения были рассмотрены Политбюро ЦК РКП(б) 12 июня 1924 г. и одобрены в своем постановлении «О национальном размежевании республик Средней Азии (Туркестана, Бухары, Хорезма)». Для определения границ вновь организуемых национальных республик и областей было решено образовать из представителей узбеков, казахов, туркмен, киргизов и таджиков Территориальную комиссию под председательством члена Совета Национальностей И.А.Зеленского.

После принятия Политбюро ЦК РКП(б) постановления от 12 июня 1924 г. в республиках Средней Азии развернулась работа по подготовке к непосредственному осуществлению национально-территориального размежевания.

15 июля 1924 г. Средазбюро ЦК создало временные бюро создаваемых национальных республик и областей, а 3 августа утвердило состав Центральной комиссии по национально-территориальному размежеванию. В неё вошли представители от узбеков, казахов, туркмен, киргизов, а также от Хорезмской НСР и от русского населения.

Таджикская подкомиссия была сформирована только 16 августа 1924 г., а уже 20 августа на заседании Узбекского бюро по национальному размежеванию рассмотрен и утверждён представленный ею проект о границах Таджикской автономной области. Естественно, что за три дня Таджикская подкомиссия не имела возможности не только

глубоко и всесторонне изучить, но даже обстоятельно ознакомиться со всеми соответствующими теме материалами. Поэтому выводы таджикской подкомиссии полностью отражали уже сформированную точку зрения Узбекской комиссии.

Вопрос «О Таджикской автономной области» был обсуждён на заседании Центральной территориальной комиссии 21 августа 1924 г.

Председатель ЦИКа Восточной Бухары Нусратулло Максум Лутфуллаев, приехав из Дюшамбе в Ташкент и ознакомившись с протоколами Центральной комиссии по национально-территориальному размежеванию, обратился с Письмом в ЦК РКП(б) на имя И.В.Сталина. Он считал, что «вопрос, касающийся интересов таджикского народа, разрешён несправедливо». В письме говорилось:

«1) Границы «Таджикской автономной области» определены неправильно, т.к. многие местности с преобладающим таджикским населением, находящиеся по соседству с границами намеченной Таджикской области, остаются вне своих естественных границ и очутились в черте Узбекистана.

2) Постановление о вхождении Таджикистана в состав Узбекистана, как автономной области, нарушает национальные права таджиков на самоопределение в то время, когда такие права предоставлены узбекам и туркменам».

В Письме в ЦК РКП(б) Нусратулло Максум выражал просьбу о пересмотре постановления Центральной Территориальной комиссии по национальному размежеванию и предлагал обсудить следующие вопросы:

1) «О включении в границы Таджикистана Ура-Тюбе, Ходжента, Канибадама, Исфары, Соха, Риштана, Уч-Кургана, а также других прилегающих местностей с преобладающим таджикским населением».

2) «О предоставлении Таджикистану полной возможности организоваться совершенно свободно на тех же принципах, как Туркменистан и Узбекистан, без всякой зависимости от последнего.

Географическое положение и количество населения Таджикистана вполне соответствует условиям для его организации в самостоятельную республику.

В интересах трудящихся таджиков, в смысле их культурного и экономического развития, является жизненно необходимым разрешить затронутые вопросы в вышеизложенных направлениях».

11 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) был заслушан доклад комиссии под председательством В.В.Куйбышева. Было признано необходимым образовать автономную республику таджиков (вместо автономной области) в составе Узбекской ССР.

27 октября 1924 г. вторая сессия Союза ССР утвердила решение о национальном размежевании Средней Азии и образовании Узбекской

и Туркменской ССР, Таджикской АССР в составе Узбекской ССР, Кара-Киргизской (Киргизской) автономной области в составе РСФСР и Кара-Калпакской автономной области в составе Казахской АССР. В ноябре-декабре 1924 г. было осуществлено фактическое оформление вновь созданных государственных единиц.

Однако, в процессе проведения национально-территориального размежевания Средней Азии были допущены серьёзные ошибки.

Они отмечались в ряде документов середины 20-х годов. Председатель Средазбюро ЦК РКП(б) И.А.Зеленский в одном из своих выступлений подчёркивал: «Первые шаги, которые мы сделали, – это работа по национальному размежеванию, по созданию национальных республик, проделанная нами. Эту работу мы провели вчерне, здесь еще много недоделанного, эта работа проделана топором»⁸.

В «Кратком анализе границ новых государственных образований с экономической точки зрения», датированном февралем 1925 г., указывалось на «совершенное игнорирование важнейших вопросов экономики при фактическом проведении национального размежевания в жизнь», а также говорилось, что «совершенно не принято было во внимание экономическое и торговое тяготение к определенным центрам», что «целый ряд крупных экономических центров, населённых таджиками, благодаря тому, что они расположены чересполосно с узбеками, остаются в пределах Узбекской республики». В числе таких центров были названы Сох, Риштан, Исфара, Канибадам, Ходжент, Самарканд. В результате «Таджики вынуждены создавать новый экономический центр в полуразрушенном кишлаке Дюшамбе».

По национально-территориальному размежеванию Средней Азии две трети таджиков остались на территории, непосредственно отошедшей к Узбекской ССР. На территории Узбекской ССР оказались и основные культурные центры таджикского народа, в связи, с чем основная масса таджикской интеллигенции осталась за пределами Таджикской АССР. Всё это имело отрицательные последствия для развития культуры таджикского народа в пределах своего государственного образования.

Во всех городах и сельских населенных пунктах с преобладанием таджиков, отошедших к Узбекской ССР, проводилась узбекизация сотрудников государственного, партийного и хозяйственного аппаратов, школьного образования, культурно-просветительных учреждений. 30 августа 1926 г. газета «Правда Востока» сообщала, что больше полумиллиона таджикского населения обслуживается всего 12 школами. «В Самарканде, Бухаре и Ходженте, где основную массу населения составляют таджики, нет ни одной школы или детского дома, где обучение велось бы на таджикском языке»⁹.

После национально-территориального размежевания в таджикских

городах и районах, вошедших в состав Узбекской ССР, усилился процесс узбекской ассимиляции таджиков, причём он проводился насильственными методами с угрозами выселения в бывшую Восточную Бухару, снятия с занимаемых постов, ограничения возможностей продвижения по службе, поступления в специальные учебные заведения и т.д.). Перепись 1926 г., проводившаяся с массовым осуществлением подобных методов «узбекизации», привела к резкому уменьшению таджикского населения и соответствующему увеличению узбекского.

Так, по переписи 1920 г. в городе Самарканде насчитывалось 44 758 таджиков, а узбеков – 3 301. Но уже по переписи 1926 г. узбеков стало 43 364, а таджиков – 10 716 человек. В Ходжентском округе (включая Аштский, Канибадамский и Исфаринский районы) по переписи 1926 г. оказалось, что таджики составляют лишь 24,8%, а узбеки – 73,4%¹⁰.

В мае 1929 г. вопрос о положении таджиков в Узбекской ССР обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Первый секретарь ЦК ВКП(б) Узбекистана А.Икрамов в своем докладе заявлял следующее: «Скажу о таджиках, которые у нас являются наиболее сильным нацменьшинством. До национального размежевания бывших Туркестана и Бухарской республики, при образовании Узбекстанской республики мы имеем сильное пантюркистское идеологическое влияние, мы имели даже велико-узбекстанский шовинизм по отношению к мелким национальностям». Положение изменилось. Докладчик привёл такие факты: «В Бухаре ранее не было ни одной школы на таджикском языке; в Ходжентском округе, в котором 90% таджиков, тоже не было ни одной школы, где преподавание велось бы на таджикском языке. Сейчас в Ходженте такие школы организованы, в Бухаре тоже половина школ переведена на таджикский язык».

Ответственный инструктор ЦК ВКП(б) Амосов в своём выступлении подчеркивал: «Таджикистан справедливо жалуется, что Узбекистан его игнорирует. Например, Таджикское правительство приравнено Узбекистаном к правам окрисполкома, имеются случаи прямых обчётов бюджетных и других средств, невыполнение планов по завозу товаров и т.д. Мы наблюдаем процесс насильственной ассимиляции национальных меньшинств путём скрывания их национальности и превращения их в узбеков. Даже партийцы боятся, скрывают свое национальное происхождение и непременно записываются узбеками».

В связи со всеми этими проблемами, не решёнными в период национально-территориального размежевания, государственные и партийные органы Таджикской АССР неоднократно обращались с соответствующими ходатайствами в союзные органы. Так, в письме, подписанном всеми членами Таджикского обкома партии и адресованном в Политбюро ЦК ВКП(б), Средазбюро ЦК ВКП(б) и ЦК Узбекистана,

констатировалось большое значение национально-территориального размежевания для достигнутых Таджикской республикой «положительных сдвигах во всех областях социально-экономической и политической жизни». Однако также отмечалось, что не все вопросы были решены в равной степени, не все народы «получили в равной степени государственное оформление». Это объяснялось рядом причин и, в частности, тем, что «в некоторых областях тогда ставилась в первую очередь, задача ликвидации гражданских фронтов внутри страны и т.д.» и «партия и многие её работники именно с такой задачей подошли к таджикским вопросам»¹¹.

В тот период из 1 245 000 (по далеко не полным данным) человек таджикского населения Советской Средней Азии в состав Таджикской АССР было включено 553 тысяч таджиков, а остальные 740 тысяч «временно были оставлены в пределах Узбекистана до момента, благоприятствующего дальнейшему государственному оформлению всех таджиков Средней Азии».

На заседаниях Центральной территориальной комиссии в Ташкенте «было оговорено, что решение об оставлении основного количества таджиков с культурными городами в Узбекистане не означает полный отрыв этих областей от той части Таджикистана, которая получила государственное оформление и что оставшиеся внутри Узбекистана таджикские области, безусловно, должны стать культурными и экономическими центрами для оформившейся части Таджикистана»¹².

«Мы считаем, – говорилось в вышеупомянутом Письме в Политбюро ЦК ВКП(б), – что в настоящее время вполне наступил момент, благоприятствующий присоединению к ТАССР основных таджикских районов, которые были оставлены в Узбекистане». В числе территориальных требований, предъявляемых Таджикским обкомом партии, назывались весь Ходжентский округ, три района Сурхандарьинского округа (Байсун, Денау, Сары-Ассия), районы Самарканда с городом Самаркандом, бывшее Бухарское бекство с городом Бухарой¹³.

В Письме затрагивался вопрос о достоверных статистических источниках, которыми необходимо пользоваться. Таджикский обком партии считал, что таковыми являются материалы, полученные до национально-территориального размежевания, поскольку перепись 1926 г. проводилась недозволенными приёмами. В Бухаре и Самарканде по переписи до размежевания таджикское население составляло от 75 до 96%, а перепись 1926 г. «сводит на нет таджикское население», давая ей численность уже в 15-20%¹⁴.

С 1925 г. зарождается и усиливается движение населения Ходжентского уезда, Канибадамского района и ряда других северных районов территории современного Таджикистана против проведения политики узбекизации, за таджикизацию государственного и иных

аппаратов, школьного образования и т.д. В феврале 1927 г. произошло организационное оформление Ходжентского округа, объединившего Ходжентский уезд, Исфаринский, Канибадамский и Аштский районы, и по существу представлявшего собой Таджикский национальный округ в составе Узбекской ССР.

В апреле 1929 г. 2-й окружной съезд Советов Ходжентского округа и II съезд Советов Таджикской АССР, рассмотрев и одоблив решение о вхождении Ходжентского округа в состав Таджикской Республики, обратились к III съезду Советов Узбекской ССР утвердить данное решение.

В сентябре 1929 г. Ходжентский округ был включён в состав Таджикской АССР. В Ходжентском округе насчитывалось 250,8 тысяч человек. Он был более развитым в экономическом и культурном отношении по сравнению с другими районами Таджикистана. С присоединением Ходжентского округа территория Таджикской АССР составила 142,5 тысяч квадратных километров, население – более 1150 тысяч человек; 72% всех жителей республики составляли таджики¹⁵.

Партийные и советские органы Таджикистана, выражая пожелание трудящихся о непосредственном вхождении ТАССР в качестве союзной республики в состав Союза ССР и учитывая международное значение этого политического акта, вышли с ходатайством в Политбюро ЦК ВКП(б) о преобразовании ТАССР в союзную республику. 6 июня 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило выделение Таджикской автономной республики из состава Узбекской ССР и преобразование её в союзную республику¹⁶.

12 июня 1929 г. это было санкционировано Президиумом ЦИКа Союза ССР.

Комиссия по выделению Таджикистана из состава Узбекской ССР под председательством Макеева работала с перерывами с 25 июля по 8 сентября 1929 года. Обсуждение вопросов о взаимных территориальных претензиях носило дискуссионный и острый характер. Споры разгорелись, в основном, о передаче Таджикистану Бухары и Самарканда с прилегающими районами, а также части Сурхандарьинского округа.

Выступая на заседании комиссии 26 июля 1929 г. Макеев заявил: «Я думал, что мы сегодняшним днём до чего-нибудь договоримся, так как время не ждёт, и люди все заняты, и другие дела есть, и можно было добиться, что вопрос просто решили бы технически, разработав на основе учёта мнений, материалов и политического момента». Но о «политической» глубине выдвигаемой Макеевым аргументации, свидетельствовало следующее его высказывание: «Вопросы относительно Бухары. Да дело не в Бухаре, товарищи, это вопрос такой, что о нём и не надо говорить, в данный момент, что она даёт таджикам. Я

думаю, что Бухара для таджиков не подходящий кусок, чтобы говорить сейчас о ней»¹⁷.

С информацией о работе Комиссии по обследованию национального состава Бухары, созданной Средазбюро ЦК, выступил её председатель. (Хотя к тому времени комиссия работала уже в течение двух месяцев, обследовать успели только Бухару, Гиждуван и Паркент). Он, в частности, отмечал: «...Цифры, имеющиеся в нашей комиссии, достаточно доказывают, что большинство населения, особенно в городе Бухаре и в окружности кишлаки и многие места – большинство таджики». И далее: «Там никто не знает узбекского языка. Там все говорят и кричат на таджикском языке». А также: «Все бытовые условия, все моменты их работы доказывают, что большинство там таджики».

Несмотря на аргументацию председателя Комиссии Средазбюро ЦК по обследованию национального состава Бухары, Макеев заявил, что в основу нужно положить перепись 1926 года, что «остальное имеют временный характер».

Выступивший на заседании Комиссии А.Ходжибаев подчеркнул, что претензии на Самарканд Таджикистан предъявляет с 1 января 1929 года. Однако Макеев перешёл к вопросу о Сурхандарьинском округе, подчеркнув, что большинство жителей здесь узбеки. Но по рекомендации специалистов он предложил разделить его на две части, выделив Таджикистану территории по реке Сурхан с городом Термезом, поскольку «экономическая база Термеза тяготеет к Дюшамбе».

С присоединением к Таджикистану в 1929 г. Ходжентского округа (ныне Согдийская область) были ограничены все его претензии. 7 февраля 1930 г. Президиумом ЦИК Союза ССР был принят Указ о передаче Сурхандарьинского округа в его границах в состав Таджикской ССР и признании необходимым считать взаимные территориальные претензии друг к другу исчерпанными. Но так как представители Узбекистана сумели убедить представителей Таджикистана, что культурные и иные запросы таджикского населения Сурхандарьинского округа будут полностью удовлетворяться, передача округа была приостановлена. Однако данное обещание осталось невыполненным. Так же, как и другие обещания 1929 г., касающиеся Бухары и Самарканда.

Поскольку в период национально-территориального размежевания Самарканд был временно оставлен в составе Узбекской ССР – до окончания на территории Таджикистана гражданской войны, то ещё в 1926 г., в связи с окончательным разгромом басмачества, таджикское правительство и партийное руководство стали предъявлять свои законные права на Самарканд. Учитывая это, правительство Узбекистана в том же 1926 г. перенесло столицу своей республики из Ташкента

в Самарканд. Позже столицей Узбекской ССР вновь стал Ташкент.

Несмотря на то, что в настоящее время признано значение Самарканда, как в историческом плане, так и по этническому составу своего населения таджикским городом, снова «вытаскивается на свет» старый аргумент о том, что он, якобы окружён чисто узбекскими районами и поэтому не имеет общей территории с Таджикистаном. Подобное утверждение не имеет под собой никакой почвы. Во всех районах, расположенных между Пенджикентом и Самаркандом, основную часть населения составляют также таджики, правда, вынужденные во время последних переписей в большинстве своём записаться по национальности узбеками.

Тогда за все годы существования Узбекской Республики для его руководства подобная политика была обычным делом. Сегодня полным ходом идет деэтнизация таджиков, что угрожает им окончательному исчезновению на их исторической родине. Несколько лет тому назад, когда Президентом Таджикистана был К.М.Махкамов, со стороны руководства Узбекистана поступило предложение заключить между двумя республиками соглашение о делимитации и узаконении административных границ советских времен двух республик, как государственных, раз и навсегда, чтобы об этом больше не было никаких разговоров и тем более споров.

К.Махкамов для решения поступившего предложения, отвечая Президенту Узбекистана И.А.Каримову пригласил некоторых ученых, в том числе и одного из авторов этих строк (а именно Р.Масова). Мы посоветовали Каххору Махкамовичу передать своему коллеге, что таджикская сторона согласится с предложением в том случае, если руководство Узбекистана и лично его Президент И.А.Каримов официально признают, что Самарканд и Бухара были и остаются историческими и культурными центрами таджикского народа. Президент Узбекистана, посоветовавшись с теми, кто у него присутствовал, отказался принимать таджикские условия.

На этом закончились переговоры о признании узаконивания на государственном уровне границ между двумя соседними республиками. Прошло много времени, что стало с решением государственных границ нам неизвестно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бартольд В.В. Таджики. – В сб.ст. «Таджикистан» – Ташкент, 1925, с.111.
2. Алкин Илиас. Средняя Азия, часть 1. – М., 1931, с.348.
3. Хасанов К. В.И.Ленин и Туркбюро ЦК РКП(б). – Ташкент: Узгосиздат, 1969, с.32-33.

4. История национально-государственного строительства в СССР. Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917-1937 гг.) – М.; Мысль, 1968, с.296.
5. ЦПА ИМЛ, ф.62, оп.2, д. 153, л.2, 2 об., 3, 7 об., 7, 8 об.
6. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенотчет. – М.: Госполитиздат, 1968, с.488.
7. Цит. по: Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Сб. документов, Т.II. – Алма-Ата, Изд-во АН Каз.ССР, 1964, с.647.
8. ЦПА ИМЛ, ф.62, оп.2, д.177, л. 41.
9. «Правда Востока», 1925, 30 августа.
10. ЦПА ИМЛ, ф.62, оп.2, д.1744, л.6 об., 176-178.
11. ЦПА ИМЛ, ф.62, оп.2, д.1744, л.10.
12. Там же, лл.12,13.
13. Там же, лл.13,16.
14. Там же, л.17.
15. Там же, с. 177-178.
16. Там же, с.173.
17. Там же, л. 42.

TO THE QUESTIONS OF NATIONAL-TERRITORIAL DELIMITATION OF CENTRAL ASIA: HISTORY OF THE CITIES BOXARA AND SAMARQAND

R. MASOV

Academician of the Academy of
Sciences of the republic of Tajikistan

A.VISNEVSKY

Doctor of History

This article dedicated to the one tragic pages of the history of Tajik nation in new time. It is based on real archive documents from Moscow, Dushanbe and Tashkent.

Keywords: national-territorial delimitation, Boxara, Samarqand, indigenous population, Pan-Turkism, Uzbek chauvinism.

ГОРОД ГИССАР В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (по материалам русских исследователей)

Х. ПИРУМШОЕВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистан; ул. Академиков Раджабовых 7, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан.
Тел.: (+992) 919148736; Pirumshoev.44@mail.ru

В статье освещается политическое, социально-экономическое положение города Гиссара, как крупного административного, ремесленного и торгового центра Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. Основываясь на сведениях русских исследователей, автор обстоятельно раскрывает общую картину города Гиссара, как определяющего центра в торгово-экономической жизни бекств Восточной Бухары.

Ключевые слова: Бухарский эмират, Туркестан, Восточная Бухара, Гиссар, Каратаг, Душанбе, русские исследователи, ремесло, торговля, Согдийско-таджикская археологическая экспедиция, Тупхане, Астанакул Куш-беги.

Город Гиссар¹ являлся административным, культурным и экономическим центром самого большого бекства в Бухарском эмирате. О его географическом расположении, как и всего края, до 70-х годов XIX в. в русской и европейской научной литературе не было почти ничего известно. В этом можно убедиться, ознакомившись с картами² и материалами начала 70-х годов XIX столетия.

Полковник Л.Н. Соболев, входивший в состав Туркестанского статистического комитета, в работе «Заметки о гиссарских владениях», написанной по расспросным сведениям, отмечал: «Мы даже не знаем, например, какой город в Гиссаре считается главным»³. Далее он приводит сведения, сообщенные ему уратюбинским казием в апреле 1870 г. во время его посещения города Ура-Тюбе: «В Душанбе живет гиссарский бек. В Каратаге и Тепе живут также беки. Города Гиссара нет. Округа, принадлежащие Душанбе, Каратагу и Тепе, все вместе составляют Гиссар»⁴.

Эти показания уратюбинского казиза чрезвычайно важны в двух отношениях. Они приводят к сомнению то, что Баш-Гиссар был главным городом гиссарских владений. К тому же имелась путаница в названиях: «Прежде говорили просто Гиссар, затем Баш-Гиссар, в Самарканде говорят Гиссар-бала и Гиссар-теппе, о базаре гиссарском я не слышал»⁵. Все это свидетельствовало о том, что даже в соседних

владениях были разные представления о Гиссаре вообще и его географическом положении, в частности.

Первым автором, приведшим наиболее достоверные географические сведения о городе Гиссаре, был Н.А.Маев. «Гиссар, – писал он, – расположен у входа в узкое ущелье, образуемое с одной стороны (западной) Баба-Тагом, а с восточной – еще более мощным кряжем Гази-Мелек. Каферниган течет в 8 верстах от Гиссара. Слово «Гиссар» значит ограда. Город имеет сильную, построенную на искусственно насыпанном холме цитадель, которая обороняет вход в ущелье Пави-Дульдуй»⁶ (имелась в виду Паи-Дульдуй, т.е. стопа Дульдуйла. Так называли коня Али – четвертого праведного халифа, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада. – Х.П.).

Эти данные почти повторяются в работе И.Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи»⁷ и дневнике «Путешествия в Туркестан 1897 г.» С.И.Коржинского⁸. О том, что город лежал «на берегу реки Хонака, впадающий в Каферниган» говорил В.В.Бартольд в статье «Гиссар»⁹.

По мнению некоторых русских дореволюционных исследователей, город Гиссар со времени своего основания являлся аванпостом, обороняющим край, и не являлся центральным пунктом. «Главным городом всего края, – писал Н.А.Маев, – Гиссар не может считаться уже и потому, что он лежит не в центре своего культурного района, а на окраине, следовательно, и доныне сохраняет характер передового поста»¹⁰.

Того же мнения придерживается и капитан Лилиенталь. Он утверждал, что крепость Гиссар играла роль передового поста лишь на первоначальном этапе для защиты Чаганиана от нападения хутталян¹¹.

Большинство русских дореволюционных исследователей, побывавших в этих местах, считали Гиссар древним¹² населенным пунктом. Того же мнения придерживаются и современные исследователи¹³. М.Хамраев пишет, что «нынешняя крепость Гиссар со своей городской стеной, по-видимому, существовала до арабского периода»¹⁴. Монеты, найденные Согдийско-таджикской археологической экспедицией в погребениях на Тупхане, близ Гиссара, свидетельствуют о том, что Гиссар в III-II вв. до н.э. был известен как крупный культурный центр Бактрийского государства. В.В.Бартольд отмечал, что «название Хисари Шадман или же просто Хисар, упоминается в истории Тимура сначала как резиденция могущественных тюркомонгольских князей, которые в беспокойное время после смерти эмира Казагана (759/1358) разделили область между собой, а затем как арсенал Тимура»¹⁵.

Далее он пишет, что при Тимуридах и узбеках Гиссар сохранял свое значение как сильная крепость и резиденция фактически незави-

симых князей или вождей племен¹⁶. Являясь ареной кровопролитных боев между Тимуридами и узбеками, город Гиссар испытывал немало страданий. В одном из этих боев из жителей города осталось будто – бы только 60 человек¹⁷.

После падения династии Шейбанидов в Мавераннахре Гиссар перешел в руки узбекского племени юз¹⁸, господство которого продолжалось до конца 60-х годов XIX века.¹⁹ С XIII в. до 1869 г. Бухарским властям лишь силой оружия удавалось на короткий срок времени поставить в зависимое положение гиссарских правителей.²⁰ «Широкая и вполне удобная для культуры долина Сурхана, – отмечал Н.Маев, – была средоточием политической культуры Гиссарского края в то время, когда он отделился от Бухары и жил своей самостоятельной жизнью».²¹

О безрезультатных стремлениях бухарских эмиров полностью подчинить Гиссар писал Д.Н.Логофет: «Сотни раз собирали свои войска бухарские эмиры и, войдя в союз с балхскими ханами, напали на гиссарскую землю, всеми силами стараясь захватить невзначай своего непокорного соседа. Но каждый раз неудачи преследовали союзников. Чуть ли не ежегодно в начале XIX столетия Насрулла-Хан, эмир Бухары, ходил в Гиссар (совершал поход Х.П.) и всегда возвращался из-под него лишь с большим срамом»²². По сведениям капитана Лилянталя Гиссар находился в состоянии номинальной зависимости от Бухары. «Но зависимость эта была крайне неопределенная, и дань платилась далеко неаккуратно».²³

В 1870 г. бухарским эмиром ценой больших потерь Гиссар был завоеван.²⁴ Этот край был окончательно присоединен к Бухаре. До падения Бухарского ханства Гиссар являлся самым крупным центром Восточной Бухары. Его правителем назначался один из сыновей эмира или кто-то из его приближенных.

Гиссар производил на некоторых путешественников хорошее впечатление. «Город, – пишет Н.А.Маев, – представлял весьма оригинальный вид. Местами живописно смешивались в общую группу мечети, дома с бала-хана и остроконечной, крытой камышом, кровлею, базарные навесы. Все это окружено, перемешано было свежей, сочной зеленью садов».²⁵ Он же отмечал изящность недавно построенного дворца Тюраджана²⁶. Город был обнесен стеной с круглыми башнями по углам и у ворот²⁷, которая уже в конце 70-х – начале 80-х годов развалилась во многих местах.²⁸ «Постройки, – писал Л.Ф.Костенко, – в Гиссаре имеют двускатные крыши, они кроме того красивы и высоки. Расположение города живописное. Дворец бека представляет здание действительно изящное».²⁹

Сведения о крепости Гиссара имеются почти у всех русских путе-

шественников, посетивших город. Это могучая твердыня, которая еще в середине XIX века считалась сильным оборонительным укреплением, в конце XIX и начале XX вв. находилось в полуразрушенном состоянии. Чтобы получить общее представление о ней, достаточно привести сведения Д.Н.Логофета: «Среди долины на высоком холме, господствуя над окружающей равниной, стоит старая гиссарская крепость, имевшая в свое время крупное значение как непреступная, сильно укрепленная резиденция владетельных гиссарских миров. Возвышаясь более чем на 50саженей, (сажень – 2,134 м. – Х.П.), старые стены ее далеко видны вокруг. Осыпавшиеся зубцы, обвалившиеся амбразуры, груды мусора вокруг наглядно указывают, что ее роль уже закончена, и в настоящее время она является уже не грозной твердыней, а лишь остатком старины, среди которой живет теперешний владыка Гиссара Астанакул Куш-беги – гроза всего здешнего края».³⁰

Почти все дореволюционные исследователи отмечали нездоровый летний климат Гиссара. «Хотя городу, – писал Л.Ф.Костенко, – и присвоен титул Шадман (веселый), но его правильнее называть болезненным, так как климат здесь нездоровый, вследствие окружающих город болот».³¹ Такое же впечатление о городе оставалось и у других гостей.³² Летом, когда почти невозможно было жить в Гиссаре, население переселялось в Каратаг, и город почти пустел. Его дворы и улицы покрывались целым лесом бурьяна, и город принимал вид вымершего и заброшенного места.³³ Только в базарные дни город наполнялся народом.³⁴

Что касается селения Каратага, то оно, являясь летней резиденцией гиссарских правителей, считалось одним из значительных населенных пунктов Гиссарской долины. Селение это было расположено к северу от Гиссара, на высоте 4-5 тыс. футов³⁵ у подножья Гиссарского хребта³⁶, по берегам реки Каратаг.

Крепость Каратага находилась на правом берегу реки, она занимала более 400 м в длину и около 200 м в ширину (ныне от нее остались одни развалины). Русские путешественники видели ее уже в заброшенном состоянии. По мнению некоторых исследователей, в частности П.Е.Косякова, крепость являлась резиденцией бывших независимых правителей Каратага.³⁷ Она также свидетельствовала о древности здешнего города.³⁸ Н.Маев отмечал: «Каратаг получил значение только в последнее время, когда жители Гиссара начали на лето переселяться в этот горный городок, опасаясь летней жары и лихорадок»³⁹. Главными частями Каратага были базар, а также летний дворец гиссарского бека, расположенные на левом берегу реки.⁴⁰

Землетрясением 1907 г. Каратаг был разрушен и практически утра-

тил свое значение.⁴¹ Позже стал медленно возрождаться, но так и не достиг своего прежнего уровня. После разрушения Каратага, бек на летнее время переезжал в селение Душанбе⁴² (позже столица Таджикской республики).

Душанбе в конце XIX – начале XX вв. являлся довольно значительным населенным пунктом.⁴³ Он занимал часть равнины левобережья реки. «Город находился в 20 верстах от Гиссара и со своей крепкой цитаделью лежал при входе в ущелье Варзоб»⁴⁴, – писал Н.Маев. «Это большой городок, – отмечал А.В.Нечаев, – с богатым базаром, раскинулся на равнине по левому берегу речки Душанбе – дарьи, недалеко от ее впадения в Кафирниган-дарью»⁴⁵.

В начале XX столетия Душанбе стал выделяться в торговом отношении среди других населенных пунктов Гиссарского края.⁴⁶ Здесь, как и в Кулябе в 1913 г. при содействии русских властей открылось почтово-телеграфное отделение.⁴⁷ Это свидетельствовало о его значении и месте среди городов Гиссарского края. По сообщениям А.В.Нечаева, «бек в Душанбе имеет высокий бухарский чин «инок» (соответствовало тайному советнику)».⁴⁸

Таким образом, несмотря на то, что Душанбе в конце XIX – начале XX вв. не являлся крупным политическим и административным центром, тем не менее, он имел ведущее место в торговом отношении среди городов Гиссарского края.

Численность населения города Гиссара определяется Д.Н.Логофетом и В.И. Масальским в 3000 человек.⁴⁹ Если же учесть положение Гиссара как самого крупного политического центра Восточной Бухары, то это цифра (т.е. 3000 ч.) явно неточна. К тому же С.И.Гулишамбаров определяет население Гиссара в 8000 человек. А.Панков считал, что до Октябрьской революции в Гиссаре проживало около 10.000 человек⁵⁰.

В этом плане вызывает интерес и определение численности населения Каратага и Душанбе. В летней столице Гиссарского бекства Каратаге, согласно сведениям капитана Стеткевича, в начале 90-х годов XIX в. насчитывалось 600 дворов, в которых жили 4000 человек.⁵¹ На 10 лет раньше Статкевича, т.е. в начале 80-х годов XIX в., П.Е.Косяков определял количество дворов в Каратаге в 700.⁵² По сведениям Д.Н.Логофета и В.И.Масальского, в начале XX в. в Каратаге насчитывалось 5000 жителей⁵³ (видимо, до Каратагского землетрясения 1907г.). Эту цифру подтверждает и Н.Г.Маллицкий.⁵⁴ После землетрясения в периодической печати появились сообщения о количестве погибших людей при разрушении города. Эти цифры колебались от 1 200 до 15 000 человек.⁵⁵ Таким образом, определение общей численности населения в Каратаге крайне затруднительно.

Но очевидно, что Каратаг был одним из довольно благоустроенных и оживленных городов Восточной Бухары. Свидетельством тому являются приведенные А.Маджлисовым стихотворные строки очевидца землетрясения, поэта, по имени Хатиб:

Дареғ аз Қаратоғу аз иморатҳою айвонаш,
Дареғ аз бою, аз аттору, боззоу, калононаш.
Дареғ аз амалдорону, мирзою, дабиронаш,
Дареғ аз лоларухсорону аз навхатчавонаш.

В переводе:

Жаль Каратага, его красивых домов с айванами,
Жаль его баев, торговцев и видных людей.
Жаль его чиновников, мира и сочинителей,
Жаль его цветущих девушек и сильных юношей.⁵⁶

Сведения о населении Душанбе являются также противоречивыми. Б.Н.Литвинов утверждал, что в городе было 500 дворов.⁵⁷ Д.Н.Логофет, не указывая на количество дворов, число жителей определил в 20000 человек, а С.И.Гулишамбаров наиболее вероятной цифрой для Душанбе считает 28000 человек, что при количестве дворов, определенным Б.Н.Литвиновым, выглядит весьма сомнительным. Вызывает сомнение утверждение А.Панкова о населении дореволюционного города Душанбе в пределах от 3500 до 4000 человек.⁵⁸ Он, видимо, исходил из положения Душанбе в период установления Советской власти. Тогда, при бегстве эмира Алимхана, город претерпел разрушения.

Из второстепенных административных центров, на территории Гиссарского бекства наиболее известными были Регар и Файзабад. До присоединения территории Восточной Бухары к ханству, они считались крупными населенными пунктами, но были разрушены бухарскими войсками в ходе завоевания этих мест.

Город Гиссар, как и тесно связанные с ним Каратаг и Душанбе, являлся самым главным пунктом сосредоточения ремесла и торговли всей Восточной Бухары. По сведениям русских исследователей, наиболее массовым занятием во всех городах Восточной Бухары являлось ткачество. Широкое распространение текстильное производство имело и в сельской местности, но города были центрами более развитого производства высококачественных изделий. Из всех городов Восточной Бухары наиболее широкой известностью в этом плане пользовались Каратаг и Душанбе. Изготовленная в этих городах шелковая алача была известна далеко за пределами Бухарского ханства.

Н.Маев называет алачу «изделием, которым славится Гиссар».⁵⁹

Г.Е.Грум-Гржимайло, говоря об известности гиссарской алачи, отмечает, что она «самая плотная из всех шелковых тканей которыми Бухара снабжала весь Восток».⁶⁰ О высоком качестве гиссарской алачи свидетельствовала ее цена. За один кусок платили 75 – 100тенег (15 – 25 руб.), а иногда цена доходила до 150 – 200 тенег (40-50 руб.).⁶¹ Гиссарские мастера изготовляли также полушелковую и бумажную алачу, которая была хуже по качеству и выпускалась, в основном, для внутреннего сбыта. В Каратаге и других городах Гиссара изготовлялись и другие виды ткани, особенно грубые хлопчатобумажные, шерстяные кошмы и куржумы.⁶² В Гиссаре, согласно данным И.К.Нарзикулова, в большом количестве и в нескольких сортах вырабатывалось сукно. Оно ткалось из бараньей шерсти, было плотным, но несколько грубоватым. Более тонкие и вместе с тем более прочные сорта этого сукна изготовлялись из верблюжьей шерсти. Кустарями в различных местах изготовлялись в большом количестве кошмы, паласы, джувалы (большие шерстяные мешки), подпруги и другие изделия.⁶³

Имеются сведения о торговых связях Гиссара с соседними регионами. Так, К.А.Абрамов в своих «Записках о Каратегине», отмечал, что здесь «охота за дикими зверьями весьма распространена, шкурка куницы продается на гиссарском базаре за 40-60 к., а выдры за 1р.20к.».⁶⁴ Таким образом, каратегинцы продавали свою пушнину в Гиссаре. По сведениям Г.А.Арандаренко хлопок, для приготовления бумажной ткани (бязи) каратегинцы приобретали на уратюбинском, гиссарском и кокандском рынках в обмен на «светительное» (ламповое) масло.⁶⁵ Он же писал, что в Каратегин, главным образом в Гарм, каждое лето приезжали торговцы из Ура-Тюбе, Гиссара и Кашгара «с железом, ситцем, алачой, адрясом, канаусом, табаком, седлами, платками, иголками, сакичем жевательным, гребнями, зеркалами простыми, мылом, мужской и женской обувью. Некоторая часть товаров продается на деньги правителю (ша) и служащим при нем, большое количество сбывается в обмен на скот, рогатый и мелкий, на шкуры медведей, сугуров (сурков – Х.П.), барса, на пушнину лисью, кунью, рыси, выдры»⁶⁶.

Таким образом, торговые отношения, хотя и в небольших масштабах, имели место между владениями Восточной Бухары в годы их самостоятельности.

Сведения русских исследователей, относящиеся к 80-м годам XIX в., свидетельствуют о значительных переменах в торговле. В этот период заметно возросло значение городов как экономических центров. Ряд из них в западной части Восточной Бухары получил широкую известность как центры торговли. Например, описывая каратагский

базар, капитан Стеткевич отмечает, что базар имел, кроме временных, 60 постоянно действующих лавок.⁶⁷ Он тянулся по одной улице с несколькими переулками, а ниже находилась открытая базарная площадь, на которой собирались окрестные жители для продажи своих товаров. Тут же находились конские и скотные базары.⁶⁸

Отмечая довольно тесные торговые контакты между городами Гиссарской долины, Стеткевич писал: «На Каратагский базар привозят хлеб из Гиссара, а вывозят в Регар, где за преимущественным производством риса пшеницы не хватает. По словам каратагского амлякдара, во всякое время можно без затруднения на каратагском базаре заготовить 1000 батманов (8000 пудов) пшеницы»⁶⁹. Он же отмечает, что в базарные дни в Каратаг и Денау приезжают кочующие с базара на базар торговцы.⁷⁰

Главным предметом внешней торговли для Восточной Бухары, в том числе и Гиссара, были сельскохозяйственные продукты и скот. «Лошадьми из Гиссара, – отмечал капитан Лилюенталь, – снабжаются даже наши рынки в Ура-Тюбе и отчасти в Самарканде»⁷¹. В Самарканд и Шахрисабз скупщики доставляли шкуры пушных зверей, которые продавались в Гиссаре на местных базарах.⁷² Другой крупный торговый центр – Денау обеспечивал зерном караваны, которые приходили осенью и зимой из города Карши.⁷³ По подсчетам Галкина, из средней и южной части Сурханской долины, вывозились в отдаленные области ханства до 20 000 пудов разного зерна, главным образом пшеницы и риса.⁷⁴ Г.А.Арандаренко отмечал, что в Каратегине шкуры пушных зверей продаются скупщикам из Бухары и Самарканда, или же отправляются при случае в Куляб и Гиссар. Он же указывает, что излишки хлеба сбываются в Матчу, Коканд и Гиссар.⁷⁵

Сведения русских дореволюционных исследователей в последующем убедительно показывают значительное усиление торговли в городах Восточной Бухары. Особенно заметно усилился рост торговых отношений в конце XIX и начале XX вв. Вступление России в стадию империализма не проходило бесследно и для Восточной Бухары. Создание здесь экономических основ для развития капиталистических отношений, положило начало ослаблению и ломке натурального хозяйства, развитию товаро-денежных отношений, усилению торговых связей между городами края, увеличению поставки промышленных товаров из России на территорию Восточной Бухары. Такие города, как Денау, Кабадиан, Каратаг, Душанбе, Куляб превращались в довольно известные торговые пункты.

В конце XIX – начале XX вв. летом в Каратаг, по словам Р.Ю.Рожевица, перемещалась вместе с населением почти вся торговля Гиссара.⁷⁶ После землетрясения в Каратаге, Душанбе занимает ве-

дущее место в торговле Гиссарского бекства. «В торговом отношении, – писал Б.Н.Литвинов, – Душанбе начинает все более и более выделяться из среды всех гиссарских городов и даже побил самого серьезного своего соперника по торговле – Регар, который стал вследствие этого падать».⁷⁷ В.И.Липский подчеркивал, что в Душанбе «базар тут бывает большой, и сюда приходит много людей со всех сторон»⁷⁸.

Стеткевич, говоря о товарообороте на крупных базарах Гиссарского бекства (главным образом, в Каратаге), пишет, что вывоз ограничивался рисом, баранами, шкурами и кое-какими местными изделиями, вроде ножей. А ввоз достигал больших размеров. Предметы ввоза – те же, что во всем Туркестане и Бухаре, т.е. мануфактурные товары, металл, сахар, чай и прочее.⁷⁹ Почти те же сведения, только с некоторыми дополнениями содержатся у Н.А.Бендерского. «Из Гиссара, – пишет он, – вывозят пшеницу, рис, ячмень, шкуры. Скот (лошади и бараны) гонится на продажу в Ура-Тюбе, Самарканд, Шаартуз (Шахрисабз. – Х.П.). Вывозится преимущественно мануфактурный и бакалейный товар – посуда, сахар, чай и прочее. Весь этот товар идет в Гиссар через Дербент и Байсун, а летом – через перевал Мура из Самарканда».⁸⁰ Строительство железных дорог способствовало увеличению производства технических культур, таких как хлопок⁸¹ и лен, а также пшеницы. По сведениям И.И.Гейера, «сотни тысяч пудов льняного семени везутся из Денау, Куляба и других бекств Гиссара и частью в зерне, а, главным образом, в масле доставляются в г. Бухару. В городе Карши имеется целая улица, занятая маслобойными заводами, перерабатывающими лен, идущий сюда с гор»⁸².

Если в 1885 году, посетивший Восточную Бухару, Г.Е.Грум-Гржимайло отмечал, что на здешних базарах почти отсутствовали российские товары, и только в Каратаге он видел лавку с русскими железными изделиями и мануфактурой,⁸³ то спустя несколько лет, в 1889-м, Стеткевич в Каратаге заметил достаточное количество ситца, сахара, металла, посуды и других товаров из России.⁸⁴ В 1896 г. Каратаг посетил В.И.Липский. По его словам, в нем «много лавок, где можно купить многое и, прежде всего, московскую мануфактуру»⁸⁵.

В Гиссаре, как и в других городах бекств Восточной Бухары можно было наблюдать неимоверно высокую степень эксплуатации трудового населения и ужасные меры, чтобы держать его в повиновении. Д.Н.Логофет, описывая положение заключенных, отмечает, что «к числу особенностей содержания в тюрьмах надо отнести правила, по которым заключенные содержания не получают, и в силу этого или им приносят припасы родственники, или же питаются от подаяния проходящих. Страшные раны, натираемые колодками и цепями, ни-

кем не лечатся и, превращаясь в гнойные язвы, доставляют заключенным много страданий. Не редкость видеть людей, побывавших в тюрьмах, и на всю жизнь сохранивших в виде воспоминаний о своем пребывании в них какое-нибудь значительное увечье. Вроде вывихнутой руки и ноги, сросшихся под колодкой неправильно и превратившей бывшего заключенного в калеку»⁸⁶. Побывав в гиссарской тюрьме, Д.Н.Логофет свои впечатления передавал следующим образом: «Мы, выходя из бекского дома, расположенного на крепостном холме, в сопровождении есаул-баши, двинулись по узким переходам, спускаясь куда-то все ниже и ниже. Темные коридоры едва освещались небольшими бойницами в толстых стенах. Спертый горячий воздух затруднял дыхание. Еще несколько ступеней вниз, и мы очутились в сводчатых подвалах, где лежа и сидя виделись темные человеческие фигуры. Лязганье кандалов нарушало тишину. Здесь сидели совершившие небольшие преступления сроком на 1-2 года. В следующем подвале, где воздух до того был пропитан миазмами, что трудно было дышать, находились заключенные, совершившие различные более тяжкие преступления, прикованные за шею к стене. Еще ниже, освещенный косыми лучами солнца, подавшими сквозь узкую бойницу, виднелся какой-то колодец, казавшийся бездонным. Сюда спускались самые тяжелые преступники, которые уже никогда не выходили. Отсюда-то внизу слышались слабые человеческие стоны. Подавленные всем виденным, мы, лишь выбравшись на воздух, освободились от кошмарного ужаса всей виденной картины».⁸⁷

Бухарские власти, опасаясь недовольства местного населения, в некоторых городах Восточной Бухары (Гиссаре, Кулябе, Бальджуане, Калаи-Хумбе) содержали наготове известное количество бухарских сарбазов (солдат). М.А.Варыгин, сомневаясь в их пользе, писал: что войска подготовлены на случай возможного осложнения внутри страны.⁸⁸ В донесении Политагентства от 24 января 1889 года говорилось: «Бухарские сарбазы настолько привыкли подчиняться своим военным начальникам, что в случае народного бунта против эмира они по приказанию начальников, будут стрелять в кого угодно, даже в мулло и родственников своих»⁸⁹.

«С 1907 г., – отмечал Д.Н.Логофет, – в ханстве уже начало замечаться глухое брожение среди населения. Отзвуки волнения в Персии, а затем в России и в областях Средней Азии еще более взвинтили настроение. Предположения о возможности беспорядков как бы носились в воздухе, передаваясь откуда-то в виде слухов, крайне неопределенного характера. Сидя в глухом кишлаке Восточной Бухары, нам приходилось неоднократно слышать различные свежие новости от многих лиц, то сообщавших, что были беспорядки в Гиссарском

бекстве, где избили амлякдара, то откуда-то появлялся слух, что народ расправился в Денау с закетчи. Глухое недовольство беками выливалось в огромное число жалоб на них и на низших служащих, и наконец, вполне определенно заговорили о возможности народного восстания в ханстве»⁹⁰.

Первая мировая война и усиление социального кризиса, новый подъем революционного движения в России, свержение царизма подняли и народы Восточной Бухары, в том числе Гиссарского бекства, на борьбу против мангитского режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слово «Гиссар» от таджикского произношения «Хисор» (ограда или укрепление). При чем такое название введено в науку русскими дореволюционными авторами, и оно, несмотря на некоторые попытки вернуться к первоначальному варианту (см. Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конце XIX – начала XX вв // Труды АН Тадж. ССР, т. 114, Сталинабад, 1959, – С.10, прочно утвердилось в советской научной и популярной литературе.
2. См. например: «Карта Кокандского ханства и верховья Аму-Дарьи», состав. Федченко А.П. в 1872 г. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан, М., 1950, – С. 24 – 25.
3. Соболев Л.Н. Заметки о гиссарских владениях и о среднем течении Сурх-аб-Дарьи // Изв. РГО. – Т. 9-1873, – С. 309.
4. Там же. – С.311.
5. Там же. – С. 311. В действительности рядом с городом Самаркандом местность называлась Хисори боло. Впоследствии здесь археологи нашли остатки бывшего города Афрасияб и, видимо, автор, услышав это, приурочил его к городу Гиссару. См.: Вяткин В. Афрасияб – городище бывшего Самарканда (археологический очерк). – Ташкент, 1927. – С.3.
6. Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. – С.193-194.
7. См. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – С.36.
8. Архив АН РФ (Санктпетербургское отделение). – Ф. 303. – оп.1. – ЕД.хр.49. – Л21; См. также: Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. // Материалы для географии и статистики России. – Т.П., – СПб., 1880, – С.148; Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.235.
9. Бартольд В.В. Гиссар (Хисар) // Соч., т.III – М., 1965. – С.401; Более подробно о местоположении Гиссара см. : Дьяконов М.М. Работа

- Каферниганского отряда // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции// (СТА). – С.151-153.
10. Маев Н.А. Очерки Бухарского края. – С.194.
 11. Кап. Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства. – 1889. Сборник материалов по Азии. – Вып.57, СПб., 1894, с.313. См. также Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX – начала XX вв. (Труды АН Тадж. ССР, Т. 114), Сталинабад, 1958. – С.10.
 12. См.,напр.: Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.238-239.
 13. См, напр.: Давидович Е., Мухтаров А. Страницы истории Гиссара. Душанбе, 1969. – С.20.
 14. Хамраев М. Указ. работа. – С.10
 15. Бартольд В.В. Гиссар (Хисар). – С.401.
 16. Там же. – С.401.
 17. Там же. – С.408; См. также Дьяконов М.М. Работа Каферниганского отряда. Труды СТАЭ. – ТТ. Материалы и исследования по археологии СССР. – М. –Л., 1990. – №15. – С.151.
 18. Хотя В.В.Бартольд называет юзов туркменскими племенами, но в действительности это узбекское племя. См. Бартольд В.В., Указ.соч, – 402.
 19. См. Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства. – С.24.
 20. Бартольд В.В. Гиссар. – С.402; См. также: Дьяконов М.М. Указ.соч. – С.151.
 21. Архив Российского Географического общества (РГО). – Р.89. Оп.1, Д.8, – Л.20.
 22. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.238.
 23. Кап. Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства. – С.313.
 24. О завоевание Гиссара см. : Стреомоухов Н. Поездка в Бухару //Русский вестник, 1875. – №6. – С.685. Кап. Лилиенталь. Указ.соч. – С.313-314; См. также: Хамраев М. Очерки истории Хисара. – С.27-28.
 25. Маев Н.А. Очерки Гиссарского края. – С.196; См. также: Масальский В.И. Туркестанский край. – С.735.
 26. РГВИА. – Ф.1438, оп.1, д.5, л.32.
 27. Кап. Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства. – С.315.
 28. Косяков М.Е. По Каратегину и Дарвазу. – С.597; См. также: Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.236-237.
 29. Костенко Л.Ф. Туркестанский край. – С.148.
 30. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.235-236.
 31. Костенко Л.Ф. Туркестанский край. – С.148
 32. РГВИА. –Ф.1438. – Оп.1, ед. хр. 5, Лл. 32-33.

33. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С.235.
34. Кап. Лилиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства. – С.351.
35. Фут – мера длины равняется 30,48 см.
36. Логофет Д.Н. Указ. соч. – С.257.
37. Косяков П.Е. По Каратегину и Дарвазу. – С.596.
38. Логофет Д.Н. Указ. соч. – С.258-259.
39. РГВИА. –Ф.1438. – Оп.1, ед. хр. 5, – Л. 33; См. также: Маев Н. Очерки Бухарского ханства. – С.189..
40. Более подробно см.: Ершов Н.Н. Каратаг и его ремесло. Душанбе: Дониш, – 1984.
41. См.: Красильников В. Погибший город Каратаг и его окрестности // «Землевед». – Т.ХУ. Кн.1. – 1908. – С.81-92; Корольков. Каратагское землетрясение 8октября 1807 года. // Изв. Турк.отд. РГО. – Т.1Х, 1913. – С.43-66.
42. Малицкий Н.Г. Учебное пособие по географии Таджикистана. – Ташкент – Самарканд. 1929. – С.130.
43. Описание Душанбе дается Андреевым в «Туркестанских ведомостях», 1916. – №68, 72, 81, 88, 89. Более подробно см. : Юсупов Ш.Т. История дореволюционного Душанбе.
44. РГВИА. –Ф. 1438. – Оп.1. – Ед.хр.5. – Л.32.
45. Нечаев А.В. По горной Бухаре. – С.98; более подробно о географическом расположении дореволюционного г.Душанбе см.: Маджлисов О. Материалҳои кишоваршиносӣ. – С.61.
46. См.: Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. Т.98, 1904. – С.701.
47. ЦГА Уз. – Ф.126. – Оп.2. Д.1761.
48. Нечаев А.В. По горной Бухаре. – С.98.
49. Масальский В.И. Туркестанский край. – С.85.
50. Панков А. Население Таджикистана (демографический очерк). Сб.Таджикистан. – Ташкент, 1925. – С.85.
51. Кап. Стеткевич. Бассейн Каратаг-дарьи. (Военно-геогр. очерк) // Сборник материалов по Азии. – СПб., 1894. – С.269.
52. Косяков П.Е. По Каратегину и Дарвазу в 1882 г. (Путевые заметки)// Изв. РГО. Т. Х1Х, 1884. – С.596.
53. Масальский В.И. Туркестанский край. – С.735.
54. Маллицкий Н.Г. Учебное пособие по географии Таджикистана. – С.130.
55. См.: Русская окраина за 1907г. №№ 437, 439, 440-442, 444, 446, 447, 450-452, 454, 456, 459, 460; Туркестанские ведомости. – 1907. – №183. – М.М.Бронников. Каратагское землетрясение, СПб., 1908.
56. Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в Х1Х – начале ХХ века, Душанбе, – Алма-Ата, 1967. – С.303.

57. Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. Т.98. – СПб., 1904. – С.701.
58. Панков А. Население Таджикистана. – С.85.
59. Маев Н. Очерки Бухарского ханства. Очерки Гиссарского края // Материалы для статистики Туркестанского края. – Вып. 5. – СПб., 1879. – С.191.
60. Грум-Гржимайло Г.Е. Очерки При-Памирских стран // Изв. РГО. – Т.2. – 1886. – Вып. 2. – С.104; О производстве шелковой материи в Бухарском ханстве. См. : Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. – Т. 1. – СПб. 1911. – С.272-273.
61. Грум-Гржимайло Г.Е. Очерки При-Памирских стран. – С.104; Маев Н. Указ. соч. – С.190-191; Губаревич-Радобильский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. – СПб., 1905. – С.76.
62. Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг – Дарьи (Военно-статистический очерк) // Сборник материалов по Азии. – Вып.57. – СПб., 1894. – С.255.
63. Нарзикулов И.К. Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана. – Сталинабад. 1957. – С.15. По его словам, ни в одном из населенных пунктов Восточной Бухары не было столько ткацких станков, сколько имелось в Каратаге. (См.указ. соч. – С.36).
64. Абрамов К.А. Записка о Каратегинском владении, составленная по расспросам // Изв. РГО. – Т.62. – СПб., 1970. – Вып.3. – С.109.
65. Арандаренко К.А. Каратегин (по расспросным сведениям) // Военный сборник. Т. – 121. – 1878. – №5. – С.124.
66. Там же. – С.125.
67. Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-дарьи. – С.257.
68. Там же.
69. Там же. – С.252.
70. Там же. – С. 257.
71. Капитан Либиенталь. Гиссарское и Кабадианское бекства. – 1889. Сб. материалов по Азии. – Вып.. 57. – СПб., 1894. – С.374.
72. Капитан Стеткевич. Указ соч. – С. 256.
73. Галкин. Военно-статистический очерк Средней и Южной Сурханской долины 1889г. // Сборник материалов по Азии. – Вып. 57. – СПб., 1894. – С. 374.
74. Там же. – С.374-375.
75. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. – СПб., 1889. – С. 460-461.
76. Архив РГО. – Ф. 83. – Оп.1. – Д.366. – Л.114.
77. Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памир // Исторический вестник. – 1904. – Т.98. – С.701-702.
78. Липский В.И. Горная Бухара. Ч.2. – СПб., 1902. – С.398; См. также

- Рожевиц Р.Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару // Изв. РГО. – Т.44. 1908. – Вып.9. – С.634.
79. Капитан Стеткевич. Указ. соч. – С.256.
80. Бендерский Н.Е. Гиссарское бекство. – «Туркестанские ведомости», 1904. №42.
81. Согласно подсчетам члена Восточно-Бухарского товарищества З.А.Белиницкого урожая хлопка-сырца в Курган-Тюбинском, Гиссарском, Ширабадском, Байсунском, Кулябском, Кабадианском и Денауском бекстве в 1915 г. «Достигло количества от 90-тыс. до 100 тыс. батманов», когда по его же словам всего 5 лет назад в этих районах (кроме Ширабадского бекства), почти не было хлопка (ЦГА Уз ССР, ф.3, оп1, д.919, л.17).
82. Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. – Ташкент, 1901. – С.112.
83. Архив ГО. – Р.89. – Оп.1, А.8. Л.78.
84. Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-дарьи. – С.257.
85. Липский В.И. Горная Бухара. – 1896. Ч.1. – СПб., 1902. – С.106.
86. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. – Т.1. – С.332-333.
87. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – СПб., 1913. – С.252-253.
88. Варьгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства. // Изв. РГО. – Т.52. – Вып.10. – 1916. – С.800; См. также: Логофет Д.Н. Страна бесправия. – С.50; Он же. Бухарская армия. // Разведчики. – 1906. – №831. – С.704-705.
89. РВИА. Ф.483. – Оп.1. – Ед.хр.№132. – Л.184.
90. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русскими протекторатом. – Т.2. – С.264.

CITY HISSAR AT THE END OF XIX – BEGINNING XX CENTURY (ACCORDING RUSSIAN RESEARCHERS)

H.PIRUMSHOEV

This article is devoted to political, social-economic situation of City Hissar as one of the biggest craft and trading centre of East at the end XIX – beginning XX century. On the foundation of Russian evidences, an author open common situation of Hissar City as the main centre in economic-trade life of Eastern Bukhara part.

Keywords: Bukhara Emirate, Turkistan, East Bukhara, Hissar, Karatag, Dushanbe, Russian resucehers, craft, trade, Suqd-Tajik archeological expedition, Tupkhona, Astangul, Kushbegi.

ГИССАРСКАЯ ДОЛИНА В АХЕМЕНИДСКИЙ ПЕРИОД (VI-IV вв. до н.э.)

С.БОБОМУЛЛОЕВ

заведующий отделом археологии Института истории,
археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук
Республики Таджикистан, доктор исторических наук
ул. Рудаки 33, 734025 г. Душанбе, Республика Таджикистан
E-mail: bobmulloev_said@mail.ru, тел. (+992) 221 28 66

Статья затрагивает страницы истории Гиссарской долины Ахеменидского периода (VI – IV вв. до нашей эры) на основе исследований археологических памятников. Рассмотрены вопросы локализации Гиссара, а также соседних областей, которые упомянуты в источниках того времени.

Ключевые слова: Гиссар, Хориён, Шутурхона, Гиссарская крепость, Ахеменидский период.

Огромное государство Ахеменидов, в состав которого в VI-IV вв. до н.э. входила большая часть Средней Азии, включала и территорию Гиссара. Правда, свидетельства эти датируются самым концом Ахеменидского периода, временем походов Александра Македонского. Да и говорят они, главным образом, о действиях самого греческого полководца, тем не менее, могут помочь в характеристике условий, имевшихся в этих местах, во всяком случае, к концу существования Ахеменидского государства. Ниже мы попытаемся раскрыть их, учитывая то, что местности, упомянутые в описаниях Александра Македонского, локализуются приблизительно, ни одно из их названий не прослеживается в более поздних источниках, в позднейшей топонимике этого края.

Гиссарская долина в те времена входила в состав большой области Паретакена (или Страна паретаков). Судя по контексту, в котором упоминается эта страна, она находилась между Согдианой и Бактрией.¹ Последним согдийским пунктом на пути из Согдианы в Паретакену была так называемая Согдийская Скала, по-видимому, своего рода пограничная крепость; для нее предложена убедительная локализация в горах Байсуна, недалеко от известного прохода, именуемого «Железными воротами».² А границей Бактрии всегда считалась река Окс (Аму-дарья). Таким образом, вполне можно согласиться с теми учеными, которые определяют Паретакену как обширную страну, охватывающую долины Сурхана, Кофирнигана, Вахша, а также

район Куляба,³ т. е. всю территорию между Гиссарским хребтом и рекой Аму-Дарья, включая и Гиссарскую долину.

Хотя Паретакена, как видим, противопоставляется Согдиане и Бактрии, тем не менее, в источниках имеются некоторые указания, позволяющие все же считать эту страну частью Бактрии.

Так, Скала Сисимифра, отождествленная со скалой Хориена в стране паретаков, названа бактрийской.⁴ В числе этих областей иногда упоминают и Навтак, но он в связи со Скалой Сисимифра упомянут в источниках по недоразумению, это отмечал уже И.Маркварт,⁵ что локализовать совсем уже трудно. Таковы Габаза, возможно, имеющая наиболее близкое отношение к Гиссарской долине,⁶ Бубакена. О городах здесь, в ту эпоху, никаких упоминаний нет; лишь «скалы», т.е. горные крепости. Такова Скала Хориена, отождествляемая со Скалой Сисимифра в других источниках.⁷ Скала эта имела, по одним источникам, высоту в 15 стадиев и окружность в 80 стадиев, по другим – высоту в 20 стадиев и окружность в 60 стадиев.⁸ По различным описаниям, сохранившимся в источниках, можно примерно представить, как выглядела эта горная крепость. Ущелье, которое вело к ней, было перегорожено какими-то искусственными укреплениями. Сама возвышенность была окружена глубоким ущельем с протекавшей там рекой, а с тыла имела высокую гору. Через гору был пробит ход, который незаметно выводил на поля, вершина «скалы» была плоской и также имела поля, способные прокормить 500 человек.⁹ Скала эта находилась где-то на окраине Гиссарской долины, некоторые исследователи помещают ее на Вахше, близ Нурека, в районе Пули-Сангина. Эта локализация предложена и Ф.Шварцем и принята И.Марквартом¹, а также Литвинским.¹¹

Об общественном строе Паретакены в источниках мало что сказано, ясно лишь то, что областью правила знать, имевшая, на случай опасности, укрепленные горные гнезда – «скалы». Экономически эта знать была достаточно сильной, как тот же Хориен, или Сисимифр, имели в своей крепости громадные запасы хлеба, вина солонины; одной десятой части этих запасов хватило, чтобы снабдить едой все войско Александра Македонского на два месяца.¹² Этот же представитель знати снабдил греческого полководца множеством вьючных животных, двумя тысячами верблюдов, мелким и крупным рогатым скотом.¹³ Интересно отметить, что, согласно античным источникам, женой Сисимифра была его собственная мать,¹⁴ такие, браки между близкими родственниками, как известно, встречались и даже рекомендовались у зороастрийцев. Этот факт интересен и тем, что в Бактрии находился один из древних, может быть, древнейший, центр зороастризма.¹⁵

Рядом с земледельцами, как и позже в этих краях, обитали кочевники. Последние в ту эпоху назывались саками. Возможно, что пастбища саков начинались уже где-то за Файзабадом или Рамитом¹⁶ на территории позднейшего Каратегина. О богатстве саков скотом можно судить по тому факту, что Александр во время кратковременного похода против них сумел добыть 30.000 голов.¹⁷ Как можно заключить по контексту источника, упомянувшего о саках, то они были враждебны, во всяком случае, знати паретаков, и вряд ли подчинялись в то время Ахеменидам. Впоследствии, видимо, те же каратегинские саки упомянуты у Птолемея, как сакское племя комеды¹⁸, а у арабоязычных авторов, как кумитжи, но этих последних Бартольд считал уже тюрками¹⁹.

Бактрия была завоевана ахеменидом Киром где-то в третьей четверти VI в. до н.э.²⁰ Видимо, тогда же вошла в состав Ахеменидского государства и Паретакена с Гиссарской долиной. Но о событиях, происходивших здесь во времена ахеменидского владычества, никаких сведений не имеется. Можно полагать, что Паретакена, как часть Бактрии, входила в состав Бактрийской сатрапии с центром в городе Бактры (позднейший Балх) т. е. административного округа, на которые делилось Ахеменидское государство. Этот округ платил дань, состоявшую при Дарии I, (360 талантов серебра²¹), кроме того, из Бактрии доставлялось золото.²² В самом конце ахеменидского периода, когда бактрийский сатрап Бесс намеревался организовать сопротивление Александру Македонскому на территории Бактрии и Согдианы, в его свите находились, по-видимому, и люди из страны паретаков. Такими были, может быть, Оксиарт²³, названный в источниках бактрийцем²⁴ и как-то связанный со Скалой Хориена, и Каран²⁵, судя по имени, человек местного происхождения²⁶, и также действовавший позже у паретаков.

В Гиссарской долине мало обнаружено памятников эпохи Ахеменидского периода. К этому периоду с уверенностью можно отнести один из нижних слоев раскопок № 1 Шутурхоны Гиссарской крепости, остатки поселений Шуртугай I, Шуртугай II и поселение Киблаи.

Гиссарская крепость располагается на основной возвышенности, которая является естественным холмом площадью около 17 га. Поверхность крепости не ровная, с сильно пересеченным рельефом, с понижением в западной части, где имеется родник. Крепость отчетливо делится на три не равные по размеру части. Одна из них, Арк, цитадель, которая имеет вид усеченной пирамиды. В плане – цитадель прямоугольная: длиной 200 м, шириной 150 м., высотой 40-50 м.

Юго-западнее цитадели вплотную к воротам примыкает другая часть крепости. Высота ее над окружающей местностью 20-25 м, с

трех сторон она окружена глинобитной стеной и дувалом высотой 3, 5-4 м. На этом участке имеются оплывшие следы крупных строений, представляющие собой всхолмления с пологими краями, высотой от 1 до 3 м. Этот участок называют Шутурхона (Верблюжья конюшня).

Третья часть крепости – самая большая и самая низкая (высота около 10-12 м. над окружающей местностью). Она примыкает к цитадели и Шутурхоне с северо-запада. Эта часть крепости включала в себя постройки для низких сословий солдат и называется Кургони Кульоба (Крепость на лужайке). Здесь имеется родник. Поверхность ее в 50-х годах прошлого столетия была подвергнута планировке, в результате чего остатки поздних построек снесены.

Материал VI-V вв. до н.э., собран в раскопе №1 на Шутурхоне. В его серии, керамические изделия с цилиндрической формой корпуса высоких пропорций. Материал IУ-Ш вв. до н.э. собран в раскопе № 1 на Шутурхоне и в нижних слоях Шурфов на Кургони Кульоби. В раскопе № 1 на Шутурхоне исследованы остатки жилища № 1 земляночного типа. Стенки землянки имели мощную обкладку из кирпича сырца размерами 40х40х10-13 см, 42х42х10-13 см, 40х20х10 см. На уровне пола жилища были собраны фрагменты тарной, кухонной, столовой посуды. Тарна приставлена донной частью круглодонного хума, на наружной поверхности которого нацарапана трехлепестковая вихревидная розетка. Кухонная посуда представлена фрагментом лепного котла баночной формы со стержневой ручкой. В серии столовой посуды – тарелочки с клювовидным венчиком, корпуса бокалов круглоконической формы. Аналогичный материал зафиксирован в нижних слоях Аскархона кургони Кульоби.

В Шутурхоне стратиграфический слой этого периода четко перекрывается перемешанными слоями греко-бактрийской и рушанской эпох.

Шуртугай II (останец) находится на расстоянии около 350 м юго-западнее кишлака Шуртугай, на второй пойменной над террасой р. Кофирниган. На карте, заснятой в 50-х годах, здесь значится небольшой холм размером 15х25 м, площадью 375 м, высотой 2 м. Однако древний рельеф не сохранился, он снесен недавно. На расстоянии около 50 м, к югу от этого места, проходил арык по восточно – западному направлению, затем по северному направлению. По рассказам старожилов, по старому руслу в обрезах арыка просматривались ряды больших хумов, которые в результате планировки были засыпаны. В целом площадь поселения более 5 га, она вытянута по северо-западному направлению, где имеются фрагменты керамики, которые с полной уверенностью можно отнести к ахеменидскому времени.

Предварительное изучение было осуществлено пятью шурфами

площадью 60 м. 4 шурфа доведены до материка в глубину от 1,10 до 2,20 м.

Шурфами 1-2, заложенными на месте снесенной стены, вскрыты глинобитные платформы на каменных фундаментах. Шурфы 3-4 находятся на краю террасы, на наиболее хорошо сохранившейся части поселения. Здесь выявлены 2 жилых горизонта, заполненных завалами от глинобитных сооружений.

Изделия изготовлялись из хорошо просеянной, перемешанной светлой глины и формовались на гончарном круге быстрого вращения. Посуда, в основном, тарного типа. Хумы и хумчи цилиндрического и цилиндро-конической формы, высоких пропорций с подкосом к передней части и монетовидным или клюевидным венчиком. Есть столовая посуда, также очень высокого качества выделки.

Поселение Шуртугай III не исследовалось, но полученный подъемный керамический материал аналогичен Шуртугаю II.

Поселение Киблаи расположено на адырой полосе на террасе сая, восточнее кишлака Киблаи. Это поселение тоже не исследовалось. Подъемный материал такой же как на Шуругае II и Шуругае III.

Судя по материалам шурфов из Шуртугая II и подъемным керамическим материалам, найденным в обрезах и на поверхности поселений Шуртугай II, Шуртугай III и Киблаи, они прекратили свое существование в IV в. до н.э. и никогда больше не обживались.²⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арриан. Анабасис Александра // Поход Александра, пер. с древнегреческого М.Г. Сергеенко М. – Л., 1962. 2I, IIIY, 22, I.
2. SchwarzF. – Alexander des GrossenFeldzuge in Turkestan. ZweitAuflage. Stuttgart, 1906, p. 83-88; MarquartJ. WehrotundArang. – Leiden. 1938, с. 75-77; MarquartJ. WehrotundArang.–Leiden. 1938. p. 73, прим.1с. 74, прим.5.
3. Литвинский Б.А. Борьба народов Средней Азии против грекомакедонского завоевания.// История таджикского народа. Т. 1. Древнейшая и древняя история. Душанбе – 1998.
4. Страбон, XI. Цитируем по книге Страбон, География в 17 книгах, пер. с древнегреческого Г.А. Стратановского, Ленинград, 1964 . II, 4).
5. Marquart J. WehrotundArang.–Leiden. 1938.p. 73, прим. 1.
6. Marquart J. WehrotundArang.–Leiden.1938.p. 75 прим. 2.
7. Литвинский Б.А. Борьба народов Средней Азии против грекомакедонского завоевания.// История таджикского народа. Т. 1. Древнейшая и древняя история. Душанбе – 1998.
8. Арриан. Анабасис Александра //Поход Александра, пер. с древнегреческого М.Г. Сергеенко М. – Л., 1962. , IY, 21, 10.

9. Арриан. Анабасис Александра // Поход Александра, пер. с древнегреческого М.Г. Сергеенко М. – Л., 1962. IV, 2I, I-9 ;Курций Руф. История Александра Македонского, пер. с латинского под ред., В.С. Соколова, Москва, 1963. УШ, 4, I9, 33; Страбон . пер. с древнегреческого Г.А. Стратановского, Ленинград, 1964.XI, II, 4.
10. SchwarzF. – Alexander des GrossenFeldzuge in Turkestan. ZweitAuflage. Stutgart, 1906, p. 83-88; MarquartJ. WehrotundArang. – Leiden. 1938. p. 74-75;
11. ЛитвинскийБ..Борьба народов Средней Азии против греко македонского завоевания.//Историятаджикского народа. Т.1. Древнейшая и древняя история. Душанбе – 1998..
12. Арриан. Анабасис Александра, //Поход Александра, пер. с древнегреческого М.Г. Сергеенко М. – Л., 1962. IV, 21, 10
13. Курций Руф. История Александра Македонского, пер. с латинского под ред., В.С. Соколова, Москва, 1963. VIII, 4, 19.
14. Курций Руф. История Александра Македонского, пер. с латинского под ред., В.С. Соколова, Москва, 1963. VIII, 2, 19, 28.
15. Пьянков И.В. Ктесий о Зораастре, // МКТ, вып.1, Душанбе, 1969. с. 63-64.
16. Marquart J. Wehrotund Arang.–Leiden. 1938. p. 75.
17. Курций Руф. История Александра Македонского, пер. с латинского под ред., В.С. Соколова, Москва, 1963. УШ, 4, 20.
18. Птолемей. География. //Древние авторы о Средней Азии (У1 в. до н.э. – III в. н.э.) Хрестоматия под ред. Л.В. Баженова, Ташкент, 1940. У1, 13.
19. Бартольд В.В. Сочинения, Т.1, Москва, 1963, с. 120-121.
20. Ставиский Б.Я. Средняя Азия под властью Ахеменидов (У1-У вв. до н.э.), в кн. ИТН, т.1, Москва, 1963. с. 190-191).
21. Геродот. История в девяти книгах.Ленингад. 1972, т.III, 92с.168.
22. Древний Восток. Хрестоматия по истории древнего мира, Москва, 1950.с. 275.
23. Арриан. Анабасис Александра // Поход Александра, пер. с древнегреческого М.Г. Сергеенко М. – Л., 1962. III 28, 10.
24. Арриан. Анабасис Александра //Поход Александра, пер. с древнегреческого М.Г. Сергеенко М. – Л., 1962. IУ,18,4.
25. Арриан. Анабасис Александра. // Поход Александра, пер. с древнегреческого М.Г. Сергеенко М. – Л., 1962.УП,5,19-26, 41-42.
26. Оранский И.М. К имени бактрийского вождя КАТАННЕ (IУ в. до н.э.) // «Палестинский сборник», вып.21 (84), Москва, 1970. с. 155-160).
27. Атахонов Т,М. Археологическая карта Таджикистана Гиссарская долина.Душанбе. «Дониш» 2015 с.32.

THE HISSAR VALLEY IN AKHAMENID PERIOD

S.BOBOMULLOEV

Doctor of historical sciences, head of department of Archeology

A. Donish Institute of History, archeology and ethnography

Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

Tel.: 221 28 66

Article affects the pages of history of the Hissar valley in VI-IV centuries B.C. Considered the problems of localization of Hissar, as well as neighboring areas, which are mentioned in the sources of that time. Also, studied the history of the Hissar Valley based on studies of archaeological sites.

Keywords: Hissar, Khoriyon, Shuturkhona.

АВЗОИ СИЁСИИ ҲИСОР ДАР САДАИ XVI

ҲАМЗА КАМОЛ

доктори улуми таърих, сарходими шуъбаи таърихи қадим,
асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва
мардумшиносии ба номи А. Дониши АИ Тоҷикистон
ҳиёбони Рудакӣ, 33, 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон
Тел.: (+992) 934212844. Hamza_Kamol@mail.ru

Аз нигоҳи ҷуғрофиёи таърихӣ Ҳисор дарвозаест ба ҷониби Хуталон, водии Рашту вилояти Бадахшон ва шимоли Хуросон. Ин минтақа дар дарозии таърих нақши муҳиме дар умури сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии ин сарзаминҳо доштааст.

Дар охири садаи XV Ҳисор дар таркиби Мовароуннаҳр дар шумори манотиқе бо имтиёзоти хос чун Фарғона ва Бадахшон шомил буд. Ҳокимони Ҳисор нуфузи вофире дар умури идории пойтахти Мовароуннаҳр – Самарқанд доштанд. Масалан, баъд аз марги ҳокими Мовароуннаҳр Аҳмад мирзо дар соли 1494 бародари ӯ Маҳмуд ибни Абусаъид, ки ҳокими Ҳисори Шодмон, Хуталон, Бадахшон, Қундуз ва Бағлон буд [1,81], бар сақуи қудрат дар Мовароуннаҳр бинишаст. Маҳмуд ибни Абусаъид, писарбузурги худ Масъуд мирзоро ҳокими Ҳисор таъйин намуд. Дар ибтидои соли 1495, баъд аз шаш моҳи ҳокимият дар Самарқанд [2,153] Маҳмуд ибни Абусаъид вафот кард ва писари ӯ Бойсунқур мирзо, ки ҳокими Бухоро буд, ба тахт нишаст.

Бояд зикр кард, ки тибқи ахбори манобеи таърихӣ Бойсунқур соли 882 ҳ.қ /1477-78 дар Ҳисор таваллуд шуда, дар ин сарзамин ба камол расида буд. Ба ин сабаб дилбастагӣ ба ин сарзамин дошт ва ҳамчунин дӯстонаш аз шумори ашрофзодагони Ҳисор бештар буданд. Тибқи иттилои сарчашмаҳо ин робитаи дӯстӣ сабаб гардид, то Бойсунқур дар умури идории Мовароуннаҳр ҳаққи тақадумро бар ашрофзодагони Ҳисор қоиш шавад [3,49] ва ин авомили ихтилофҳо ва муборизоти шадид миёни охири намояндагони сулолаи темурлангӣ дар Мовароуннаҳр гардид. Аъёну ашрофи Самарқанд, ки аз ҳукумат барканор гардида буданд, худро таҳқиршуда ҳисобида, дар дастабандиҳои хатарнок пиромуни бародари Бойсунқур – султон Алӣ мирзо алайҳи Босунқур мирзо барои ба даст овардани қудрат сахим гаштанд. Мовароуннаҳр миёни бозмондагони Маҳмуд ибни Абусаъид ба майдони муборизаҳои хунин мубаддал гардид.

Соли 1500 Шайбониҳон бо истифода аз муҳолифатҳои шадиди охири намояндагони сулолаи темурлангӣ, ки барои аҳзи қудрат аз ҳеч гуна аъмоли ғайрибашарӣ дар баробари ҳамдигар имтиноъ наме-

варзиданд ва ҳатто аз душманони хонадони худ дар барандохтани ҳамдигар кӯмак мехостанд, Муҳаммади Шайбонӣ аз Дашти Қипчок бо қабоили узбак ба сарзаминҳои Варорӯд чун мӯру малах сарозер шуд ва ҳокимияти темурлангиёнро, ки 130 сол дар Мовароуннаҳр пойдор буд, барандохт.

Пас аз ишғоли шаҳрҳои Бухоро, Самарқанд, водии Фарғона Муҳаммади Шайбонӣ барои ғасби яке аз вилоятҳои Мовароуннаҳр – Ҳисор мутаваҷҷеҳи он гашт. Тасхири Ҳисор аз чанд ҷиҳат барои Муҳаммади Шайбонӣ муҳим буд. Нахуст ин, ки ин сарзамин миёни манотиқи Мовароуннаҳр аз шумори ободтаринҳо ба ҳисоб мерафт ва талоши Шайбонӣ дар забткориҳои Мовароуннаҳр ин пеш аз ҳама ба даст овардани манотиқи ҳосилхез ва умруну обод буд. Дигар ин ки бо тасарруфи водии Ҳисор Шайбонӣ ба рӯи худ дарвозаеро ба ҷониби Хатлон Рашт ва Бадахшону шимоли Хуросон боз мекарданд.

Ин замони ғасбкориҳо дар Мовароуннаҳр ҳокимони Ҳисор, Хатлон ва Бадахшон, ки танҳо ба исмаш дар таркиби давлати теуриҳои Хуросон шомил буданд, тасмим гирифтанд то пиромуни Бадеъуззамон – писари султон Ҳусайн – ҳокими Хуросон гирди ҳам биёянд ва чабҳаи муштараке дар муқобили Шайбонихон эҷод кунанд. Аз соли 903 ҳ.қ./1497-1498 ҳокими Ҳисор Хусравшоҳ буд, ки ин сарзаминро аз шаҳри Кундуз идора мекард.

Тибқи ахбори «Бобурнома» баъд аз он ки Шайбонихон Андичонро забт кард, ба ҷониби Ҳисор лашкар кашида, ишғоли Ҳисорро ба Ҳамза султон ва Меҳдӣ султон (писарони Суюнҷхоча – амаки Шайбонихон) во гузошта, худааш дар амалиёти ғасби Кундуз ширкат кард [3,180].

Дар моҳи март-апрели соли 1504 амалиёти тасарруфи Ҳисор аз ҷониби Шайбонӣ муваффақона анҷом пазируфт. Дар асари ин муборизаи темурлангиён ва Шайбонӣ шаҳри Ҳисор дар ибтидои садаи шонздаҳ комилан хароб гардид [4, 19].

Баъди тасарруфи Мовароуннаҳр Шайбонихон пойтахти худ шаҳри Самарқандро интиҳоб карда, Бухороро ба Убайдуллоҳон – писари бародараш Маҳмуд султон, Тошканд ва вилояти онро ба ду амакаш Кучкунҷӣ султон ва Суюнҷхоча ба доруғағӣ дода, вилояти Ҳисорро ба писарони Суюнҷхоча – Ҳамза султон ва Меҳдӣ султон арзонӣ дошт.

Аз ҳодисаҳои фалокатборе, ки дар ибтидои садаи шонздаҳум дар Мовароуннаҳр рух додааст ва он ба таърихи ин замони Ҳисор робитаи ногуастаи дорад, ин фочеаии қаҳтии Ҳисор дар моҳи ноябри соли 1512 аст, ки он аз диди пажӯҳандагони ин давр комилан ба дур мондааст. Тасвири ин фочеаро мо ба ҷуз аз дар «Таърихи Рашидӣ»-и Муҳаммад Ҳайдари Дуғлот дар дигар манобеъи таърихии ин замон

намебинем. Ин фочеа ба исми Заҳириддин Муҳаммади Бобур – ҳокими Андиҷон иртибот мегирад.

Миёни намояндагони хонадони темурлангӣ Бобур, ки тавачҷуҳи хосе ба Ҳисор дошт, борҳо кӯшидааст, то ҳокимияти аз даст рафташонро дар Мовароуннаҳр ба даст биёварад.

Бобур баъд аз ин ки ба кӯмаки Исмоили Сафавӣ дар моҳи шавволи (зулқайда низ омада) соли 917 ҳ.қ./ моҳи декабри соли 1511 (ва ё январ – феввали 1512) ба ҷониби Мовароуннаҳр лашкар кашид, ҳокимиятро дар Самарқанд ба даст оварда, дар масҷиди ҷомеаи Самарқанд ба номи Исмоили Сафавӣ хутба хонд. Аммо Бобур аз тавачҷуҳе, ки дар аҳзи қудрати сиёсӣ ба мазҳаби ташайноъ мекунад, аз ҷониби атрофиён, қишри рӯҳониюн ва мардуми Самарқанд бадбин мешавад ва аз ин сабаб меҳост аз Сафавиён ба ҳар воситае дурӣ ҷӯяд. Дар ин робита Амир Маҳмуди Хондамир менависад: «...Муҳаммадхони Эшик Оқосӣ ва Амир Начми Сонӣ, ки ба расми рисолат назди Заҳириддин Муҳаммади Бобуршоҳ рафта буданд, омада ба арзи наvvоби шоҳӣ (Исмоили Сафавӣ) расониданд, ки... билоди Турон, яъне Самарқанду Бухоро аз салотини узбакия гирифта, (Бобур) доияи истиклол ва муҳолифат дорад. Пас аз истеъмои ин хабар хусрави фаредунфар (Исмоили Сафавӣ) дар андешаи дафъи Бобур рафта, дар аснои ин хаёл мирзо Ёраҳмади Исфаҳонӣ мулаққаб ба амир Начми Сонӣ, ки вақил ва соҳиби ихтиёри саркори шоҳӣ буд, ...василае ангехт, ки наvvоби шоҳӣ ўро бо сипоҳи фаровон аз пайи дафъи Бобурподшоҳ ба билоди Мовароуннаҳр ирсол гардонад» [5,76]. Ин хабар хулосаи пажӯҳандагони ин воқеахоро дар бораи ин ки Начми Сонӣ ба кӯмаки Бобур ба Мовароуннаҳр омадааст [6,50] зери суол мебарад ва бояд дар замина барои дурустии онро тасдиқ кардан бори дигар сарчашмаҳои ин даврро бо услуби баррасии татбиқӣ омӯхт.

Бо истифода аз ин вазъ Убайдуллоҳон ва Муҳаммад Темур (писари Шайбонихон) аз ноҳияҳои шарқии Дашти Қипчоқ, ки дар он ҷо паноҳ бурда буданд, ба шаҳрҳои марказии Мовароуннаҳр ҳучум мебаранд. Яке аз ин набардҳои, ки Шайбониёнро дигарбора ба сақуи ҳокимият дар Мовароуннаҳр нишонд, ин набарди руҳода дар 3 рамазони соли 918 ҳ.қ./ 12 ноябри 1512 дар ҳаволии Ғиждувони Бухоро буд, ки бо пирӯзии Шайбониён анҷомид.

Тибқи ахбори «Таърихи Рашидӣ» баъд аз шикаст дар ҳаволии Ғиждувон ва қатли яке аз сарлашкарони маъруфи Сафавиён – Начми Сонӣ аз ҷониби Убайдуллоҳи Шайбонӣ, Бобур ба тарафи Ҳисор паноҳ бурда, муддате дар қалъаи он зиндагӣ мекунад. Шабе гурӯҳе аз сарбозони муғулии Бобур бо сарвари Аюб-бекҷӣ, Мир Муҳаммад, Ёдгор мирзо ва Назар мирзо алайҳи ў қиём мекунад. Аммо Бобур наметавонад ба онҳо муқовимат кунад ва шабе аз қалъаи Ҳисор

пинхонӣ ба чониби Қундуз фирорӣ мешавад. Муғулҳои исёнгар ба ҷуз аз қалъаи Ҳисор тамоми навоҳии онро ба боди ғорат мекашанд. Ин замон дар Ҳисор барфи зиёде борида буд ва хунукии шадиде қиёмат мекард. Бар асари ғоратгарихо ва чаповули сарбозони муғулии Бобур гуруснагӣ ва қаҳтиг бар Ҳисор тасаллут меёбад. Мирзо Ҳайдарӣ Дуғлот зикр мекунад, ки дар шаҳри Ҳисор бар асари ин қаҳтӣ ва хунукӣ танҳо 60 нафар зинда мемонанд, ки онҳо барои бақои зиндагии хеш гӯшти ҷасади ақрабони фавтидаи худро меҳӯранд [2, 391-392].

Бобур бо сабабҳои маълум аз тавзеҳи воқеаҳои рухдодаи соли 1512 дар Мовароуннаҳр, ба хусус аз зикри қаҳтӣ ва гуруснагии Ҳисор дар «Бобурнома» сарфи назар мекунад.

Суоле матраҳ мешавад, ки чаро ин фочеаи Ҳисор дур аз баррасии муҳаққиқин мондааст? Шояд ба ин далел, ки дар маркази он фочеа Бобур қарор дошт ва ё ин ки ин ахбори «Таърихи Рашидӣ» барои пажӯҳандагон дастрас набуд?

Бобур аз охири намояндагони мовароуннаҳрии сулолаи темурлангист, ки қабҳаи муқовимат алайҳи қабоиلى узбаки ғосиби Мовароуннаҳрро созмон дод ва бинобар ин сабаб чун намоди лашкаркаши шучоъ ва шахсияти бофарҳанг муаррифӣ шуда, дар аксари пажӯҳишҳои муаррихин симои ормонӣ ба худ гирифтааст. Қобили зикр аст, ки Бобур бо вучуди тавачҷухе ба фарҳангу ҳунар доштаниш, соҳиби китобе чун «Бобурнома» буданиш, аз дигар ҳамқабилаҳои худ, ки дар бераҳмӣ ва бешафқатӣ шӯҳраи айём буданд, камӣ надошт. Дар зимн ниёз ба ҷустани далоил аз дигар сарчашмаҳо нест, ки фоят мекунад, ки «Бобурнома»-ро саҳифа зад.

Бобур бо вучуди таъсиси ҳукумати худ дар Ҳиндустон, ҳамон дар орзуи баргашт ба Мовароуннаҳр, ба хусус ба Ҳисор буд, ки он аз иттилои дар зер оварда аз «Бобурнома» ба вазоҳат пайдост.

Баъди марги Исмоили Сафавӣ дар соли 1524 набардҳо барои соҳибшудан бар билоди Хуросон миёни Сафавиён ва Шайбониён аз нав шиддат мегирад. Соли 935 ҳ.қ./1528 лашкари Шайбониён бо сарвари Кучкунҷихон рӯдхонаи Амуро убур карда, вориди Хуросон мегарданд. Ба қавли Ҳасанбеки Румлу аз замони Чингиз то ба он рӯз касе ба ин теъдоди зиёди лашкар Амударёро убур накарда буд [7,1174]. Ин набард дар ҳаволии Ҷом сурат гирифт, ки дар натиҷа сипоҳи узбак шикаст хӯрда, мунҳазим мегардад.

Ба Бобур аз қавли яке аз нуқарони шахсе ба номи Девсултон иштибоҳан хабар мерасад, ки тамоми сарварони Шайбонӣ, мисли Кучкунҷихон ва Убайдуллоҳон дар ин ҷанг ба қатл расидаанд [3,404-405], дар ҳоле ки Кучкунҷихон саломат ва Убайдуллоҳон бо бардоштани захм ҷон ба саломат аз ин набард мебаранд, Бобур фирефтаи ин хабар

шуда, ба писараш Ҳумоюн, ки ҳокими Бадахшон буд, нома менависад ва аз ӯ даъват мекунад, ки бо истифода аз ин вазъият ба Мовароуннаҳр лашкар кашад. Аз ҷумла дар он нома омадааст: «Агар ба лутфи Ҳудованд муваффақ ба фатҳи вилояти Балху Ҳисор шавӣ, бигзор намояндаи ту дар Ҳисор бимонад ва дар Балх бигзор намояндаи Комрон (писари хурдии Бобур) бошад. Агар ба лутфи Ҳудованд Самарқанд низ фатҳ гардад, дар Самарқанд худат бинишин, аммо ман вилояти Ҳисорро бо иродаи Ҳудованд ба давлате, ки зебдиҳандаи замин бошад, мубаддал месозам» [3,399].

Тибқи ахбори ин сарчашма Ҳумоюн баъд аз гирифтани номаи падар дар таърихи моҳи ҷумодиулсонии 935 ҳ.қ./ феввали 1529 аз манотики зери ҳукумати худ сарбоз гирди ҳам оварда, ба сӯи Самарқанд лашкар мекашад [3,406-407], вале «Бобурнома» фокиди ахбори чи гуна анҷом пазируфтани ин лашкаркашист. Аммо мусаллам аст, ки баъд аз соли 1512 намояндагони хонадони темурлангӣ дигар натавонистанд, ки ҳукуматро дар Мовароуннаҳр ба даст биоваранд.

Баъд аз вафоти яке аз шахсиятҳои мағрури сулолаи Шайбонӣ – Убайдуллоҳон дар соли 1539 Мовароуннаҳр дучори бухрони шадиди сиёсӣ гардида, раванди ба вилоёти алоҳида таҷзия гаштани он оғоз мешавад. Ин ҳолат то ба сари кудрат омадани намояндаи дигари мағруфи ин хонадон Абдуллоҳхони Шайбонӣ дар соли 1583 идома пайдо кард. Абдуллоҳи Шайбонӣ дар натиҷаи муборизаҳои шадид, ки ҳатто ба ақрбӯи худ низ раҳм намекард, тавонист бо лашкаркашиҳо вилоятҳои истиқлолталаби Мовароуннаҳро зери нигини ҳукумати марказӣ оварад. Аз ҷумла, моҳи ҷумодиулсонии соли 981 ҳ.қ./ октябри соли 1573 ба тарафи Ҳисор ҳучум овард. Дар оғози моҳи сафари соли 982 ҳ.қ./ охири моҳи майи соли 1574 Абдуллоҳхон қалъаи Ҳисорро муҳосира кард ва 29 июни соли 1574 Ҳисор аз ҷониби лашкари Шайбонӣён тасарруф шуда, ба давлати онҳо мулҳақ гардид ва ҳокими Ҳисор Ҳошим султон, асир афтода, ба қатл расид.

Ҳисор ҳамеша нигини пурҷилое дар ангуштари Мовароуннаҳр буд ва дар ҳар даври замоне ҳар хонадоне, ки ба кудрати сиёсии Мовароуннаҳр мерасид, ҳамеша талош меварзид, ки ин вилоятро дар ихтиёр дошта бошад.

АДАБИЁТ

1. Хафиз-и Танъш ибн Мир Муҳаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи. Перевод с персидского, введение, примечания и указатели М.А.Салахетдиновой. – Ч.І. – М.,: Наука, 1983.
2. Мирзо Муҳаммад Ҳайдари Дуғлот. Таърихи Рашидқ. Ба эҳтимоми Аббосқулии Ғаффорифард. – Техрон, 1383.

3. Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. Бабур-наме. Перевод М.Салье. – Ташкент, 1958.
4. Мукимов Р., Хакимов Н. Строительная культура Гиссарской долины X-XX вв. – Душанбе, 2003.
5. Амир Маҳмуди Хондамир. Таърихи шоҳ Исмоил ва шоҳ Таҳмосби Сафавӣ («Зайли Ҳабибу-с-сияр»). Тасҳеҳ ва таҳшияи Мухаммадали Чарроҳӣ. – Техрон, 1370.
6. История народов Узбекистана. Т.2. – Ташкент, 1947.
7. Ҳасанбеки Румлу. Аҳсану-т-таворих. – Қ.П. – Техрон, 1384.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГИССАРА В XVI в.

ХАМЗА КАМОЛ

доктор исторических наук,

главный научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша

Академии наук Республики Таджикистан.

734025, г. Душанбе, ул. Акад. Раджабовых 7

Тел.: (+992) 93 421 28 44. hamza_kamol@mail.ru

Статья посвящена политической истории Гиссара в XVI в. В начале XVI в. кочевые племена Дашт-и Кипчака во главе с Шейбаниханом вторглись в Мавераннахр. Разоряя города и села Мавераннахра, сея разруху и смерть, Шейбанихан воссел на трон Самарканда. Сделав своей столицей Самарканд, Шейбанихан посадил наместником в Бухаре своего брата Махмуд султана, а после разгрома монголов передал Ташкент и Ташкентскую область своим двум дядям, Кучкунчи султану и Суюнчходже. В 1504 г. Шейбанихан захватил область Гиссар и передал ее Хамзе султану и Мехди султану.

Автор статьи, ссылаясь на «Та'рихи Рашиди» Мухаммада Хайдара Доглата сообщает о страшном событии, случившемся в Хисаре после поражения, понесенного Бабуром в декабре 1512 г. от Шейбанидов, которое по непонятным причинам проигнорировано историками, изучавшими этот период. После поражения в Бухаре Бабур отступил в сторону Гиссара и расположился на какое-то время в крепости Гиссар. Однажды ночью группа монголов, находившихся при Бабуре, во главе с Аюб-бекджиком, Мир Мухаммадом, Ядгар-мирзой и Назар-мирзой подняла мятеж против него. Бабур не смог справиться с ними и с трудом укрылся в крепости Гиссар. Однако, долго не задерживаясь здесь, он тайком направился в сторону Кундуза, оставив крепость своим верным эмирам. Монголы – мятежники захватили все вокруг,

кроме крепости, и полностью разграбили и опустошили вилайат Гиссар. Та зима выпала чрезвычайно суровая, навалило много снега. В Хисаре свирепствовал страшный голод, в результате которого гибли люди. По сообщению этого источника, в Гиссаре оставалось в живых 60 человек, которые от голода стали поедать трупы своих умерших близких.

Сведения, которые дает автор статьи о политической ситуации Гиссара в XVI в., основаны на исторических источниках этого периода.

Ключевые слова: Бухара, Самарканд, Гиссар, Мавераннахр, Фергана, Бадахшан, Бабур, Хусравшах, Исмаил Сефевид, Наджми Сани, Амир Махмуд Хондемир.

THE POLITICAL SITUATION IN HISSAR IN THE 16TH CENTURY

HAMZA KAMOL

доктор of historical sciences, Chief researcher of the history sciences,
department old age, middle age and new history of Institute histories,
archaeologies, and ethnography by. A. Donish Academy Science
Republic of Tajikistan.

Republic of Tajikistan, 734025, Dushanbe, acad.Radzhabovs 7
Ph.: (+92) 93 421 28 44. hamza_Kamol@mail.ru

This article is about the political history of Hissar in the 16th century. During the early 16th century the nomadic tribes of Dasht-i-Kipchak, led by Shayban Khan, invaded Mawarannahr. Demolishing the cities and villages of Mawarannahr, sowing destruction and death, Shayban Khan sat on the throne in Samarqand, which he made his capital. Shayban Khan made his brother Mahmud Sultan governor of Bukhara, and after defeating the Mongols handed over Tashkent and the Tashkent province to his two uncles, Kuchkunchi Sultana and Suyunchkhoja. In 1504 Shayban Khan conquered the Hissar province and handed it over to Hamza Sultan and Mehdi Sultan.

The author of this article, referring to the 'Ta'rikhi Rashidi' by Muhammad Haidar Doglat, sheds light on the terrible events in Hissar, which followed Babur's defeat at the hands of the Shaybanids in December 1512 and which have been ignored by historians studying this period.

After his defeat in Bukhara Babur retreated to Hissar and camped there for some time. However, at night a group of Mongols close to Babur, led by Aiub-Bekjik, Mir Muhammad, Yadgar-Mirza and Nazar-Mirza, began a mutiny against him. Unable to defeat them Babur with difficulty managed

to seek cover in the fortress of Hissar. But he could not hold his position for long and left secretly for Kunduz, leaving the fortress to his loyal officers. The Mongols who had led the mutiny, however, took control of the entire area surrounding the fortress and wholly pillaged the province Hissar. That winter was exceptionally harsh with masses of snow falling. Hissar was afflicted by a terrible hunger, which took many lives. According to the above-mentioned historian, the only 60 people to survive in Hissar resorted to eating the corpses of those who had held out with them. All information given by the author of this article about the political situation in 16th century Hissar are based on contemporary historical sources.

Keywords: Bukhara, Samarqand, Hissar, Mawarannahr, Ferghana, Badakhshan, Babur, Khusrau Shah, Ismail Safavi, Najim Sani, Muhammad Hondemir.

ШҶҰРИШИ ХАЛҚӢ ДАР ҲИСОР (ИБТИДОИ АСРИ XVIII)

А. САИДОВ

доктори улуми таърих, сарходими шуъбаи таърихи қадим,
асрҳои миёна ва нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва
мардумшиносии ба номи А. Дониши АИ Тоҷикистон
ҳиёбони Рудақӣ, 33, 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон
Тел. (+992) 919134184

Хонигарии Бухоро дар асри XVII – нимаи авали асри XVIII ҳамчун давлати мустақил яке аз давраҳои мушкили тақдирсозро аз сар мегузаронид. Дар ин давра ҳокимони сулолаи Ҷониҳо ҳукмронӣ мекарданд. Пойтахти давлат Бухоро буд. Дуюмин шаҳри бузург Балх ба шумор мерафт, ки аслан дар он валиаҳди тахти Бухоро ҳукмронӣ менамуд.

Дар ибтидои асри XVIII хони Бухоро Субҳонқулихон (1680-1702) аз олам даргузашт ва ба тахти Бухоро Убайдуллохон (1702-1711) нишаст. Тибқи анъанаи вучуддошта баъди Субҳонқулихон ҳокимияти Бухоро бояд ба ихтиёри набераи калонии ӯ, ҳокими Балх Муҳаммадмуқимхон (1697-1707) мегузашт, аммо бо дастгирии амирон ва аъёнӣ Бухоро набераи хурдии Субҳонқулихон – Убайдуллохон (1702-1711) ба тахти хонӣ нишаст.

Ҳангоми ҳукмронии ин сулола байни Бухоро ва Балх барои касби нуфуз ва ҳокимият муборизаи шадид мерафт, ки дар он табақаҳои қабилаҳои гуногуни муғул ва ширкат карда, ба талаву тороч ва ғорати аҳоли даст мезаданд.

Бар асари тохту този қабилаҳои мухталифи турк ва муғул шаҳру деҳот хароб гардида ба таназзули низоми иқтисодӣ оварда расонд.

Истисмори сангин, зулми тоқатфарсо, чангҳои беохир, муборизаҳои дохилӣ ва ғоратгарӣ талаву торочи мардум сабаби муфлисию гуруснагӣ ва зиёд шудани андозҳо гардид. Чунин вазъият норизоиятии халқро тақвият бахшид ва дар манотиқи мухталифи хонигарии Бухоро ошӯбу шӯришҳои мардумӣ оғоз ёфтанд. Дар аксари мавридҳо низоъҳои мардумӣ ба муқобили амирони таҷзияталаб равона шуда буд, ки онҳо бар зидди ҳокимияти марказӣ, ки дар таъмини амнияти мардум аз худ заъф нишон медод ва боиси чангҳои дохилии феодалҳо ва бадбахтии мардум мегашт, нақшаҳо дар сар доштанд [1,45]. Ҳокимони маҳаллӣ ба ҳукумати марказӣ итоат намекарданд ва аз худсарии онҳо аҳолии муқимӣ, яъне тоҷикон, азият мекашиданд. Дар натиҷа дар гӯшаву канори кишвар бар зидди ҳокимон шӯришҳои мардумӣ чараён мегрифт.

Шӯриши аз ҳама назаррас дар ин замон қиёми мардумии дар соли

1703 дар Ҳисор буд, ки сабаби он муҳолифатҳои дохилии ашрофон ва афзоиши зулми онҳо нисбат ба халқ буд.

Инъикоси воқеаҳои шӯриши халқии соли 1115\1703-1704, ки дар водии Ҳисор ба амал омада буд, дар асарҳои муаллифони он давр Муҳаммаднӯсуфи Муншӣ «Тазкираи Муқимхонӣ» [2] ва Мирмуҳаммад Амини Бухорӣ «Убайдуллонома» [3] ба таври возеҳ инъикос гардидаанд. Дар китоби олими тоҷик Ғоибов Ғолиб «Таърихи Ҳисори шодмон, Чағониён ва Душанбе» [4, 87.] оид ба таърихи Ҳисор, аз ҷумла вазъи он дар ибтидои асри XVIII, маводи ҷолибе ҷой дода шудааст.

Тибқи маълумоти Мирмуҳаммад Амини Бухорӣ пешвои юзҳои Самарқанд Муҳаммадраҳимбӣ атолиқ бо сарони қабिलाҳои юзи Ҳисор, ки пешвои онҳо ҳокими Ҳисор Уткан, буд, муносибати душманона дошт. Ҳисор дар он замон яке аз кишварҳои калони минтақа буда, дарозии он қариб 200 км ва паҳнояш 40-90 км-ро дар бар мегирад [4, 87]. Қароргоҳи Уткан дар қалъаи Муғулон, дар назди мазори мавлоно Яъқуби Чархӣ воқеъ буд, Уткан сиёсати истиқлолиятҷӯиро пеша карда намехост ба ҳокимияти марказӣ тобеъ бошад. Дар ин солҳо Ҳисор тобеи Балх буд.

Муҳаммадраҳимбӣ дар яке аз ҷамъомадҳои худ дар ҳузури амирон ва пешвоёнаш оид ба лашкаркашӣ ба Балх машварат намуд. Ҳозирин фикри хонро маъқул дониста, ақидаашонро доир ба ин мавзӯ баён намуданд. Муҳаммадраҳимбӣ, ки мақсади қасосгирӣ аз Утканро дошт, дар суҳанронии худ қайд намуд, ки лашкаркашӣ ба сӯи Балх ҳатмист, вале ҳокими Ҳисор, Уткан аз итлоати онҳо саркашӣ намудааст. Ҳисор бошад, мавқеи муҳим дошта, дарвозаи Мовароуннахр ба шумор меравад. Аз ин сабаб пеш аз ҳама бояд масъалаи Ҳисорро ҳал намуда, баъд ба сӯи Балх лашкар кашем. Хон ва амирони дигар суҳанрони Муҳаммадраҳимбӣро ҷонибдорӣ намуданд. Қарор шуд, ки лашкари Бухоро таҳти сарвари Муҳаммадраҳимбӣ ба Ҳисор фиристода шавад. Дар ин лашкаркашӣ ашхоси маъруфи он давр, ба мисли Маъсумбӣи девонбегии сарой, Ўзтемурбӣи қатаған, Худоёрбӣи манғит ва дигар номдорони Бухоро шомил гардиданд [3, 60-62.].

Ба қавли Мирмуҳаммад Амини Бухорӣ сабаби адовати Муҳаммадраҳимбӣ бо Уткан дар он буд, ки Муҳаммадраҳимбӣ хангоми ҳокими Уротеппа буданаш, завҷаи писари Утканро бо зӯрӣ ба акди никоҳи худ даровард. Пас аз чанде писари Уткан бо роҳи фиреб ба қасри Муҳаммадраҳимбӣ ворид шуда, арӯсадро дуздид ва аз тариқи Кони Гили Самарқанд ба Ҳисор омад. Муҳаммадраҳимбӣ аз ин ҳодиса хело хашмгин гардида буд [3, 36, 61-62.].

Хангоми ба сӯи Ҳисор раҳсипор гардидани лашкари бухориҳо

чамоаи юзи Ҳисор бо онҳо ҳамроҳ шуданд. Лашкари Муҳаммадраҳимбӣ дар лаби дарёи Чангоб (Хонақоҳ), ки аз назди қалъаи Уткан қорӣ мешуд, қарор гирифт ва онҳо ба хулосае омаданд, ки гирдогирди қалъаро ихота намоянд. Пас табли чангро баланд карда, ба сӯи қалъаи Уткан чамъ шуданд. Лашкари бухориҳо аз як қониби қалъа ва юзҳои хисорӣ аз қониби дигари он қарор гирифтанд.

Мувофиқи ахбори Муҳаммадҷосуфи Муншӣ ҳангоме ки Уткан аз раҳсипории лашкари фаровони бухориҳо бо сардории Муҳаммадраҳимбӣ ба қониби Ҳисор огоҳ гардид, дарҳол ба ҳокими Балх Муҳаммадмуқимхон хабар дод. Муҳаммадмуқимхон ба атолиқи номии худ, Маҳмудбӣро фармон дод, ки бо лашкари худ ба Ҳисор рафта, Утканро аз ҳучуми бухориҳо начот диҳад [2, 321.].

Лашкари бухориҳо ба мазори мавлоно Яъқуби Чархӣ,¹ ки дар паҳлӯи қалъаи Уткан воқеъ буд, беэҳтиромӣ зоҳир намуданд. Онҳо қисмати болои мазорро хароб карда, гузару хонаҳои соқинони он маконро оташ заданд Илова бар ин, сарбанди обе, ки дар он ҷо қорӣ буд, вайрон карда, маҷрои обро ба сӯи дигар гардониданд, ки дар натиҷа киштзорҳои аҳоли хушк шуд. Ин рафтори бухориҳо, ки бар хилофи эътиқодоти динӣ буд, натиҷааш мувоҷеҳ шудани онҳо бо озору алам гардид [3, 62.].

На ҳамаи бухориҳо пурра тарафдори Муҳаммадраҳимбӣ буданд. Баъзеи онҳо, ки нисбат ба ӯ ҳисси бадбинӣ дошта, аммо фатҳи қалъа ва асир гирифтани Утканро намехостанд, аз қалъа ба масофаи қариб як фарсанг² дур шуданд. Юзҳои хисорӣ инро мушоҳида намуда, ба Муҳаммадраҳимбӣ хабар доданд. Муҳаммадраҳимбӣ, ки аз муҳолифати лашкар нисбат ба худ огоҳ буд, ба наздиконаш фармуд, ки бо бухориҳои аз қалъа дуршуда муҳолифат нақунанд ва онҳо низ лашкари худро ба қафо баранд.

Муҳаммадраҳимбӣ ба муҳосираи қалъа омодагӣ мегирифт. Ӯ ба сарлашкарони худ фармон дод, ки қалъаро ихота намуда, дар атрофи он садди баланд созанд. Пас аз он онҳо ба сӯи қалъа оташ кушоданд. Уткан низ ба онҳо муқовимати сахт нишон дод.

Ҳангоми ин задухӯрд дар байни лашкари бухориҳо овозае паҳн шуд, ки агар атолиқи Балх Маҳмудбӣ ба ёрии Уткан ояд, ҳоли онҳо бад мешавад. Дар ин асно бародарзодаи Маҳмудбӣ атолиқ Бӯрибийи катаған, ки бо лашкари худ дар Кӯлоб буд ва манфиати Убайдуллохонро ҳимоя менамуд, барои садоқати худро ба хони Бухоро нишон додан, ба тарафи Ҳисор ҳаракат намуд. Ҳангоми ба Ҳисор наздик гардидани онҳо, юзҳои Ҳисор пеши роҳашонро гирифтанд ва онҳо маҷбур шуданд, ки ақибнишинӣ кунанд [3, 63-64.].

Қисме аз аскарони бухорӣ, ки ба чамъоварии чӯбу шох чиҳати сохтани сад ба қойҳои дурдаст рафта буданд, аз дур мушоҳида наму-

данд, ки додхои Балх Холмурод дурман аз Кубодиён бо лашкари зиёе барои дастгирии Уткан ба сӯи Ҳисор ҳаракат доранд ва дарҳол ба сардорони худ хабар доданд. Пас ҷамоае аз кунгуроту найман аз оби Кофарниҳон гузашта, пеши роҳи Холмуродро гирифтанд ва ӯ маҷбур шуд рӯ ба гурез оварад [3, 65.].

Уткан, ки аз болои қалъа ҳамаи ин ҳодисаро мушоҳида менамуд, дарк кард, ки ин мардум бо осонӣ қалъаро тарк намекунанд ва намо-ядаи худ Иброҳимбердии эшиққобширо бо мактуб ба назди амирони бухорӣ фиристод. Дар он мактуб қайд намуд, ки вай меҳоҳад ба хони Бухоро содиқона хизмат намояд, аммо аз рафтори фарзанди нохала-фаш маҷбуран дар қалъа паноҳ бурда аст. Аз амирони бухорӣ хоҳиш кард, ки бахшидани гуноҳи ӯ ва писарашро аз Муҳаммадраҳимбӣ дархост намоянд. Дар ҳолати бахшиши гуноҳ, ӯ омода аст ҳамаи амри онҳоро иҷро намояд [3, 65-66].

Муҳаммадраҳимбӣ хоҳиши Утканро қабул кард. Қарор доданд, ки амирони бухорӣ зери қалъа меоянд ва Уткан низ аз қалъаи худ берун меояд ва онҳо дар бораи шартӣ сулҳ гуфтушунид мегузаронанд. Дар гуфтушуниди рӯзи аввал ба қароре наомаданд ва онро ба рӯзи дигар мавқуф гузоштанд. Рӯзи дигар амирони бухорӣ барои идомаи гуфтушунид ҳозир шуданд, вале аз Уткан дарак нашуд. Ӯ дар ин вақт ба истехкоми қалъа машғул шуда, онро аз пештара ҳам мустаҳкамтар намуд. Баъд аз он ӯ ба назди амирони бухорӣ намояндаи худро фири-стода, арз намуд, ки онҳо каме қафо раванд, пас ӯ ба назди онҳо мера-вад. Муҳаммадраҳимбӣ фаҳмид, ки дар ин ҷо найранге ҳаст ва дарҳол ба сӯи қалъа аз тире туфанг оташ кушод. Лашкари юзҳои Ҳисор низ ба муҳориба дохил шуданд. Муносибати лашкари бухориҳо бо юзҳои ҳисорӣ тезу тунд гардид. Дар ин ҷо задухӯрди шадиде ба амал омад ва касони зиёд кушта шуданд. Муҳаммадраҳимбӣ дид, ки қалъаро фатҳ карда наметавонад ва барои ба қафо баргаштан фар-мон дод [3, 67].

Муҳаммадраҳимбӣ ба чунин қарор омад, ки лашкари бухориҳо ба қалъаи Ҳисор рафта, ба истехкоми он машғул шаванд ва ӯ бо юзҳои ҳисорӣ дар қалъаи Душанбеи Тотор маскан мегиранд. Ҳамин тариқ, онҳо ба ду гурӯҳ ҷудо шуданд ва лашкари бухориҳо ба қалъаи Ҳисор омад. Мардуми Ҳисор ба вазъи ногувор дучор гардида, ҷамъомад ташкил намуданд ва намояндагони худро ба назди амирони бухорӣ фиристода, арз карданд, ки то он дам, ки шумо дар Бухоро будед, мо бо Уткан мушките надоштем. Шумо, ки ба ин ҷо омада заъфи худро маълум кардед, ӯ ба нуруи худ мутмаин шуд ва ҳоли мо мардум муш-кил гардид. Акнун ба шумо зарур аст, ки фикри моро кунед, дар акси ҳол мо даст аз домани шумо нахоҳем кашид.

Намояндагони ҳисорӣ ба назди амирони бухорӣ рафта, иҷрои арзи

худро боисрор талаб карданд. Амирони бухорӣ бошанд, бо онҳо дағалона муомила намуданд ва яке аз бародарони Худоёрбийи манғит, ки Назар тентак ном дошт, ба намояндагони халқ бо шамшер таҳдид намуд. Мардуми Ҳисор инро чун аҳдшикании бухориҳо доништа, бо сангу калтак ва ҳар чи ки ба дасташон афтод, ба бухориҳо хучум намуданд.

Муҳаммадраҳимбий эҳсос кард, ки норизоиятии мардум ба ӯ хатар азиме меорад, ки ҷилавгирӣ аз он мушкил хоҳад буд. Аз набудани нерӯ барои хотима бахшидан ба ин низоъ, ӯ ноилоҷ ба қароргоҳи худ баргашт. Амирони Бухоро саросемавор аз қалъаи Ҳисор берун шуданд. Лашкари бухориҳо изтироб, тарс ва бим фаро гирифт ва онҳо низ аз дунболи амирон равона шуданд. Он гоҳ аҳолии Ҳисор ва юзҳо даст ба ғорати хаймаҳои бухориҳои фирорӣ заданд. Дар қалъаи Ҳисор чунон шӯре ба амал омад, ки гӯё қиёмат буд.

Бухориҳо бо душвории зиёд ҷони худро раҳо намуда, чунон бошитоб гурехтанд, ки ҳатто барои хӯрокхӯрӣ фурсат намеёфтанд. Юзҳои ҳисорӣ бухориҳо таъқиб карда, ба тороҷи амволи онҳо машғул шуданд. Бухориҳо ба ғзаб омада, ба юзҳои ҳисорӣ муқовимат нишон доданд. Байни онҳо задухӯрди шадиде ба амал омад, ки дар натиҷа касони зиёде кушта гардиданд. Он муомилаи дуруште, ки бухориҳо нисбат ба мардуми деҳаҳои атрофи мазори мавлоно Яъқуби Чархӣ раво диданд, кайфари онро аз дасти юзҳои ҳисорӣ кашиданд [3, 67-68.].

Муҳаммадраҳимбий аз лашкаркашии худ ба ҷониби Ҳисор пушаймон гардида аз тарсу ваҳм ҳатто ба Бухоро ҳозир нашуда, бо мушкилоти зиёд ба воситаи кӯҳу дараҳо худро ба Самарқанд расонид [3, 69.].

Тибқи маълумоти Муҳаммадҷусуфи Муншӣ, атолики Балх Маҳмудбий дар таърихи 8 моҳи шавволи 1115 / 14 феввали соли 1704 бо лашкари зиёде ба сӯи Ҳисор раҳсипор гардид. Ҳангоми ба Ҳисор наздик шудани онҳо, амирони Бухоро рӯ ба гурез оварда, ба ҳар тараф пароканда шуданд. Уткан бо қисме аз ҷангиёни худ лашкари рӯ ба гурез овардаи бухориҳо таъқиб намуда, амволу ашёи онҳоро соҳиб шуданд ва аксари онҳоро асир гирифтанд [2, 322-323.].

Ҳамин тавр, лашкаркашии Муҳаммадраҳимбий ба ҷониби Ҳисор бе натиҷа анҷом ёфт. Мардуми Ҳисор ва ноҳияҳои мучовири он бар зидди лашкарони бухорӣ муқовимати шадид нишон доданд. Ин шӯриш то андозае густурда буд, ки шӯришгарон бо сангу ҷӯбдаст бар лашкари мусаллаҳи бухориҳо пирӯз шуданд. Дар ин шӯриш дар қаноори хунармандон ва тоҷирон аҳолии бенавои шаҳр низ иштирок намуданд. Дар ин маврид манфиати аҳолии муқимӣ ва аслии вилояти Ҳисор, яъне тоҷикон бо узбакҳои қabilaи юз ба ҳам мувофиқ ома-

данд. Мардум барои қатъи чангҳои дохилӣ дар қаламрави худ ғаёлона ширкат намуда, қабилаи юз бо дарназардошти манфиатҳои худ ин шӯриши мардумиро бо хушӣ ҷонибдорӣ кард, ки он ба тору-мори бухориҳо хотима ёфт [5, 321.].

Пас аз хориҷ кардани бухориҳо, Ҳисор дар муддати беш аз 50 сол ҳамчун мулки мустақил боқӣ монд, ки бар асари истиқлолият ҳокимони он ба мулкҳои ҳамсоя тохту тоз менамуданд [6, 33.].

АДАБИЁТ

1. История таджикского народа. Поздний феодализм (XVII в. – 1917 г.). Т. 2. Книга вторая. Москва: Наука, 1964.
2. Муҳаммадҷусуфи Муншӣ. Тазкираи Муқимхонӣ. Муқаддима, тасҳеҳ ва таҳқиқи Фаришта Саррофон. Чопи аввал. Техрон: Мероси мактуб, 1380.
3. Мир Муҳаммад Амини Бухори. Убайдуллонома / Перевод с таджикского с примечаниями член-корреспондента Академии наук Узбекской ССР профессора А.А. Семёнова. Ташкент, 1957.
4. Ғоибов Ғолиб. Таърихи Ҳисори Шодмон, Чағониён ва Душанбе. Душанбе, 1999.
5. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга II. Душанбе, 1989.
6. Давидович Е.А., Мухтаров А.М. Страницы истории Хисара. Душанбе, 1969.

ПАЙНАВИШТҲО

1. Яъкуби Чархӣ – яке аз намояндагони маъруфи силсилаи тасаввуфи «нақшбандӣ» ба шумор меравад ва ҳамаср ва шогирди шайхи машхури силсилаи нақшбандии асри XIV Баҳоуддин буд. ӯ устоди маънавии Хоҷа Аҳрор ба шумор мерафт. Соли 851 / 1447-1448 дар вилояти Ҳисор аз олам гузаштааст. Мазори ӯ дар чанубу шарқии шаҳри Душанбе воқеъ аст.
2. Фарсанг – воҳиди ченаки роҳ, ки ба 6 км баробар аст.

НАРОДНОЕ ВОЛНЕНИЕ В ГИССАРЕ (НАЧАЛО XVIII в.)

А.САИДОВ

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ
Тел. (+992) 919134184

В данной статье автор рассматривает вопрос крупного восстания, происходившего в начале XVIII в. в Гиссаре, толчком для которого послужили феодальные распри и бесконечный гнет населения. Наряду с ремесленниками и торговцами активное участие в этом восстании приняла и городская беднота. Об этом восстании приведены ценные сведения в трудах очевидцев событий Мухаммада Юсуфа Мунши и Мирмухаммада Амини Бухари.

Ключевые слова: Гиссар, Бухара, восстание, Балх, Уткан, поход, крепость, население, эмир, столкновение, войско.

CIVIL UPRISING IN HISSAR

SAIDOV ABDUKAQOR

Doctor of History

The author in the article discusses a large public unrest occurring in the beginning of XVIII century in Hisar, caused by feudal conflicts and infinite oppression of the population. The City poor took active participation in the unrest along with handicraftsmen and traders. Valuable information about the unrest is provided in works of eyewitnesses of the events Muhammad Yusufa Munshi and Mirmuhammad Amini Buhari.

Keywords: Hisar, Bukhara, unrest, Balh, Utkan, a campaign, a fortress, the population, the Emir, collision, army.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Л.ДОДХУДОЕВА

доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии
Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Академии наук Республики Таджикистан
ул. Рудаки 33, 734025 Душанбе, Республика Таджикистан
эл. почта lorasdodo@ Rambler.ru, тел. (+992) 221 37 42

Проблема истории города, его жизни и культуры является одной из наиболее актуальных направлений мировой медиэвистики в целом и отечественной исторической науки в частности. Однако одним из серьезных упущений отечественной академической науки является то, что за пределами объяснения тех или иных положений находится немало исторических явлений и процессов развития городской культуры Средней Азии.

Ключевые слова: город, социум, оседлое население, кочевники, Средняя Азия, цивилизация, вовлеченность.

Средневековый город и город Нового времени, а также его культура – одна из важных областей исследования в мировой исторической науке. Понятие города включает в себя различные аспекты, связанные с проблемами урбанизма, политики, социо-культурного развития, топографии, архитектурного облика и форм, иконографии, трансформации, гендерного контекста и др.

Городская культура является основой цивилизационного развития любого региона. Древнегреческий историк Страбон считал, что для формирования цивилизации достаточно и одного города, современный ученый Ф. Бэгби определил цивилизацию как «культуру, обретаемую в городах».¹

Города располагались в основном в земледельческих оазисах, по трассам торговых магистралей и различались как по уровню развития, так и величине. Большие городские центры, как правило, выполняли роль столицы, мелкие – ремесленных торговых и религиозных центров местного значения. Рост ремесленного производства в городах Средней Азии, располагавшихся на стыке со степью, в значительной степени был обусловлен постоянной потребностью кочевников в городской продукции.

По мысли Брегея, оседлое население в Средней Азии концентрировалось в пяти районах: Зеравшане, и районе реки Кашка Дарья (ранее территория назвалась Согд), Хорезме (нижнее течение Аму с ее

дельтой), Фергане (среднее течение Сыр), Чаче (Шаше) с Илаком (бассейне Чирчика и Ангерена, правый приток р. Сыр) и Балхе (южная часть Аму). Река Аму дарья традиционно считалась границей между Ираном и Центральной Азией.²

Проблема истории города, его жизни и культуры является одной из наиболее актуальных направлений мировой медиевистики в целом и отечественной исторической науки в частности. Однако, одним из серьезных упущений отечественной академической науки является то, что за пределами объяснения тех или иных положений находится немало исторических явлений и процессов развития городской культуры Средней Азии которые до сих пор оказались неисследованными.

Изучение города в отечественной и зарубежной медиевистике сосредоточено, главным образом, на проблемах социально-экономической истории. Как верно отметила известный советский историк и этнограф О.А. Сухарева еще в 1962 г., «история среднеазиатского города изучена несравненно меньше, чем история аграрных отношений».³ Теоретически и практически не рассматриваются такие понятия, как «городская культура», «культурная среда города», в применении к истории позднего средневековья и Нового времени. Именно этот пробел в области исследования одного из аспектов городской культуры автор попытался поднять в своей статье.

В научной литературе уже давно укрепилось определение культуры оседлого населения Средней Азии как городской по своей природе. Основывается подобный принцип на древнем представлении иранских народов о том, что город является цивилизирующим началом по отношению к деревне.⁴ В этом смысле показательна история взаимовлияний городской культуры Средней Азии и Ирана, в которых взаимодействие происходило прежде всего на основе этнокультурной общности таджиков и иранцев. Их достижения в области развития политических и социальных нововведений, инноваций в области литературы, науки и искусства оставались длительным период основополагающими для развития культур других народов Среднего Востока.

В Средней Азии поселения оседлого населения почти неизменно располагались в оазисах-городах, окруженных степями и пустынями. В течение всей истории вокруг многих оазисов существовали крепостные стены, которые защищали культивированные, ирригационные земли от кочевников. Внутри оазисов иранские жители отличались от внешних кочевников по языку, культуре, обычаям.⁵ Кочевники нередко разрушали плоды творчества и деятельности оседлого населения, они вели торговлю друг с другом, и главным центром торговли во все времена оставался город, в который стекались товары как оседлого населения, так и кочевников.⁶ Когда кочевники собирались создавать импе-

рию, то создавали ее именно на основе оазиса, поскольку там уже были созданы городские инфраструктуры во всех сферах. В степи же отсутствовала администрация и образование, а города могли обеспечить этим номадов.⁷

Завоевания кочевников служили не только расширению и переделу границ, решению экономических проблем, но и культурной экспансии, ведь помимо захвата земель требовалась идеологизация покоренной территории, которая могла быть достигнута при помощи культурных акций, которые за очень редким исключением проводились в основном в городах.

Развитие культурных контактов городского населения с сельским, кочевниками степи представлял собой динамический, но порой противоречивый процесс, который был основан на научном и художественном обмене и затрагивал все аспекты общества, в том числе и культуру. Города являлись главным фактором в диалоге разных государств, поскольку именно через этикет, ритуал, придворный круг происходило взаимовлияние городских культур разных регионов. Эти центры цивилизации были по своему характеру более космополитичны, нежели сельские районы, сохранявшие ярко выраженные этнические особенности. Города являлись местом рождения и ретранслятором новых идей во всех областях человеческой деятельности, центрами торговых связей и искусства. В широком понимании город включает в себя различные аспекты, связанные с проблемами урбанизма, политики, социокультурного развития, топографии, архитектурного облика и форм, иконографии, трансформации, гендерного контекста и др.

Однако в эпоху средневековья нередко город ассоциировался с грехом, роскошью. Так, философ Ибн Халдун (XIV в.) осуждал праздное времяпрепровождение горожан: «Так как жители города много заботятся о различных видах наслаждения, о роскоши и о том, как предать себя земному и отдаться со рвением своим страстям, их души загрязнены многими достойными порицания качествами и обильным злом, и далеки от них пути и тропы добра, соразмерно тому, как им выпало на долю все это».⁸

Основная роль в развитии городов отведена торгово-промышленной функции, поскольку его градообразующими основами выступали всегда ремесленное производство и торговля. Причем материалом для суждения о жизни города, торговля и ремесленная продукция служат не сами по себе, но как материал для суждения о его производственной и коммерческой деятельности⁹, в то время как наука, образование, литература, архитектура, искусство – о духовной и материальной культуре. Городская культура служила созданию социальной структуры, в центре которой располагался монарх и его двор.

Не получил до сих пор широкого развития в современной отечественной науке и подход к изучению предметов искусства как документов исторического процесса, объектов этнокультурного синтеза, что могло бы способствовать раскрытию вопросов, связанных с этногенезом народов, а также общественной психологией городов в тот или иной исторический период.

Градообразующей основой было не только ремесленная промышленность, но и специализированное ремесло, занятые в них ремесленники. Наряду с ремесленной промышленностью важной градообразующей основой являлась торговля и торговцы. Среди них также наблюдался процесс социальной дифференциации.

Представляется плодотворной попытка рассмотрения и памятников материальной культуры в их связи с конкретной социальной стратой: великосветским обществом или богословским, ремесленной, торговой или сельской средой. Учитывая подобные факторы, легче уяснить идейные установки и вкусы различных категорий городского общества, нашедшие свое отражение в произведениях искусства. В городах получили развитие такие традиции дворцовой культуры, как золотое шитье, чеканка, резьба и роспись, по ганчу и дереву, вышивка, ювелирное искусство, миниатюра. В сельских районах сохранялись черты народного искусства.

Это позволяет воссоздать более полную, объемную картину внутривосточного, социально-экономического и культурного положения. Изучение этой темы поможет во многом восполнить малоизвестные и неизвестные страницы средневековой истории Средней Азии.

В XVIIв. Средняя Азия и Иран вошли в трансформационный период и переживали один из сложнейших периодов в своей истории. Для Средней Азии, была характерна не только политическая децентрализация, но и полицентризм, связанные с раздробленностью, постоянными войнами за влияние и власть, с разрушением городов и сел, обложением непосильными многочисленными налогами и податями население. Однако, несмотря на то, что в основу взаимоотношений Ирана и Средней Азии была положена дипломатия военного характера, между ними существовали и связи в области городской культуры: происходил обмен посольствами, ученые и поэты путешествовали по городам двух регионов, заключались торговые сделки.

В трактате «Убайдулланаме» Мир Мухаммада Амири Бухари¹⁰ в частности говорится о прибытии посла Ирана ко двору Надир Мухаммада (правил 1642-1645гг.). Этот уроженец Ирака по имени Соловей посетил Бухару и Самарканд. После возвращения на родину шах Ирана поинтересовался у него о состоянии городов Мавераннахра. Посол ответил, что они «..находятся под властью объединения узбе-

ков, которые в течение всего этого времени старались об опустошении этих стран, продолжая разорять их и теперь, и тем не менее страны эти до сих пор все еще цветущи и населены».¹¹

Первый период изменений характера размещения населения городов, значения населенных пунктов в перемещении экономического первенства из центральной части Средней Азии на периферию, главным образом, в Ферганскую долину охватывает XVIIв. Второй этап XVIII – 1 половина XIXв. характеризуется неравномерным историческим развитием, при котором все же происходит благоустройство городов, переселение в города сельских жителей, оседание кочевников. Значительно расширилась населенная зона вокруг городов, происходил отток избыточного населения из города в пригороды, отдаленные сельские районы, где они основывали новые поселения: летние резиденции, загородные кварталы, выселки. Важной чертой социальной дифференциации было изживание традиционной дислокальности населения, зимой жившего в городах, а летом – в садах. Появилась категория горожан, которые не выезжали из города, увеличилось число жителей в пригородах, живущих там и зимой. Такое разделение на горожан и постоянных жителей пригородов имело большое значение для жизни и культуры городов. Они стали формироваться как самостоятельные типы селений.¹²

В связи с этими сдвигами происходили важные изменения в городской культуре: совершенствовалась техника и оборудование в ремесленной промышленности, наблюдался подъем в духовной и материальной сферах общества. Мир городской культуры, кругозор горожан был гораздо шире, нежели у самых образованных сельских жителей. Именно в городах развивалась элитарная, профессиональная культура.

В 1 половине XIXв. расширилась сеть городских и сельских постоянных и сезонных рынков. Экономические связи, прежде основанные на разнообразии природных условий, теперь развивались на базе роста товарности производства, обусловленной хозяйственной специализацией регионов. Как следствие, усилились этнические, культурные контакты между оседлым и кочевым населением, их обособленность начала ослабевать, также, как и коммерческих рынков.¹³

В силу множества политических, социально-экономических причин в Средней Азии в этот период наблюдался определенный застой. Регион так и не был объединен под единой централизованной властью, а междоусобные войны и набеги кочевников лишь усугубляли ситуацию. Кризис прослеживается во всех сферах городской культуры и потому, что стагнация наблюдалась в экономике, мировоззренческих принципах. Например, как отмечает О.А. Сухарева, в Бухаре до Октябрьской революции машинной индустрии не было, так как

эмирские власти запрещали открывать фабрики и заводы на» священной земле» Бухары. По этим же соображениям через Бухару не была проведена и железная дорога. Это явилось одной из причин особенно прочного сохранения там старых форм жизни.¹⁴

К тому же распространение суфизма и особенно расцвет дервишеских орденов в городах и степи внесли свой отрицательный вклад в развитие светской городской культуры Средней Азии и вызвали кризис во всех ее областях. Именно здесь в XVIII – XIX вв. широко обсуждался вопрос о том, считать ли зависимое политическое положение региона от иноверцев (России) ситуацией, когда применимо положение дар ал-ислам (страна ислама) или же дар ал-харб (страна войны). От интерпретации этого теологического положения зависели конкретные действия по адаптации ислама к новым формам развития или же сопротивлению проискам Российской империи.

Население Средней Азии на протяжении столетий оставалось плюралистичным по этническому составу и стилю жизни и основывалось на разных типах оседлого и кочевого проживания. Искусство степи сосуществовало наряду с достижениями цивилизации урбанистических центров. В итоге общность внутри регионов была достигнута за счет разнообразия при централизованном правлении и на базе единого вероисповедания. В процессе социально-культурного развития наиболее влиятельным являлось городское общество, которое структурировалось согласно существующим кланам, общинам, племенам, по религиозному, образовательному, законодательному и другим аспектам социальной жизни, а связующим звеном между ними, являлись улама (религиозная элита).

В современную эпоху исследование и теоретическая разработка проблем городской культуры Средней Азии, ее историко-культурные взаимосвязи с различными народами с учетом их самобытности актуальны и имеют высокую научную и практическую значимость, поскольку содействуют исторически верному пониманию развития цивилизации Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов. – Москва: Аспект-Пресс, 2001. – С.92.
2. Брегель, 2003-С .2
3. Сухарева О.А. Позднефеодальный город. Бухара конца XIX – начала XXв. Ремесленная промышленность. – Ташкент, 1952. – С. 5.
4. Подробно: Додхудоева Л.Н. Художественная культура книги Средней Азии и Индии XVII и XIX веков. – Душанбе, 2001 г.

5. Фрай, Преислам. – С 35, 38.
6. Rossabi M. The Legacy of Mongols.//Central Asia in Historical Perspective. Ed. By Вю Manz. Oxford, 1994, – P 46.
7. Адшед Б. – С 194.
8. О'Кане. Studies in Persian Art and Architecture. – Cairo, 1995. – P.110; Средневековый город Ближнего Востока VII – середина XIII в. – М., 2001.
9. Большаков. – С.270.
10. Мир Мухаммад Амир-и Бухари.Убайдулла-наме.Перевод с таджикского с примечаниями чл. – корр. АН Уз.ССР проф. А.А. Семенова. – Ташкент,1957. – С. 35.
11. Чехович О.Д. Бухарская рукопись XVIIIвека «Убайдулло-нома»// Проблемы источниковедения. – Вып. VIII. –Москва, 1959. – С. 206.
12. Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII – начале XXвв. – Душанбе 1991. – С. 48. Н.О. Турсунов в своей монографии предложил выделить 4 этапа развития поселения в истории Средней Азии XVIII - начале XX в.
13. Турсунов Н.О. Развитие городской и сельской жизни северного Таджикистана в XVII - начале XXвв. Автор. На соиск. Доктор. Ист.н. – М.,1979. - С. 11-15
14. Сухарева О.Д. Позднефеодальный город. Бухара конце XIX-начала XX вв. Ремесленная промышленность. – Ташкент, 1962. – С. 86.

THE PROBLEM OF STUDY CENTRAL ASIAN URBAN CULTURE

LARISA DODKHUDOEVA

Doctor of Arts, Doctor of History, Head of Ethnographic
department A Donish Institute of History, archaeology,
ethnography, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
33 Rudaki av., 734025 Dushanbe, Republic Tajikistan
E-mail : lorasdodo@rambler.ru,phone(+992) 221 37 42

The problem of study urban culture, its history, life, arts is one of the most actual trends of the world medievalism and national historical science. But there are a lot of omissions in the field of research historical processes and phenomenon of the development urban culture in Central Asia.

Key words: city, society, settled population, nomads, Central Asia, civilization, involvement.

ВКЛАД ТУРКЕСТАНСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЩЕСТВЕННО- НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА (1897-1917гг.)

В. ДУБОВИЦКИЙ

доктор исторических наук, заведующий отделом истории науки и техники Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша

В статье рассматривается роль (Императорского) Русского Географического Общества, созданного 170 лет назад (1845г.) в исследовании территории Средней Азии в конце XIX – начале XXвв. Один из пяти его отделов – Оренбургский (1867г.) – в некоторой степени занимался исследованиями территории Средней Азии. В конце XIXв. большая часть этого региона вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, и началось его планомерное изучение. По инициативе русских ученых Средней Азии, а также востоковедов Петербурга и Москвы в конце 1895г. Туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский ходатайствовал перед РГО об открытии его Туркестанского филиала.

Ключевые слова: Русское Географическое Общество, Средняя Азия, территория, Туркестан, генерал-губернаторство, Восточная Бухара.

Заслуга исследований территории Средней Азии и, в частности, нынешнего Таджикистана, в конце XIX – начале XX вв. в огромной степени принадлежит (Императорскому) Русскому Географическому Обществу (РГО), созданному 170 лет назад, в 1845г. Этапы его становления и развития в этот период включали создание в ее составе Отделов и Подотделов, охватывающих своей деятельностью определенные регионы Российской империи. Как отмечалось в юбилейном издании, выпущенном к 100-летию Всесоюзного Географического общества – приемника РГО: «Считалось желательным утверждать Отделы на окраинах, отдаленных от центра империи, так как затем Отделам открывалось обширное поле для новых географических исследований и отраслей».¹

Положение филиала центральной научной организации, давало ему большую, с одной стороны, самостоятельность, основанную на собственном бюджете, с другой – покровительство местной административной власти: как правило, председателями Отделов РГО на местах были губернаторы или генерал-губернаторы края или губернии, где они открывались. Все это делало Отделы своеобразными

научно-организационными центрами для местных исследований и базой для проведения экспедиционных работ, организованных в центре страны всероссийским РГО. Вместе с тем, в плане изучения деятельности местных Отделов такое положение дел часто затрудняло определение принадлежности и источников финансирования различных экспедиций.

В течение 1851-1894гг. в России было открыто пять Отделов РГО. Однако только один из них – Оренбургский (1867г.) – в некоторой степени занимался исследованиями территории Средней Азии. Поскольку в конце XIXв. большая часть этого региона вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, появилась острая необходимость в его планомерном изучении. По инициативе русских ученых Средней Азии, а также востоковедов Петербурга и Москвы в конце 1895г. Туркестанский генерал-губернатор А.Б.Вревский ходатайствовал перед РГО об открытии его Туркестанского филиала.²

Решение правительства об организации Туркестанского отдела Русского Географического Общества (ТОРГО) было принято 20 мая 1896г. Первое заседание ТОРГО состоялось в Ташкенте 28 февраля 1897г. под председательством генерал-губернатора А.Б.Вревского. К концу первого года своего существования Отдел насчитывал 78 членов.

Исследования в области общественных наук (экономика, история, этнография, археология, филология и литературоведение и др.) активно проводились ТОРГО во все времена его существования. Причем, исследования и наблюдения в этих науках осуществлялись не только профессионалами-востоковедами, но практически всеми учеными независимо от профиля.

Большая часть изысканий на территории Таджикистана в тот период носила описательный характер несистематизированных заметок, но это не снижало их объективной ценности из-за наблюдений многих сторон жизни и деятельности местного населения, через короткое время трансформировавшихся или даже вовсе исчезнувших под воздействием различных социально-экономических изменений.

В рамках общественно-научных исследований, проведенных ТОРГО на территории Таджикистана, особо стоит остановиться на работах в области этнографии и археологии, а также страноведческих трудах смешанной тематики.

Проведенные ТОРГО этнографические исследования на территории нынешнего Таджикистана, касались в большей степени той части, которая входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Это, прежде всего, Зеравшанский округ, в том числе его «нагорные тюмени», в состав которых вошли бекства, лежащие по течению р.Зеравшан выше Пенджикента.

Работы по изучению русскими исследователями этнографии таджиков Восточной (Горной Бухары) и Верхнего Зеравшана, были более многочисленными (хотя и менее обобщенными) по сравнению с трудами по этнографии таджиков равнинной части Средней Азии. Происходило это, прежде всего, потому, что таджикское население равнин и городов в значительной степени проживало на территории Туркестанского генерал-губернаторства и уже было втянуто в экономические отношения России, интегрировано в его политико-административную структуру. Таким образом, этнографические исследования в этих условиях могли быть лишь делом ученых-этнографов, специально ими занятыми, или административных работников, ответственных за контакт с местным населением. У других же категорий исследователей ТОРГО (военнослужащих, дипломатических работников, представителей естественнонаучного профиля) здешние подданные империи не вызывали столь острого интереса.

По-иному обстояло дело в отношении к таджикскому населению, проживающему, например, в Восточной (Горной) Бухаре. Быт и культура горцев-таджиков непременно привлекали внимание практически всех русских путешественников, побывавших на этой территории. Наряду с РГО, администрация Туркестанского генерал-губернаторства, Генеральный штаб Российской армии и другие учреждения и организации, по чьей инициативе или при чьей поддержке проводились поездки и экспедиции, придавали огромное значение комплексному изучению здешней территории.

Если равнинная территория была потенциальным театром военных действий, то ее население изучалось как потенциальный враг или союзник. Такой раздел материальной культуры, как земледелие, превращался в вопрос о возможности продовольственного снабжения войск, а традиционные средства переправы через водные преграды и условия ремонта карнизных путепроводов – в вопрос о воинских коммуникациях. Поэтому, даже будучи чисто военно-прикладными по своему характеру, научные экспедиции непременно включали в себя, наряду с топографическими, геологическими, зооботаническими и другого рода исследованиями, этнографические наблюдения.

В этнографических исследованиях ТОРГО, особенно на территории Восточной Бухары, обращает внимание большое количество получивших научную апробацию в стенах этого научного подразделения военно-стратегических обзоров, подготовленных как офицерами – членами Отдела, так и не принадлежащими к нему военнослужащими.

В их числе, представляют интерес работы страноведческого характера, включающие в себя, наряду с географическими и топографиче-

скими характеристиками местности, сведения по экономике, истории и этнографии описываемого региона. К такого рода работам можно отнести, прежде всего, военно-стратегический обзор территории Восточной Бухары, подготовленный группой офицеров во главе с Н.Н.Юденичем в 1897г. и содержащий обширные сведения по материальной культуре населения региона.³

К тому же роду работ относится и военно-стратегический очерк по территории Восточной Бухары, подготовленный по результатам рекогносцировки 1904г. подполковником А.Е.Снесаревым. Характеризуя народонаселение территории, автор очерка подчеркивает, что подавляющее его большинство – таджики. В то же время он ошибочно выделяет в особые ираноязычные группы население Дарваза и Каратегина.⁴ Говоря о населении Восточной Бухары, А.Е.Снесарев пишет: «Таджики представляют собой оседлое население, а узбеки и каракиргизы (киргизы – В.Д.) находятся в поре оседания: в некоторых пунктах мы находим уже совершенно оседлые группы этих народностей, а в некоторых – почти еще совсем кочевые».⁵ Касаясь пропорции и ареалов проживания таджикского населения в регионе, исследователь отмечает, что на территории Дарваза население сплошь таджикское, а на территории Бальджуанского и Кулябского бекств представители этого народа составляют две трети. Такие данные подтверждаются и этнографическими исследованиями, проведенными два десятилетия позднее, в период работы Комиссии по национально-территориальному размежеванию Средней Азии.⁶

Недостаточная научная разработанность вопросов таджикского языкознания в тот период не дала А.Е.Снесареву возможности разобрататься в особенностях диалектов таджиков Горного Бадахшана, но, вместе с тем, он правильно подчеркивает всеобщую распространенность на этой территории классического таджикского языка: «Таджики восточной Бухары говорят, главным образом, на двух языках: каратегинском, который можно считать разновидностью бадахшанского наречия персидского языка, и дарвазском, который является значительно большим отклонением от того же бадахшанского наречия, принявшего в себя многие слова шугнанского и даже ваханского языков. В долине Язгулема и верховьях Ванча жители говорят на одном из наречий шугнанского языка. Среди таджиков вполне можно обойтись со знанием персидского языка, а в трущобах Язгулема и Ванча в каждом кишлаке всегда найдется несколько человек, говорящих на персидском».⁷

Несомненным вкладом А.Е.Снесарева в изучение этнографии населения Горного Бадахшана стала его научная статья «Религия и обычаи горцев Западного Памира».⁸ В ней подробно рассматривает

особенности культа секты исмаилитов, взаимоотношения исмаилитского населения Горного Бадахшана с суннитским окружением Восточной Бухары и Афганистана, а также особенности материальной культуры шугнанцев, ваханцев, дарвазцев, связанные с определенной географической изолированностью этой территории.

Нужно сказать и о большом, в целом, вкладе русских военнослужащих в изучение истории и культуры таджикского народа. При этом данная оценка относима, прежде всего, к офицерам Памирского отряда, многие из которых являлись членами ТОРГО.

Среди них особо выделяются И.Д.Ягелло, активно работавший в области этнографии и языкознания шугнанских и ваханских таджиков в период 1914-1917гг., будучи начальником Памирского отряда, а также капитан Н.Туманович, занимавшийся этнографией и языкознанием шугнанцев.⁹

К страноведческим обзорам относится и работа капитана А.Косиненко, подготовленная по результатам его экспедиции 1909г. Автором дана характеристика ареалов расселения таджикского и киргизского населения на Памире и в Горном Бадахшане, особенности материальной и духовной культуры исмаилитов, а также данные о проживании отдельных групп населения в различных регионах Восточной Бухары.¹⁰

Неоценимый вклад в исследование этнографии таджиков, особенно Горного Бадахшана и Ягноба, также в период существования ТОРГО был сделан его активным сотрудником М.С.Андреевым.

Началом этнографических исследований М.С.Андреева на территории Таджикистана можно считать его статью, касающуюся долины Вахиё, и ряд других работ, опубликованных в «Туркестанских Ведомостях».¹¹ Но наиболее серьезные этнографические исследования были проведены им в Вахане и Ишкашине в 1907г., во время его сухопутного путешествия из Индии в Среднюю Азию. Позже эти материалы были опубликованы совместно с А.А.Половцовым.¹²

Значительная часть собранных М.С.Андреевым материалов по этнографии таджиков Бадахшана была включена позже в его крупную работу «Таджики долины Хуф», а также в ряд других трудов ученого, известного уже в советский период, как крупнейшего специалиста по этнографии таджиков.

Большое количество этнографических наблюдений было сделано исследователями-членами ТОРГО во время различных комплексных и естественнонаучных экспедиций, служебных поездок, а также во время нахождения по месту военной или административной службы. К таким исследованиям можно отнести работу В.В. Дынина «Очерки быта горцев верховьев Зеравшана»¹³, выполненную автором – ин-

спектором Самаркандского уезда – в 1904г. В нее вошли материалы служебной командировки для выяснения уровня экономического развития и платежеспособности населения Ферганской, Матчинской и Искандеровской (Искандеркульской) волостей Самаркандского уезда. «Очерки» содержат сведения не только экономического, но и этнографического характера, собранные путем «личных наблюдений и массовых опросов местных жителей». Особое внимание В.В.Дынин уделяет характеристике материальной культуры населения, которая описана в разделах «Полеводство», «Скотоводство», «Отхожие промыслы», «Домашний быт горцев (жилища, домашняя утварь, земледельческий инвентарь, пища, одежда)», «Санитарные условия быта».

Труд В.В.Дынина является наиболее подробным этнографическим и экономическим исследованием верховьев р.Зеравшан, проведенным до 1917г. и внесшим большой вклад в общественно-научное изучение населения территории современного Таджикистана.

Заметный вклад в этнографическое изучение Бадахшана и Восточной Бухары был внесен и исследованиями экспедиции академика Коржинского (1897г.), частично профинансированной ТОРГО.¹⁴

Членом экспедиции – ориенталистом К.Г.Залеманом – было проведено исследования языка и быта таджикского населения Бадахшана. «В Оше К.Г.Залеман занялся изучением шугнанского наречия путем живых бесед с выходцами из Шугнана... Возвратившись из Оша в Самарканд, К.Г.Залеман продолжил работу по изучению шугнанского наречия при посредстве молодого рабочего-отходника из Бадахшана Шах Махмата. Залеман собирался также посетить район Памира, но несчастный случай (перелом ноги) заставил его задержаться в Маргилане и отказаться от этой мысли».¹⁵ Проведенная К.Г.Залеманом работа внесла существенный вклад в изучение этнографии и языкознания населения Горного Бадахшана.¹⁶ Эти работы по языкознанию припамирских таджиков получили продолжение в трудах другого члена ТОРГО, принадлежавшего к более молодому поколению исследователей – М.С.Андреева. В 1902г. М.С.Андреев совершил поездки на Памир, побывав в Хороге, Вахане и Ишкашима. Тогда он обратил внимание на своеобразие язгулемского языка и сделал многочисленные записи, дополненные потом в Ташкенте беседами с приехавшими туда вместе с ним язгулемцами. По разработанной К.Г.Залеманом таблице глагольных парадигм, он составил таблицу язгулемских глаголов, включавшую 180 слов.¹⁷

Необходимо подробнее остановиться на деятельности Д.Н.Логофета в области этнографии Таджикистана, ценность научного вклада которого оспаривается в советской науке не один десяток лет. Ему принадлежат обширные, хотя и недостаточно обобщенные

этнографические наблюдения по территории Гиссарского, Кулябского, Кабадианского и Курган-Тюбинского бекств. В основном они носят характер путевых заметок. Характеризуя народонаселение Восточной Бухары, Д.Н.Логофет насчитывает 23 племени (народа), проживающих здесь.¹⁸ Он относит таджикское население к коренным жителям Восточной Бухары, и подчеркивает, что оно составляет здесь по численности большинство.¹⁹ Отмечается, что основное хозяйственное занятие таджиков – земледелие, и потому они, будучи оседлым по характеру населением, занимаются скотоводством лишь побочно. Подспорьем для таджика в хозяйстве служат различные промыслы и ремесла. Д.Н.Логофет ошибочно относит всех таджиков к мусульманам шиитского толка, точнее – к исмаилитам.

Неточным следует считать и замечание Д.Н.Логофета о том, что «незначительная часть таджиков находится в числе городского населения различных городов Бухары, но вся масса их живет в своих горных кишлаках».²⁰

Абсолютно неправильно и утверждение Д.Н.Логофета о существовании у таджиков трех главных наречий: каратегинского, дарвазского и шугнанского. Это можно объяснить как недостаточной изученностью вопросов языкознания народов Средней Азии в начале XX в., так и слабостью лингвистической подготовки самого исследователя.

Характеризуя узбекское население ханств, Д.Н.Логофет отмечает, что на территории Восточной Бухары им заняты наиболее удобные пахотные земли, и оно ведет полукумачевую образ жизни. Он насчитывает 102 рода узбеков, к сожалению, не выделяя их расселение по территории ханства, а лишь отмечая, что «...узбеки живут, главным образом, в бекствах Западной Бухары; в восточной же их сравнительно меньше, а в Каратегинском и Дарвазском бекствах, кроме служилых людей (т.е. лиц администрации и военнослужащих – В.Д.), узбеки не встречаются».²¹

Значительный интерес представляют и статистические сведения по расселению жителей на территории Восточной Бухары, а также о размере населенных пунктов. Д.Н. Логофет указывает, что «менее заселенными (в Бухарском эмирате – В.Д.) являются бекства Восточной Бухары, где первое место по численности занимают Каратегинское, Кулябское, Бальджуанское. Самыми же малозаселенными являются бекства Дарвазское, Курган-Тюбинское, Кабадианское».²²

Касаясь вопросов материальной культуры населения Восточной Бухары, Д.Н.Логофет останавливается на фортификационных сооружениях Гиссарского и Каратегинского бекств. Характеризуя цитадели Регара и Гиссара, он сообщает, что они представляли собой укрепления из глинобитных стен со сторожевыми башнями из жженого кир-

пича.²³ Кроме того, исследователь упоминает о дополнительных крепостных стенах, охватывающих часть Гиссара и о четырех глинобитных башнях, построенных в одну линию и прикрывающих город с востока.²⁴ Высота стен Гиссарской крепости им была определена в 50 сажень (примерно 30м.).

Описывая крепость Гарма, Д.Н.Логофет говорит о дополнительных мерах по защите контрфорса одной из стен, благодаря выбору места на обрывистом берегу Вахша. В отличие от Гиссарской крепости, здесь он отмечает обшивку деревянных ворот железными листами.²⁵

Ставший во время путешествия в 1907г. свидетелем катастрофического землетрясения в Каратаге, Д.Н.Логофет специально останавливается на вопросах сейсмоустойчивости здешних построек, указывая на бессистемности застройки населенных пунктов и недопустимой слабости деревянных конструкций зданий, что при значительных подземных толчках приводит к обрушениям глинобитных крыш и огромным жертвам. В то же время, он специально подчеркивает большую сейсмоустойчивость конструкций жилых построек в Каратегине: «За исключением последних (киргизов – В.Д.), пользующихся войлочными юртами, все население бекства живет в глинобитных саклях особой постройки: с толстыми до 2-х аршин стенами, низкими и устойчивыми, могущими противостоять снегам и землетрясениям».²⁶

Таким образом, необходимо отметить, что у Д.Н.Логофета, как и большинства авторов конца XIX – начала XXвв., описание архитектуры и строительной техники носит характер отдельных наблюдений – отмечается географическое положение селений, внешний вид построек, внутренняя планировка, применяемые строительные материалы.²⁷

В сфере духовной культуры населения Восточной Бухары Д.Н.Логофетом зафиксированы достаточно интересные фольклорные материалы. Среди девяти преданий, записанных исследователем на территории этого региона, пять имеют религиозный сюжет: «Как правило, одним из главных героев таких произведений народного творчества выступает пророк Али, а также Александр Македонский, введенный в мифологию в качестве одного из мусульманских завоевателей. Некоторая часть легенд и преданий Восточной Бухары оказалась связанной с арабскими завоеваниями этой территории. При этом в произведениях народного творчества явно указывается на ожесточенное сопротивление, оказанное местным населением арабским завоевателям, которые вынуждены были прибегать к разного рода хитростям, дабы справиться с ним. Как правило, такие предания и легенды бытовали в наиболее труднодоступных бекствах: Дарвазском и Каратегинском».²⁸

Несмотря на большой объем исторических и этнографических све-

дений, приведенных Д.Н.Логофетом, работы этого автора не заслужили высокой оценки в отечественной историографии: «Несколько книг о Бухарском ханстве издал Д.Н.Логофет, проживший в пределах ханства более десяти лет, но эти книги, даже независимо от незнакомства автора с языком страны, не удовлетворяют научным требованиям».²⁹

Вместе с тем, несмотря на то, что оценка работ Д.Н.Логофета со стороны светила мировой ориенталистики В.В.Бартольда, заслуживала всяческого внимания, следует учесть, что уровень знаний офицера-пограничника был краеведческим, а не академическим, и потому к собранным им материалам должны предъявляться соответствующие требования.

Некоторые наблюдения в области материальной культуры таджикского населения нынешних Каршинской и Сурхандарьинской областей Узбекистана были сделаны Н.А.Бендеерским и Н.Ф. Ситняковским, проводившим здесь топографическую съемку по поручению ТОРГО.³⁰

Наиболее систематические исследования по этнографии таджиков, проведенные ТОРГО в начале XX в., принадлежат П.Е. Кузнецову. Первая крупная специализированная экспедиция этого исследователя состоялась в 1900г. В истории Туркестанского отдела ТОРГО она известна как «Таджикская». В инструкции экспедиции, утвержденной на заседании ТОРГО 12 июля 1900г., были, в частности, записаны следующие задания:

– точно определить области распространения таджиков в предгорьях Ташкентского уезда к северу от Ферганской области, т.е. от хребта Кураминских гор. Для этой цели экспедиция должна нанести на подробную карту все существующие на изучаемой территории поселения таджиков. Указывалась необходимость строгого учета процентного соотношения во всех регистрируемых поселениях населения, говорящего только по-таджикски, двуязычного населения и таджиков, перешедших на узбекский язык;

– тщательно регистрировать все факты, подтверждающие или опровергающие предположение о переходе таджиков изучаемой местности на узбекский язык (сартизация);

– произвести приблизительный подсчет сельского населения Ташкентского уезда;

– необходим «сбор всякого рода исторических преданий, легенд, песен, сказок и пословиц, поверий и обычаев таджиков Ташкентского уезда...»;

– выяснить «диалектические отличия таджикского наречия Ташкентского уезда от того, которым говорят в Самарканде и Бухаре, а также от персидского языка...»;

– «крайне желательно иметь фотографические снимки таджикских типов и построек»;

– «антропологические наблюдения, за неполучением в Отделе Инструкции для проведения их, не проводятся...».³¹

Во время подготовки «Таджикской» экспедиции П.Е.Кузнецова 1900г., правление ТОРГО запросило профессора В.В.Бартольда и исследователя А.А.Бобринского о литературе по таджикскому языку, а также истории и этнографии таджиков. В своем ответе В.В.Бартольд сообщал, что основным пособием по данному вопросу являются работы А.А.Семенова и М.С.Андреева, что указывает на большой вклад этих ученых – членов ТОРГО в разработку истории и культуры таджикского народа уже в тот период.³²

«Таджикская» экспедиция П.Е.Кузнецова 1900 г. внесла существенный вклад не только в изучение этнографии таджикского населения Ташкентского оазиса, но и в целом – этнографии таджиков. Особенно ценными явились данные по этногенезу таджикского народа в период XIX в. в Ташкентском оазисе и в Ферганской долине. Вместе с тем, к недостаткам работы названной экспедиции можно отнести полное отсутствие антропологических измерений и фотографических материалов, что было вызвано полным отсутствием у участников экспедиции соответствующих инструментов и аппаратуры.

Вторая крупная экспедиция П.Е.Кузнецова состоялась в марте 1914г. и охватывала Самаркандскую и Андижанскую области. Основной ее целью было изучение вопроса тюркизации таджиков на территории Средней Азии, а также «исследование вопроса о географическом распространении таджиков... для составления, насколько возможно, полной карты таджикских поселений в Туркестане».³³

В результате двух экспедиций были сделаны выводы о сравнительно малой (по сравнению с Ташкентским оазисом) степени ассимиляции таджикского населения тюркоязычным в Наманганском уезде и в Ферганской долине в целом. Особенно отмечалась этническая устойчивость проживающих в Ферганской долине выходцев из Каратегина.³⁴

Экспедиции П.Е. Кузнецова являются единственным примером специализированных этнографических полевых работ, проведенных ТОРГО не только в отношении таджиков, но и всего населения Средней Азии. К сожалению, в связи с началом Первой мировой войны, обобщенные материалы этих экспедиций так и не были изданы.

В период 1897-1917гг. была издана лишь одна работа, претендующая на фундаментальное освещение данного вопроса.³⁵ Ее автором был А.П.Шишов – старший врач 1-го Туркестанского стрелкового батальона, увлекшийся за долгие годы службы в Средней Азии изучением этнографии таджикского и узбекского населения. Этот труд

был задуман в качестве большой обобщающей монографии по этнографии и антропологии таджикского народа. В написании его первой части (этнографической) автором были использованы как материалы собственных наблюдений, так и многочисленные сведения русских и зарубежных (в основном, английских) исследователей о таджиках Афганистана, Персии и Кашгарии.

В своей работе А.П.Шишов попытался дать обобщенную картину материальной и духовной жизни таджикского народа в современных ему условиях. Наряду с подробными характеристиками различных отраслей ремесленного производства, в которых были заняты таджики, характеристикой ареала их расселения по территории Средней Азии, культурного взаимодействия с тюркоязычным населением, автор подробно останавливается на таком малоисследованном аспекте, как употребление наркотиков. Богатая медицинская практика, которую А.И.Шишов получил за более чем двадцатилетний срок работы врачом в Фергане, а затем в Ташкенте, предоставляла ему большой материал об употреблении опиума, гашиша и других наркотиков среди представителей различных слоев, как местного, так и европейского населения.³⁶

Вместе с тем, этнографические характеристики населения в области духовной культуры и национального характера часто поверхностны, спорны и требуют критического подхода.³⁷

Труд А.П.Шишова не был завершен в его антропологической части. Судьба собранных для него материалов, представляющих огромный интерес для современной науки, неизвестна.

Большинство же многочисленных работ этнографического характера, выполненных членами ТОРГО, представлены отдельными очерками, статьями, заметками, прежде всего по вопросам материальной и отчасти, духовной культуры. Тем не менее, они являются весьма ценным историко-этнографическим материалом для современных исследователей.

Все исследования, проведенные ТОРГО, послужили фундаментом для этнографического изучения таджиков и других народов, населявших территорию Таджикистана в позднейший, советский период. Прежде всего, это относится к блестящим этнографическим работам М.С.Андреева, И.И.Зарубина, Н.А.Кислякова, Н.Н.Ершова, а также других видных представителей отечественной науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Л.С.Берг. Всесоюзное Географическое Общество за 100 лет. М-Л., 1946г., С.77.
2. Известия Туркестанского Отдела Русского Географического Общества – Ташкент, 1898г., Т.1, Вып. I, С.110.
3. ИТОРГО. – Ташкент, 1898г., Т.1, Вып.1, С.91-92.
4. А.Е. Снесарев Восточная Бухара. Военно-стратегический очерк. – Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии. – СПб, 1906г., вып. XXIX.
5. Там же, С.38.
6. См. Б.Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М., 1976г., с.42-66.
7. А.Е. Снесарев. Восточная Бухара... С.41.
8. А.Е. Снесарев. Религия и обычаи горцев Западного Памира// Туркестанские Ведомости, 1904г., №89.
9. Н.Туманович. Краткая грамматика и словарь шугнанского наречия. – Ташкент, 1908г.
10. (Косиненко) Извлечение из доклада Косиненко о поездке на Памир и в Восточную Бухару// ИТОРГО. – Ташкент, 1911, т.VII, С.34-37.
11. (М.С. Андреев) Вахиё// Туркестанские Ведомости, 1899, №93; Он же. О значении слова «лянгарь»// Туркестанские Ведомости, 1899г., №78; Он же. Блины в припамирских странах// Туркестанские Ведомости, 1905г., №32.
12. М.С.Андреев, А.А. Половцов. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан// Сб. музея по антропологии и этнографии при Академии наук. – СПб, 1911г., т.IX, С.32.
13. В.Дынин. Очерки быта горцев верховьев Зеравшана (опыт экономического исследования)//ИТОРГО. – Ташкент, 1914г., т.X, С.28.
14. ИТОРГО. – Ташкент, 1898г., Т.1, Вып.1, С.92-94.
15. Лунин Б.В. Историография общественных наук в Узбекистане. В 2-х т., – Ташкент, т.1, 1974г., С.176.
16. К.Г.Залеман. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1897г.: Отчет ТОРГО за 1897г.// ИТОРГО. – Ташкент, 1898г., Т.1, Вып.1, С.109-119.
17. Х.Ф.Акрамова, Н.М.Акрамов. Востоковед Михаил Степанович Андреев. М., 1973г., С.53.
18. Д.Н.Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом. В 2-х томах. – СПб., 1911г., т.1, С.151.
19. Там же, С.157.
20. Там же, С.160.

21. Там же, С.156.
22. Там же, С.157.
23. Там же, С.227.
24. Там же, С.236-237.
25. Там же, С.331.
26. Там же, С.335.
27. Р.Л.Неменова. О селениях Дарваза// Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук, 1956г., вып.10-11, С.38.
28. Д.Н.Логофет. В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). – СПб, 1913г., С.148.
29. В.В.Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Сочинения. В 9-и томах. – М., 1977г., т.9, С.552.
30. ЦГА Республик Узбекистан, Ф.69, оп.1, д. 8 «а», л.107.
31. Там же, С.157.
32. П.Е. Кузнецов. Процесс тюркизации таджиков в связи с вопросом о происхождении сартов// ИТОРГО. – 1916г., т.ХІІ, вып.2., С.268-269.
33. ЦГА Республик Узбекистан, Ф.69, оп.1, д.70, Л.18.
34. Там же.
35. Шишов А.П. Таджики (этнографические и антропологические исследования). в 2-х ч. – Ташкент, 1910г., ч.1, Этнография.
36. Там же, С.85-87.
37. Там же. С.35-4

**THE CONTRIBUTION OF TURKESTAN BRANCH OF
RUSSIAN GEOGRAPHIC SOCIETY ON SOCIAL SCIENCE
STUDIES OF TAJIKISTAN TERRITORY (1897 - 1917)**

DR. V. DUBOVITSKY
Doctor of History

Major researches on social science of economy, history, ethnography, archeology, language and literature were held by Turkestan branch of the Russian Geographic Society (RGS) established in 1845 in Tashkent. Else, researches and observation in these areas were held not only by professional orientalists but by all researchers of different specializations.

A significant part of their studies dedicated to research of modern Tajikistan territory, the northern part of which belonged to Turkestan General-Governorship, and the southern part – to Bukhara khanate (of Emirate).

Major contribution in study of history, ethnography, language and economy in Tajikistan territory had been made by Yudenich N.Y. Snesarev A.E., Yagello I.D., Kosinenko A., Andreev M.S., Semenov A.A., Zaleman K.G., Logofet D.N., Bendersky N.A., Sitnyakovsky N.F. and other members of RGS.

Especially worth noting of Kuznetsov P.E. contribution in study of Tajik ethnography, who had made special expedition field trips to Tashkent, Samarkand, Andijan and Namangan regions to study Tajik ethnography in 1900 and 1914.

ОБ ОДНОЙ ИНТЕРЕСНОЙ МИНИАТЮРЕ В РУКОПИСИ СЕФЕВИДСКОГО ПЕРИОДА ИЗ МУЗЕЯ РЕЗА АББАСИ¹ (ИРИ, ТЕГЕРАН)

Н.А.АТЫГАЕВ

Заместитель директора Института истории и этнологии
им. Ч.Ч.Валиханова Министерства образования и науки
Республики Казахстан
Телефон: +7 (7272) 61 67 19, e-mail: nuratygaev@mail.ru.

В статье обращается внимание на одну миниатюру из анонимного персоязычного сочинения Алам-ара-и Шах Исмаил, посвященного истории жизни и деятельности основателя Сефевидского государства в Иране и Южном Кавказе шаха Исмаила I. Данное сочинение хранится в Исламской Республике Иран, в Музее Реза Аббаси, выдающегося художника Сефевидского периода. Содержащаяся в рукописи миниатюра художника МуинаМуссавара (17 век), одного из известных учеников Реза Аббаси, представляет интерес для истории Казахстана XVI века. В миниатюре изображена сцена сражения между объединенным казахско-узбекским войском под командованием Абу-л-Хайра, сына казахского правителя Касым-хана, и войсками Сефевида Исмаил-шаха I. Сражение, которое произошло в 1513 году в районе Амударьи (в источнике - Джайхун), закончилось поражением объединенного казахско-узбекского войска и смертью его предводителя Абу-л-Хайр-хана.

Ключевые слова: Иран, узбеки, казахи, Казахстан, источники, Сефевиды, письменные, миниатюра, государственность, Исмаил-шах, казахская, Касым-хан, ханство.

Начиная с 2002 года мы не раз обращали внимание на сведения ряда персидских сочинений о сражении в районе Амударьи (в источнике - Джайхун) казахско-узбекского объединенного войска с войском Кызылбашского (Сефевидского) государства в первой четверти XVI века. Данное сражение закончилось поражением объединенного войска и смертью его предводителя Абу-л-Хайр-хана, сына знаменитого казахского правителя Касым-хана[1-4].

Эти сочинения, посвященные истории династии Сефевидов, жизни и деятельности основателя Сефевидского государства шаха Исмаила I, известны под различными названиями, данными переписчиками

сочинения и исследователями: *Тарих-и Шāх Исмā'йл*, *Тарих-и шāх Исмā'йл Сафави*, *'Аламара-йи шāх Исмā'йл*, *Тарих-и 'аламара-йи шāх Исмā'йл*, *'Аламара-йи Сафави*, *Тарих-и Сафави*. Их рукописи хранятся в различных библиотеках Ирана – Национальной библиотеке и музее «Малек», Библиотеке Маджлиса (Парламента) ИРИ, Библиотеке мадресе «Сипахсалар», часть рукописей находится в руках коллекционеров [5]. Некоторые из них нами обнаружены в указанных библиотеках, были сделаны выборочные копии и переданы в Республиканский информационный центр по изучению архивных материалов при Институте востоковедения имени Р.Б. Сулейменова [6].

Все эти исторические источники описывают одни и те же события, но различаются друг от друга формой повествования, полнотой сведений и т.п. Можно предположить, что в основе всех их лежит один первоисточник. Им, по нашему мнению, может быть *Та'рīх-и шāх Исмā'йл Сафави* анонимного историка XVI века, единственная рукопись которого хранится в Британской библиотеке Великобритании (307 листов с 21 миниатюрой) [Подробнее см.: 1-2]².

Во время нашей последней научной командировки в Исламскую Республику Иран, осуществленной в рамках исполнения решений расширенного заседания МВРГ по изучению Национальной истории, нам удалось ознакомиться с еще одной подобной рукописью под названием *'Аламара-йи шāх Исмā'йл*, хранящейся в музее знаменитого средневекового художника Реза Аббаси под инв. №600 (ИРИ, Тегеран, Музей Реза Аббаси).

Данная рукопись *'Аламара-йи шāх Исмā'йл* (XVII век, автор неизвестен, почерк - насталик) представляет значительный интерес своими миниатюрами, которые выполнены известным учеником Реза Аббаси художником Му'йн Мусаввиром (معین_مصور).

У иранского ученого Асгар Мунтазар Сахиба имеется интересное сообщение об одной рукописи под названием *'Алам-āрā-йи шāх Ис-мā'йл*. Он пишет: «Г-н Насрулла Фалсафи пользовался упомянутой рукописью при написании собственных сочинений. Он описал ее в списке источников первого тома «Жизнеописания шаха Аббаса Первого» так: «*'Алам-āрā-йи шāх Исмā'йл*– рукопись, написанная очень изящным почерком и украшенная миниатюрами работы г-на Муина; Она была закончена в месяце раби' ал-аввал 1010 г.л.х., соответствующего пятнадцатому году правления шаха Аббаса I. Она находится в библиотеке г-на Вахид-ал-Мулка Шибани» [7, ص.22].

Если предположить, что находящаяся в данном музее рукопись *'Аламара-йи шāх Исмā'йл* и упоминаемая Асгар Мунтазар Сахибом рукопись *'Аламара-йи шāх Исмā'йл* идентичны, то музейный экспонат должен датироваться сентябрем 1601 года. В этом случае, она

является наиболее ранней из всех известных рукописей, хранящихся в библиотеках Ирана. Однако датировка рукописи иранским исследователем и его указание, что автором миниатюры был Муин (под этим именем из художников Сефевидского периода известен только представитель Исфаханской школы миниатюры Му'їн Мусаввир) противоречат друг другу. Хотя точные годы жизни Му'їн Мусаввира не известны, предполагается, что он родился в 1026 г.х. / 1617 году [8; 9], поэтому он не мог в 1601 году иллюстрировать данную рукопись.

В хранящейся в Музее рукописи *'Аламара-йи шāх Исма'їл* имеются 19 миниатюр с изображением различных сцен наиболее значительных событий из жизни шаха Исмаила I. К сожалению, не все миниатюры сфотографированы работниками музея. Не сканирована и сама рукопись.

Благодаря содействию консульства Республики Казахстан в Исламской Республике Иран³ и доброжелательного отношения руководства и сотрудников Музея нам удалось получить копии всех имеющихся у них миниатюр из рукописи, всего 9 фотокопии.

Одна из этих миниатюр представляет для истории Казахстана наибольший интерес. В ней изображена сцена Джайхунского сражения между Абу-л-Хайр-ханом и шахом Исма'їлом, момент отступления казахов и узбеков под ударами кызылбашей (они на рисунке в красных шапках) и гибели Абу-л-Хайр-хана. В центре композиции находятся Абу-л-Хайр-хан и шах Исма'їл. Имена противников написаны на полах одежд. В миниатюре Абу-л-Хайр-хан изображен зрелым мужчиной в возрасте 30-40 лет, с короткой бородкой и усами.

Миниатюра Му'їна Мусаввара с изображением казахского хана Абу-л-Хайра Касымулы является на данный момент самым ранним и единственным художественным изображением представителя казахской правящей элиты XV-XVII веков. Несмотря на то, что миниатюра была выполнена спустя 100-150 лет после событий описываемых в сочинении, она отражает представления иранцев и самого Му'їна Мусаввара о казахах.

Следует также отметить, что в литературе Ирана фигурирует еще одна миниатюра с изображением данной сцены смерти Абу-л-Хайр-хана.

Считается, что здесь изображено сражение шаха Исмаила и Мухаммада Шейбани-хана (Мервское сражение)[10]. Данная атрибуция не верна, так как в миниатюре четко читается имя Абу-л-Хайра на полах его одежды. Также в рукописи Музея Реза Аббаси имеется миниатюра с изображением Мухаммеда Шейбани-хана. Художник изобразил узбекского правителя как человека в возрасте.

Вероятно, это сцена из Мервского сражения 1510 года, но она не представлена столь масштабно как в настенной росписи дворца «Челсетун» в Исфохане, которая также относится к XVII веку.

Сличение двух миниатюр с изображением Абу-л-Хайр-хана показало наличие в них небольших, но существенных различий. Так, например, во второй миниатюре четко отражено участие в данной сражении, как сообщают и источники, трех войск – казахского, узбекского и кызылбашского, которые заметно отличаются одеждой. Имеется отличие в цветовой гамме миниатюр. К сожалению, выявить источник второй миниатюры не удалось, хотя в литературе указывается, что она принадлежит перу Му'йна Мусаввара и взята из рукописи *Тарих-и 'аламара-йи шāх Исма'йл*. Не смогли помочь нам выявить источник миниатюры и работники музея. Можно предположить, это еще один вариант миниатюры, возможно выполненный Му'йн Мусавваром, но в наличие двух очень схожих миниатюр в одной рукописи маловероятно. Для детального изучения находящейся в экспозиционном зале рукописи требовалось получение специального разрешения от государственных органов Ирана и соответственно некоторое время, которым мы, к сожалению, не располагали. Сотрудники музея с пониманием отнеслись к нашей просьбе и пообещали поделиться со всей информацией, которой они будут располагать, об интересующей нас миниатюре.

Представляют интерес и другие миниатюры из рукописи, в том числе изображения не батального характера. Все они требуют специального исследования. Следует изучить также Лондонскую рукопись *Та'рих-и шāх Исма'йл Сафави*, возможно, среди 21 миниатюр имеется и миниатюра с изображением Абу-л-Хайр-хана. К сожалению, научная работа в Великобритании требует значительных финансовых расходов.

В целом, можно констатировать тот факт, что благодаря решениям расширенного заседания МВРГ по изучению Национальной истории, прошедшим 5 июня 2013 года под председательством экс-госсекретаря М.М. Тажина, отечественная историческая наука получила огромный импульс к развитию. За короткий промежуток времени проделана значительная исследовательская работа, в том числе и за рубежом. собраны большое количество исторических материалов и артефактов, которые должны способствовать расширению горизонтов национальной истории Казахстана. Уже сегодня можно говорить, что имеются новые, неизвестные ранее материалы по ранней истории казахского народа, которые ждут своего изучения. К их числу относятся и выявленные нами исторические артефакты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атыгаев Н.А.* Участие казахов в борьбе узбеков с Сефевидским (Кызылбашским) государством в первой половине XVI в. / Отан тарихы. 2002, № 2.– С. 114-121;
2. *Атыгаев Н.А.* Проблема взаимоотношений Казахского ханства и Сефевидского (кызылбашского) государства в XVI веке / Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кыпчака в XIII – XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. – А., 2004.– С. 233 – 255;
3. *Атыгаев Н.А., Джандосова З.А.* Новый источник по истории Казахстана XVI века: предварительные результаты изучения ‘Ālam-ā-rā-йи Шāх Исмā‘ūl // Отан тарихы-Отечественная история. 2013. №2. – С. 73-84;
4. *Атыгаев Н.А., З.А. Джандосова.* Поход Абу-л-Хайра, сына Кāсимхана, против Сефевидов (по данным ‘Ālam-ā-rā-йи Шāх Исмā‘ūl) // Отан тарихы. №2. 2014. – С. 5-13.
5. *Атыгаев Н.А.* О некоторых источниках по истории Казахского ханства, хранящихся в библиотеках Исламской Республики Иран // «Қазақстаннң тарих ғылымының өзекті мәселелері мен даму болашағы» атты ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор М.-А.Х. Асылбектің 85 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Алматы: 2014. – 484 б. – С. 193-198;
6. *Атыгаев Н.А., Джандосова З.А.* Отчет о работе в библиотеках Исламской Республики Иран // Отан тарихы. №1. 2014. – С. 199-202;
7. *Ālam-ā-rā-йи Шāх Исмā‘ūl*, Тегеран, 1384/2005. – Предисловие.С. 22 (Перевод к.и.н. З.А. Джандосовой);
8. رضا عباسی و معین مصور دو هنرمند دوران صفوی، مجله هنرهای تجسمی، شماره ۲۰، زمستان ۱۳۸۲، به قلم دکتر مهناز شایسته فر
9. Об его творчестве см. также: *Адамова А.Т.* Персидская живопись и рисунок XV - XIX веков в собрании Эрмитажа. ... Каталог выставки на русском и английском языках – СПб.: Славия, 1996. – 376 с. – С. 30;
10. <http://www.asia.si.edu/collections/zoom/F2000.3.jpg>

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Работа выполнена в рамках программ грантового финансирования ГФ-0074, ГФ-0354.
2. К сожалению, неоднократные наши попытки получить копию данной рукописи пока не увенчались успехом.
3. Выражаем огромную благодарность консулу Республики Казахстан в Исламской Республике Иран Бекмурату Хайдарову и работникам Музея Реза Аббаси за оказанное содействие нашей работе.

ON SOME INTERESTING MINIATURE IN MANUSCRIPT OF THE SAFAVID PERIOD FROM THE REZA ABBASI MUSEUM (IRI, TEHRAN)

N.A. ATYGAYEV

Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov

In this paper the author pays his attention to some miniature from the anonymous Persian-language work ‘Alam- ara-I Shakh Ismail’ devoted to the life and activity of the 2founder of Safavid state in Iran and Transcaucasia, the Shakh Ismail I. This work is stored in the Islamic Republic of Iran, in the Museum of Reza Abbasi, an outstanding artist (painter) of the Safavid period. The miniature of MuinMussavar (XVII century), one of the famous followers of Reza Abbasi, is of interest for the history of Kazakhstan of the XVI century. In this miniature there shown the scene of battle between the joint Kazakh-Uzbek army (headed by Abu-l-Khair, the son of the Kazakh ruler Kassym-Khan) and the troops of Safavid Ismail-Shakh I. The battle which took place in 1513 in the area of the Amudarya River (mentioned as Jeikhun in the source), ended with the defeat of the joint Kazakh-Uzbek army and the death of its leader Abu-l-Khair-Khan.

Keywords: Kazakhs, Iran, Kazakhstan, Safavids, written sources, miniature, Kazakh Khanate, Kazakh statehood, Kassym-Khan, Ismail-Shakh, Uzbeks.

РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ТАДЖИКИСТАНА В ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ

Р.МУКИМОВ

Доктор архитектуры, профессор, главный научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
Академии наук Республики Таджикистан,
г. Душанбе, проспект Рудаки, 33
Тел.: (+997 37) 907 77 18 02

Статья посвящена развитию архитектуры и градостроительства Таджикистана в период 1991-2015 гг. Приводится поиск в архитектуре Таджикистана собственного пути развития на примере города Душанбе, отмечаются характерные особенности различных периодов развития архитектуры в годы советской государственности в Таджикистане и после обретения в 1991 году независимости.

Ключевые слова: архитектура и градостроительство Таджикистана, регионализм, национальное зодчество, своеобразие и национальный колорит, преемственность традиций, стилевое единство.

Процесс определения путей дальнейшего развития архитектуры в Таджикистане и в других странах Содружества начался ещё с середины 80-х годов прошлого столетия, активизировавшись с момента обретения суверенитета бывшими союзными республиками Средней Азии и Казахстана. Гражданская война и преодоление ее последствий заняло почти первое десятилетие независимости Республики Таджикистан. Поэтому в целом здесь поиск собственного развития архитектуры несколько задержался и только восстановление мира и согласия в республике дали новый импульс поиску собственных корней, толчок, как научным и творческим исследованиям, так и появлению новых, иногда новаторских проектных решений, осуществление некоторых из которых позволяет дать им предварительную оценку и критически проанализировать характерные черты динамически развивающейся архитектурно-художественной деятельности.

Наиболее яркими приметами времени в архитектуре и градостроительстве Республики Таджикистан стал поиск стилевого направления в архитектуре, где ключевое значение приобретает регионализм, чему способствовали современные процессы восстановления, которые придали особую актуальность проблеме отождествления региональных признаков архитектуры Таджикистана через обращение к традициям. Здесь исследователи выделяют два основных способа включе-

ния региональных традиций в современной архитектуре республики: формальное использование внешних признаков объектов (орнамент, стрельчатые арки, купола); глубинное осознание композиционно-пространственных закономерностей формо – и средообразования (пространственные приемы защиты от перегрева, ветра, пыли, обводнение, озеленение).

В разные периоды развития советской архитектуры было несколько волн интереса к национальному своеобразию архитектур союзных республик. Развитие этого процесса применительно к опыту республик Средней Азии и Казахстана наиболее комплексно рассмотрено в труде Ш.Аскарлова, который выделяет 5 этапов «ориентализации» в дореволюционной и советской практике проектирования: первый этап (вторая половина XIX-начало XX вв.) – «узнавание» новых форм первыми русскими архитекторами и инженерами, прибывшими работать в Средней Азии после включения региона в состав Российской империи; второй этап (1920-е годы) – процесс национального самоопределения республик Средней Азии и зарождение направления, получившего название «национальная архитектура»; третий этап (1930-е – 1950-е годы) – соединение классической архитектуры и местного наследия; четвертый этап (вторая половина XX века) – внедрение методов сборного строительства, интерес к наследию, научные исследования (археология, история архитектуры); пятый, современный, этап (с 1990-х до настоящего времени) – распад СССР и обретение республиками Средней Азии и Казахстаном независимости, пересмотр архитектурной эстетики, выявление местной образности[1].

В архитектуре значительных объектов в стиле «национального своеобразия» 1920-х, 1940-1950-х, 1970-1980-х гг. выявлялась связь с наследием путем использования ассоциативных приемов, позволяющих воспринимать здание как бесспорно новое, но не выпадающее из непрерывного ряда целостного исторического развития зодчества. В архитектуре советского Таджикистана наиболее ярко «национальная» тема проявилась в жилых и общественных зданиях во второй половине 1940-х-1950-х гг. Из-за малого количества архитектурных памятников в городах, отсутствия соответствующей науки, несистематизированности специфического наследия, в Таджикистане первой половины XX века представления о региональном своеобразии архитектуры строились, в основном, вокруг образа исламской архитектурно-художественной символики (арка, свод, купол, решетка-панджара и т.п.) и орнаментальных мотивов. Несмотря на последующую критику за перегруженность архитектурными деталями в виде стрельчатых арок, декоративных колонн, накладных орнаментальных элементов, в настоящее время эти здания и сооружения являются частью культур-

ного образа городов Таджикистана (например, Душанбе, Худжанда, Исфары, Канибадама).

1970-1980-е гг. исследователи признают периодом нового осознания региональных особенностей (на тот период декларируемых как национальные), которые особенно ярко проявились в архитектуре крупных общественных зданий в республиках Закавказья и Средней Азии. Однако в большинстве случаев архитектура этих республик развивалась по пути иллюстративного регионализма: основным средством стала имитация национальной орнаментики в рисунках железобетонных солнцезащитных решеток на фасадах зданий различного назначения. Несмотря на упрощенность подхода к выявлению национальных (региональных) качеств, архитектура Таджикистана, в частности Душанбе, в то время достигла большого прогресса в выразительности художественного языка, особенно в репрезентативных сооружениях (Дом политического просвещения, гостиницы «Таджикистан», «Октябрьская», цирк, Киноконцертный комплекс «Борбад», Дом быта «Садбарг» и др.). Эти объекты стали своеобразным мостом между универсальной для любой страны мира (так называемой интернациональной) архитектурой и региональной таджикской. Не имеющие прямых аналогий с национальной таджикской архитектурой, эти сооружения задали направление творческого поиска для зарождающегося профессионального зодчества республики.

В Таджикистане, как реакция на обретение республикой суверенитета, в архитектуре общественных, мемориально-культурных зданий 1990-х гг. широко использовались псевдонациональные элементы и формы без глубокого проникновения в суть региональной архитектуры. Наряду с Таджикистаном, поиски региональных концепций пространства и формы в настоящее время происходят и в архитектуре Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана.

В конце 1980-х годов, опираясь на результаты комплексных исследований зарубежных ученых, узбекский архитектор Ш.Аскарлов впервые на современном уровне поднял вопросы регионального аспекта развития архитектуры применительно к республикам советской Средней Азии, добавив к широко разработанным к тому времени понятиям национального и интернационального понятие регионального. Расширив понятие региональности за пределы простого копирования форм архитектурного наследия, Ш.Аскарлов рассматривал явление регионализации как процесс, в состав которого входит сложение региональных концепций своеобразия архитектуры, развитие морфологии региональных городов, эволюция типологий их пространств и принципы сценарности последних.

Большой научно-практический интерес представляет разработан-

ная кыргызским архитектором Д.Омуралиевым методологическая платформа этнокультурного направления (этноархитектуры), синтезирующая ценности исторического наследия кыргызского народа и достижения современной теории архитектуры. В идейно-теоретический базис этноархитектуры Д.Омуралиевым включены: философско-культурологические учения; мифорелигиозные, космологические, художественно-эстетические и другие представления этноса, отраженные в национальном языке, народных обрядах, предметах быта; этническая концепция пространств и формы, семантики, художественного образа и т.п.; исторические формообразующие принципы национальной архитектуры, закрепленные в образцах (юрта, кумбез, коргон, кыргызайыл и т.п.); идея поэтапного возрождения национальной архитектуры на основе научного изучения номадизма и всей истории национальной архитектуры, их творческая интерпретация, синтез достижений концепций «регионализма»; экспериментальные поиски отдельных архитекторов и теоретиков, работающих в этнокультурном направлении и др.[2].

В.Л.Ворониной, В.Г.Веселовским, М.Х.Мамадназаровым, Р.С.Мукимовым, С.М.Мамаджановой была разработана необходимая для обеспечения региональной концепции научная база истории архитектуры Таджикистана, выявлены закономерности ее развития и формообразования, стилевые характеристики зодчества разных эпох[3].

В исследованиях Г.С.Абдрасиловой на основе анализа эволюции процесса регионализма в архитектуре разных периодов и разных стран, этапов регионализма в архитектуре Казахстана, дано определение региональной архитектуры и градостроительства[4].

Региональная архитектура и градостроительство – это система материальных объектов, обладающая совокупностью устойчивых черт, которые сформировались в результате освоения определенной природно-географической среды, соответствующего ей хозяйственного уклада, исторических условий и народных традиций. Региональность в архитектуре не ограничивается архаичными формами и методами строительства. Новые материалы и технологии вносят коррективы и диктуют свои условия. Современная архитектура Таджикистана требует новых форм, новой эстетики пространства на основе сохранения достижений предыдущих эпох и осмысления региональных особенностей. Современная архитектура Таджикистана – не изолированное явление: она развивается во взаимодействии с культурами соседних стран, происходит интеграция в мировые процессы, в практику освоения среды внедряются новые архитектурно-градостроительные теории и современные технологии.

Региональные признаки архитектурно-пространственной среды в

условиях современного Таджикистана формируются, помимо прочего, в результате согласованного действия факторов, обусловленных профессиональной деятельностью специалистов: градостроительного регулирования среды обитания на принципах устойчивого развития; архитектурного формообразования; научных исследований проблем архитектурного наследия и подготовки специалистов в соответствии с методикой регионального проектирования; учета мнения населения в процессе формирования архитектурно-пространственной среды.

Проблемы регионализма вызывают повышенный научный и практический интерес в условиях современной глобализации, обострившей противоречивость мира и запустившей механизмы идентификации в разных сферах, в частности, архитектуре, градостроительстве и монументальном искусстве.

Как известно, сопредельные постсоветские страны Центральной Азии в недалеком историческом прошлом составляли в целом единую среду жизнедеятельности родственных народностей и племен – это Хорасан, Мавераннахр, Семиречье (Хафтруд) и др. Близкие природно-климатические условия, этнокультурные традиции, историко-культурные события, религиозные воззрения, длительный совместный процесс эволюции выработали определенные близкие черты региональной архитектуры, которые видны в древних памятниках региона, а затем и сооружениях советского и постсоветского периодов развития самостоятельных республик бывшего СССР. Поэтому понятно, что архитектурное наследие Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана рассматривалось в контексте общей культуры республик Средней Азии без учета местных особенностей. Права исследователь казахской архитектуры и градостроительства Г.С.Абдрасилова, говоря о том, что процесс регулирования должен быть сквозным через все уровни среды обитания: регион – город – жилой район – жилой двор. Очень важно при этом, как считает ученый, учесть универсальность общих и своеобразие локальных приемов; необходима корректировка методики архитектурного проектирования с учетом особенностей региона, общинных взаимоотношений и структуры семьи, изучение и внедрение в практику местных строительных приемов и традиций градостроительства. Внедрение регионального подхода в архитектуре и градостроительстве возможно с учетом особенностей их современного состояния: недостаточная исследованность региональных признаков архитектуры и градостроительства; исключение региональных традиций архитектуры и строительства из современной практики; отсутствие научно обоснованного комплекса мер по созданию благоприятной среды обитания на всех таксономических «этажах» (макро-, мезо- и микроуровне); пренебре-

жение вопросами «философии места», культурными традициями, пространственными предпочтениями местного населения при проектировании объектов архитектуры и градостроительства в регионе; неразработанность вопросов применения местных строительных материалов и др.

Современная архитектура Таджикистана в условиях его независимости стала обеспечивать преемственное развитие зодчества. Несмотря на сложности переходного периода (1991-1998 гг.), начало XXI века в таджикском государстве ознаменовалось, как и во всем мире, активным развитием не только глобализационных, но и региональных тенденций. Регионализм в архитектуре невозможен без глубины исторической памяти, изучения и возрождения наследия.

В данном случае нами под регионом подразумевается территория, занятая Средним (Центральная Азия), Передним (Иран) и Ближним Востоком (в основном, арабскими странами), имеющая не только единое конфессиональное пространство (исламский мир), но также эколого-ландшафтные условия (жаркий сухой климат, сочетание горно-предгорного и пустынно-степного ландшафтов, повсеместное распространение лессовых грунтов и др.). Во всем этом регионе, занятым различными народами, можно выделить общую проблему современной архитектуры – это отношение к традициям прошлого.

Архитектура Новейшего времени, т.е. после обретения суверенитета Республикой Таджикистан в 1991 году и до начала XXI столетия, хотя и не имеет наглядных объектов, судя по проектам местных архитекторов, направлена на поиск однообразных черт национального зодчества. Строящиеся относительно небольшие здания офисов, коммерческих магазинов и усадеб-вилл частных домовладельцев несут черты эклектики, пестрой смеси европейских архитектурно-декоративных приемов и форм при интенсивном использовании импортных строительных и отделочных материалов (пластмассовых профилей, металлокерамических черепиц и покрытий, зеркальных стекол и т.п.). В основном, образ этих зданий, богатых многоэтажных жилищ-коттеджей формируется в соответствии со вкусом заказчиков без какого-либо общественного и профессионального обсуждения. Несомненно, это явление новое, но временное. Архитектурный облик таджикского государства должен диктовать архитектурные сооружения и комплексы, организующие крупные площади и градостроительные узлы. А они пока находятся в проектах, проходя апробацию в государственных органах и общественных творческих организациях. Примером такого сооружения, который начал определять центр города Душанбе, является Дворец нации, т.е. комплекс правительственных сооружений

в столице республики, проект которого разработан группой архитекторов Творческих научно-производственных мастерских Академии архитектуры и строительства Таджикистана под руководством Б.А.Зухурдинова. Осуществленный строительством в 2006 году, он характеризует сущность поиска современными таджикскими зодчими путей развития национального зодчества в начале XXI века. Действительно, Дворец нации Республики Таджикистан вобрал в себя лучшие архитектурно-художественные традиции дворцов Востока и Запада, отличающиеся четкостью функционального зонирования, симметричностью плановой композиции, наличием малых и больших приемных залов, музеев, библиотек и других помещений.

В основе объемно-пространственной композиции Дворца нации лежит прямоугольный параллелепипед высотой в три этажа, где выделяется центральное ядро в виде трехцветного атриума, над которым под золоченым куполом устроен большой круглый зал на 300 мест. Купол этот, функционально выполняя перекрытие зала, является доминантой всего комплекса, символизирующей небесный свод мироздания, под покровом которого находятся таджики. В целом, в архитектурно-художественном облике Дворца нации претворена идея единства традиций Востока и Запада (образно-ассоциативные традиции строго центрических торжественных венецианских дворцовых сооружений XVI века в сочетании с формами и деталями восточной, исламской дворцовой архитектуры XIV-XV вв.), а также их преемственность. Поэтому в облике Дворца нации Республики Таджикистан можно зрительно ощутить черты своей культуры, что ещё раз подчеркивает миролюбивость таджикского народа, которому близка культура дружественных народов и стран. Вместе с тем, применение колонных композиций и ордерной системы придают требуемую монументальность облику официальной резиденции главы таджикского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскарлов Ш.Д. Регион-пространство-город. М., Стройиздат, 1988.
2. Омуралиев Д., Курманалиев К. Современная этноархитектура Кыргызстана (истоки, объекты, тенденции). – Бишкек: Изд. «Алабакан-Кеп», 2003. – 1870 с., ил.
3. Воронина В.Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. – М.: Госстройиздат, 1959; Веселовский В.Г. Архитектура и градостроительство Таджикистана // Архитектура СССР. – 1977. – М. – № 11; Мамадназаров М. Х. Региональные особенности памирского

- народного жилища / Известия АН Таджикской ССР. Отд. Общ. Наук. – Душанбе. – 1977. – № 3; Мукимов Р., Мамаджанова С. Зодчество Таджикистана. – Душанбе: Изд. «Маориф», 1990; Мамаджанова С.М. Традиции и современность в архитектуре Таджикистана. – Душанбе: Изд. «Мерос», 1993; и др.
4. Абдрасилова Г.С. Тенденции развития региональной архитектуры и градостроительства Казахстана. – Автореф. дисс...докт. архитектуры. – Алматы: КазГАСА, 2010.

ARCHITECTURE AND URBAN PLANNING DEVELOPMENT OF TAJIKISTAN IN THE YEARS OF INDEPENDENCE

R.S.MUKIMOV

Doctor of Architecture, Professor, Chief Researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography named after Ahmad Donish of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan,
Dushanbe, Rudakiavenue, 33
Tel .: (+997 37) 907 77 18 02

The article is devoted to the development of architecture and urban planning in Tajikistan for the period of 1991-2015. It gives a search of own way of development in the architecture of Tajikistan on the example of Dushanbe city, notes characteristic features of different periods of the architectural development in the years of the Soviet state in Tajikistan and after gaining independence in 1991.

ПЛОВ – НАЦИОНАЛЬНОЕ БЛЮДО ТАДЖИКОВ

М.ШОВАЛИЕВА

научный сотрудник отдела этнографии Института истории,
археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук РТ.

Республика Таджикистан,
г.Душанбе. пр. Рудаки, 33. Телефон: 2213742

Исследование истории плова показало, что это блюдо появилось в среднеазиатской среде. Здесь культивировались сорта риса «лунда» и «дайвира» («девзира») – «божественный», из которых можно было приготовить плов. Лингвистический анализ компонентов плова – бириндж – рис, равган-масло, пиез-лук, гушт-мясо, зардак или сабзи – морковь, зира-тмин, нахуд-горох показывает, что все эти понятия являются таджикскими. Названия инструментов для приготовления плова: кафгир, тахтаи сабзирезакунак, ошдамкунак и т.д., а также две стадии его приготовления: зирбак, обруган, хомдам, пухтадам по названиям являются также таджикскими.

Таджикский плов отличается от иранского, тюркского и индийского пловов. Плов – оши палов или Музаффар-палов – всемирно известное блюдо и должно афишироваться как таджикское национальное блюдо.

Ключевые слова: национальное блюдо, палов, сорта риса, лингвистический анализ, стадии приготовления, терминология.

Плов является блюдом народов Средней Азии, особенно таджиков и узбеков. Оба народа называют его своим национальным блюдом.¹ Таджикские поэты посвятили ему немало строк, которые свидетельствуют о популярности этого блюда в национальной кухне. Таджикский поэт XIV в. Абуисхак Аътима написал специальный дастан – поэму о том, как плов стал царем блюд. Он писал:

*Ҳеч неъмат чун биринчи зард нест,
Ҳеч шарбат ҳамчу оби сард нест.*

или

*Зи ҳар неъмат, ки бар хон офаридан,
Биринчи зард² султон офаридан.
Чу хотун Музаффар³ сартиҳи буд,
Зи баҳраиш мазҳари нон офаридан.*

Савдо, поэт XIX в., так говорил о плове:

*Ёди он шаб, ки палов хилвати дилу оин кард,
Нони гарм омаду рухсораи худ рангин кард.*

Поэт утверждал, что, когда он поест досыта плова, то забывает обо всем, даже о своем веровании.

*Умри бо он кина дидааст палов дар хона,
Ҳаст дар пеши вай авсофи палав афсона.*

Тот, кто не ел настоящий плов не поймет, почему об этом блюде ценители говорят так восторженно.

Несколько слов об истории плова.⁴ Как известно, рис появился в Индии несколько тысячелетий тому назад, откуда распространился на другие части Азиатского континента. В связи с тем, что во II тыс. до н.э. Индия была завоевана арийцами, культура риса очень рано попала к восточным иранцам (бактрийцам, согдийцам, маргианцам). Эти народы с древнейших времен занимались земледелием, и рис, как влаголюбивое растение, мог прижиться и в сельском хозяйстве предков таджиков. Однако письменных данных об этом нет. Археологические находки в Мерве и данные китайских источников о рисоводстве в Парфии относятся к парфянскому периоду, то есть ко II в. до н.э. Нет сомнения, что с появлением риса появились блюда из этого зерна. Рис растет в воде в специально для него подготовленных мелких искусственных водоемах, которые по-таджикски называются «*палоб*». Возможно, слово палов происходит от «палоба». Вода в древнем таджикском языке называлась «*ов*», и сегодня горные таджики: дарвазцы, кулябцы и другие вместо слова «об» – говорят «ов».

У риса есть шкурка, которая называется «*шоли*». Слово «*шоли*» происходит от таджикского слова «*шола*», то есть тонкая соломенная шкурка. Само слово «*палов*» в источниках появляется в XIV в., однако и до этого упоминаются блюда из риса. Так, в Хв. Абуали ибн Сино называет рис и густые каши из риса хорошим, очень полезным для больных желудочным расстройством и тощих людей блюдом.⁵ Абумансур Муваффах в своей книге «Хакоик-уладвид» о рисе (гурунч) пишет также как о калорийной пище для людей, которые страдают расстройством желудка. Из этого следует, что блюда типа ширбиринч – каша рисовая, шавля и плов (палов) существовали в IX-Xвв., а возможно и раньше у таджиков.

В частности, в книге «Сурат ва сирати ибн Сино» («Рассказы об Абуали ибн Сино») говорится, что однажды он, Авиценна, встретил табиба, который говорил с больной женщиной, заболевшей от мург-палава – плова из курицы.⁶ Однако неизвестно, легенда ли это и когда сочинена.

Посол Испании в Самарканде де Клавихо, побывавший на приеме Темура (1403-1406гг.) сообщал о том, что среди многочисленных блюд было много жареной конины, варенной и жареной баранины, солений, а также много риса, приготовленного по обычаю разными

способами.⁷ Нет сомнения, что среди рисовых блюд были различные сорта плова: ширбиринч, шула – биринчкаля⁸ и другие.

В книге «Узбекский плов» К.Махмудов пишет, что «название блюда «палов ош» состоит из начальных букв всех продуктов, входящих в его состав: П – пиез-лук, А – аез-морковь, Л – лахм-мясо, О – оливо-жир, В – вет-соль, О – об-вода и Ш – шалы-рис.⁹

Это толкование – предположение автора, а не научное доказательство того, что плов является узбекским блюдом. Надо отметить, что плов распространен среди многих народов Центрального и Ближнего Востока, а также Кавказа. Для того, чтобы выяснить, какой народ является родоначальником этого блюда, обратимся к некоторым материалам. В книге «Этнография питания народов Зарубежной Азии» говорится о том, с каким большим почтением народы Передней Азии относятся к рису.¹⁰ Считается, что на каждом зерне риса написано «он бог» и поэтому, не следует бросать рис под ноги. Рис является здесь самым любимым продуктом питания и используется для приготовления праздничных блюд. Отварной рис подают с различными поджарками – рыбными, мясными, овощными, чаще в виде «*хораиш*». Слово «*хораиш*» – правильно «*хуриш*» является таджикско-персидским и происходит от слова «*хурдан*» – кушать.

Блюдо из риса – «*палав*» (палов) – смешанное блюдо, в зависимости от того, варится рис вместе с поджаркой или он подается отдельно.¹¹

У курдов существует два варианта приготовления плова (*плау*). Первый – варка риса в заранее вскипяченной подсоленной воде, когда кипящую воду сливают, к процеженному рису добавляют разогретое на сковороде сливочное масло. Второй – варится рис, залитый холодной подсоленной водой с маслом. В рис добавляют пасту – соус из протертых помидоров и гранат. К плову, каким бы способом его не готовили, отдельно отваривают мясо и курицу, отдельно готовят также подливу с мясом, чесноком и луком.¹²

Совершенно справедливо мнение о том, что население Пакистана и Северной Индии познакомились с пловом, когда эти районы были завоеваны мусульманами Средней Азии. У них *пулао* (плов) – мясо, сваренное с рисом. Обычно здесь его приготавливают из баранины, но бывает плов куриный, рыбный, овощной, морковный и гороховый. Неизменным компонентом плова остается рис с различными специями и приправами. Есть способ приготовления плова, когда рис обжаривают в топленом или растительном масле, а затем тушат в мясном бульоне или в воде, заправив специями. Мясо или другие компоненты плова соединяются с рисом перед подачей на стол. Есть также *бирени* (слово «бирен» таджикско-персидское, означает «жарить») – более жирная разновидность плова. Главное его отличие от других разно-

видностей плова в том, что рис и мясо готовят вначале отдельно до полуготовности, затем укладывают слоями в котле и оставляют на огне до полной готовности. Перед подачей на стол в кушанье кладут орехи, кишмиш, поджаренный лук.¹³

Таким образом, очевидно, что слово «*плов*» во всех языках Центральной и Передней Азии употребляется как блюдо. Однако таджикский плов отличается от всех вышеназванных пловов. М.С. Бердыев (Туркмения) исследуя происхождение и распространение плова отмечает, что исторически сложились два принципиально различных типа плова, отличающихся по способу приготовления и соединения входящих в это блюдо продуктов. О первом было сказано ранее. Второй тип плова, который локализуется в Средней Азии, готовится путем последовательной закладки и тепловой обработки в одном котле масла, мяса, овощей, риса.¹⁴

Географию распространения такого приготовления описывал в середине 19 столетия венгерский путешественник А.Вамбери. Он пишет, что туркестанец всякого сословия ест каждый день плов, который, однако, не представляется, как в Персии и Турции, легким рисовым блюдом. Это смесь мяса и овощей. Вместо того, чтобы отваривать рис, зелень и мясо отдельно и использовать особым блюдом, они приготавливают все в одном сосуде и употребляют в виде сборного кушанья.¹⁵ А. Вамбери изучал ареал распространения плова и пришел к справедливому мнению, что это блюдо происходит из туранского региона, и оттуда оно перешло к афганцам, а от них, в свою очередь, оно попало к персам, называющим его «афганским пилавом»¹⁶. А.Вамбери также писал, что, «если я не ошибусь, то плов происходит из Средней Азии. Афганцы, к которым он перешел, прежде всего, называют это блюдо «эцбег». Приготовление этого кушанья переняли от афганцев персы и называли «кабули».¹⁷ Надо отметить, что таджикский среднеазиатский плов в Кабуле еще называли как «кобили бухори», т.е. распространителями современного кабульского плова были таджики из Бухары. Савдо упоминает о плове «кобили».¹⁸

Анализируя географию распространения плова и его смысловое значение, А. Вамбери писал, что «все-таки, очевидно, что последний слог в слове «пилов» персидский и значит вода, почему и должно полагать, что кушанье это иранского происхождения».¹⁹ Таким образом, венгерский исследователь правильно отмечал, что плов происходит не из Западного Ирана, а из Средней Азии – Восточного Ирана. Слово «плов» в его различных лингвистико – орфографических вариантах является словом таджикского происхождения.

С мнением А.Вамбери согласен М.С.Бердыев. Исследуя географию плова, он пишет, что, «учитывая четкое и устойчивое ареальное разгра-

ничество «откидных» и «неоткидных» типов плова, следует, видимо, говорить о двух центрах происхождения и первоначального «окультуривирования» плова. Это – Иран и Средняя Азия, точнее, Среднеазиатское междуречье. Что же касается этнических истоков плова, то его действительно надо искать в среде ираноязычных народов этого региона. Это может быть подтверждено следующими этническими и ареальными особенностями в традиции приготовления и потребления плова». ²⁰

А.Вамбери и М.С.Бердыев определили, что слово «палов» – таджикского происхождения. Название шумовки – *кафгир* /тадж./, *кангир* /узб./, *кенгир* /туркм./ – необходимого инвентаря для приготовления плова, также таджикское.

Первая стадия приготовления: мясоовощная заготовка – *зирбак* /тадж./, *зирвок* /узб./, вторая стадия, когда закладывается рис и заливается водой, – *обруган* /тадж./. Когда выкипает вода, начинается первая стадия выдержки блюда на пару – *хомдам* /тадж./, вторая стадия – *пухтадам* /тадж./, то есть весь процесс приготовления плова по своей терминологией является таджикским. М.С.Бердыев считает, что подобной терминологии нет у других народов Средней Азии. ²¹

Таким образом, сравнительно-исторический анализ приготовления и распространения плова позволяет заключить, что это блюдо появилось на почве древних кулинарных традиций ираноязычных народов Средней Азии. В ходе этнокультурных контактов оно распространилось по другим национальным кухням, в том числе и туркмен, тюрков, казахов, киргизов, каракалпаков, локаев и узбеков. Они переняли это блюдо у таджиков в процессе этнокультурных контактов.

М.С.Бердыев отмечает, что на окраинах среднеазиатского региона (Южная и Западная Туркмения, Южный Казахстан, Северная Киргизия) вплоть до последних десятилетий основная масса населения готовила плов очень редко и, как правило, со значительными отклонениями от традиционной рецептуры. В Южной, Юго – Восточной и Западной Туркмении до сих пор значительное число женщин, особенно пожилых, не умеют готовить это блюдо, в то время как у таджиков и узбеков искусством приготовления плова владеют не только женщины, но и большая часть мужчин. ²²

В письменных источниках упоминаются несколько десятков сортов плова. Как известно, не все сорта риса используются для приготовления плова. Самым лучшим для плова сортом является «*девзира*», слово «*дев*» происходит от древнеиранского слова «*дайва*» – бог. Таким образом, слово «*девзира*» означает «*божественный рис*». Этот сорт риса – самый крупный и водоустойчивый. Сорт «*девзира*» и современный таджикский рис, который культивируется во многих районах Средней Азии, широко используется для приготовления плова. Судя по письменным источникам, плов обычно готовили на бараньем

жире – курдюке и бараньем мясе, на льняном масле – *загир*. Надо отметить, что в книге Абуисхока «Канз-ул-иштихо» плов назван «*биринчизард*» – «желтый рис». Это потому, что в плов добавляли *заффарон* – шафран и он, естественно, становился желтым. Плов с шафраном – является одним из его видов.

В словаре своей книги Абуисхок Аътима пишет, что «музаффар» – это название плова. Согласно преданиям, в то время плов был популярен в Ширазе и готовили его по особым рецептам ночью перед факелом, сохраняя рецепт в секрете.²³

В таджикском народном фольклоре имеется много строк о том, как все блюда собрались вместе и избрали плов царем. Например:

*Неъматҳо чамъ шуданд оширо бикарданд подшоҳ,
Ширбиринҷ қозикалону қурутуб худ додҳо.
Ялама шуд чебачӣ ширкаду мирзобошӣ,
Шуд фатири равганӣ дар байни онҳо туқсабот
(Из фольклора жителей Дарваза)*

Абуисхак Аътима написал специальную поэму (достон) о том, как плов стал царем блюд. Эта поэма называется «Война Музаффара с Бугро». Слово «*музаффар*» на русский язык переводится как «*победитель*», а «*бугро*» – это современное таджикское блюдо *угро* – лапша. Угро в таджикской, уйгурской и узбекской кухне является очень популярным блюдом. Существует много разновидностей этого блюда. Поэтому в поэме отражено сражение плова с бугро, которое претендует также на первое место. Поэма – достон состоит из 234 бейтов и 15 глав, написана в стиле «Шахнаме» Фирдоуси. Содержание поэмы начинается с высеивания риса в воде и глине, затем описывается как растёт рис, как его косят, обмачивают, ошкуривают и как появляется серебристое зерно. Оно просит Бога назначить его царем всех блюд за его мучения, которые испытывает в процессе производства,

*Дуъояш қабул омад аз обурӯй,
Дигар бора гашит обу қандаш ба хӯй.
Музаффар шуду тоҷ бар сар ниҳод,
Асоси ҳукумат чи дар хурд ниҳод.
Бараши оишҳо, ҷумла чамъ омаданд.
Чу парвона бар гирди шамъ омаданд.
Бидодану ҳар ош бо ҳам қарор,
Ки мо банда бошему ӯ шахриёр.
Яке мира аз баҳри ӯ сохтанд,
Мураббо чу тахте бипардохтанд.*

Вот все блюда собрались вокруг плова и согласились, чтобы он был царем, а они его подчиненными. Блюда из соков создали трон для плова, и он воссел на него, а остальные блюда расположились вокруг.

Музаффар бар он тахти мир нишаст,
 Камар ҳалкачи /лубиё/ баҳри хидмат бибаст.
 Калича /нон/ ба собуни /ҳалво / оростанд,
 Зи моқуту /навъи аз халво/ санбуса биоростанд.
 Наботаш бар сар қанде афшонданд,
 Гулобаши ба чаиму нон чехра пушониданд.
 Рухи қоқ /нони хушк/гаит дурахшон чу моҳ,
 Зи мушқу фаши буд бар сар кулоҳ.
 Зи алвон меда тибқи борвар,
 Зи амвоҳи шарбат кадаҳ по басар,
 Зару қарсу лиму набомаши заданд,
 Зи об луч кув ба бомаши заданд.
 Вазорат ба фарну /нашоиста/ полуда дод,
 Аморат ба моқуту осуда дод,
 Бигуфто халифа буд баъди ман.
 Биринчи сафед андар ин анҷуман .
 Забардаст чангол сарҳад сохт,
 Ки аз ҳайбаташи бунборо хон гудохт.
 Калиди хазина ба Гипо сунурд,
 Ки бар бадраи ширдон мешумурд.
 Ба шакар каши тарки Яхни бидошт,
 Ки ӯ доди қотил диҳад шому чаши.

В этом стихотворении автор отмечает два момента: украшение дастархана – стола и место плова в нем. Перед пловом до его появления на дастархане присутствуют лепешки, различные сладости, халва, самбуса, шербеты, фрукты, в том числе и лимон, а также – сахар, набат и др.

Когда плов воссел на трон, он распределил государственные должности между блюдами. Как известно, в каждом народе среди множества блюд есть любимые, популярные блюда, и каждое из них занимает свое место.

В фольклорное стихотворении, каждое блюдо имеет определенное место. Плов занимает царское кресло. Ширбиринч – козикалон (каша рисовая молочная) на втором месте. Абуисхак Атима называет **шир-биринч биринчисафед**. Биринчисафед объявлен заместителем плова. **Чанголи** объявлен его главнокомандующим. **Гипо** назначен главой казначейства, **Яхни** (холодец) – командиром. Все эти блюда в рационе таджиков до сих пор сохраняют важное значение.

В главе «Сбор налога у Багро» Абуисхак Атима говорит о том, что «Багро являлся правителем мучных изделий». Когда плов послал своего сборщика налогов к нему, Багро посчитал себя униженным и, собрав мучные блюда, выступил против плова.

Бар ӯ чушбара бишуд дамоч.
 Ки бистонад аз хони Багро хироч,
 Чу бишинид Багро ҳикоят зиём .
 Бихушид чу сарки аз он паём.
 Бигуфто: манам хони багрои корд.
 Маро лашкари ордина басе аст ,
 Ки имрӯз дар касам ҳар касе аст.
 Музаффар шуд аз тарс рӯй зард,
 Аз оташи асал дар даҳон доя кард.
 Магар каля боз истод зи ҳуш,
 Ки хоҳад илоҷ аз ман он зардгӯш.
 Хирочам буд ханҷару теги тез,
 Ки аз он чушбара буд дар гурез.
 Зару бини сиру зи гурзи газан,
 Кунам чумла гарболу зеру забар.
 Вагар зон ки гӯяд салоҳам камаст,
 Маро калияи қалъа басе махкам аст.

Из этих строк очевидно, что Багро не подчинился плову. Собрав большую армию мучных блюд, он приготовился вступить в бой против плова и его сторонников. Багро считает, что «плов каждый день не едят, а мучную пищу едят все ежедневно и в любом доме». Поэтому плов не имеет права требовать с Багро налога, так как в Хорасане он является главной пищей людей. Он унижает посла Музаффарпалова и отправляет его обратно ни с чем. Когда посланник плова пришел к царю и сообщил о непокорности Багро, царь сильно рассердился и послал по всем городам и селам послание о том, чтобы те собрали войска и выступили против непокорного Багро.

Музаффар чу аҳволи он беадаб,
 Шунид аз хабару шуд дар газаб.
 Чирик аз тамоми мамолик бихост ,
 Зи ҳар шаҳру шури оше бихост.
 Дар аввал сипаҳдараи омад Сумок,
 Бо илиор омад аз роҳи Ироқ.
 Зи ҳар кӯчаи Язд омад бадар ,
 Басе кардаи хонаги чун сипар.
 Аз шаҳр абар қувва Гипои чарб,
 Бар сари оши мавиз бо нордон.
 Чунон оши зира зи Кирмон биронд,
 Ки аз ӯ яғзи куфт боз монд.

Важность этого стихотворения заключается в том, что в нем говорится о географии отдельных блюд. Например, в Кирмоне славился зирапалов, в Язде – Гипо, мавизпалов. В отряде плова участниками

сражения являлись молочные блюда, различные каши, халва, сладости, шарбаты-сладкие напитки. Отряд Багро возглавил тутмоч, участниками сражения на его стороне были – калия манту, кислое молоко, бурони, калмоч (сухари), кочи, кашкзагора, сангреса, мохича, ришта, умоч и другие. Различные виды халвы, сахарный песок, фрукты, в том числе хурма, кукуруза участвовали в борьбе на стороне Багро.

В результате сражения победителем выходит плов. Отметим, что в сражении не участвовали мясные блюда, в том числе кебабы, шашлыки и т. п. Сихкабоб и кабобишоми вместе с лепешками (нон) выступали примирителями между пловом и Багро.

Поэма о Багро и Музаффар – палове была состязанием двух популярных блюд таджикского народа – плова и багро (угро). Существуют десятки сортов плова, а также багро. Однако в поэме описан плов Западного Ирана, где компонентов намного меньше, чем в плове Восточного Ирана (Средней Азии). В поэме основным компонентом плова названы рис, мясо, масло и шафран, в таджикском плове есть также и такие составные как лук репчатый, горох и морковь. Без моркови и лука плов не делается. Кроме того, в таджикском плове много специй (барбарис, чеснок, зира – тмин и другие ароматные травы).

Абуисхок Атима называет плов как шахриер-царь, Музаффар – победитель, султан-биринчизард, ошзира – плов с тминон (зира), ошимавиз – плов с кишмишом.

Мискин шикаме, ки бе музаффар бошад.

Ҳамчун ҳабаши дилам мақдар бошад,

Бар хонаи вай ҳарчи нон чун хӯр бошад.

Он нон чи кунад, ки бе музаффар бошад.

В книге Возеха приведены описания некоторых из разновидностей плова²⁴, в том числе нихолуболу палов, биренипалови буза, бирен палов дунба, паловибодинчондунба, бирёни палов, палов машбахан, гипо-халтапалов и др.

Здесь же даются рецепты более чем 20 видов плова. Однако полного и подробного рецепта приготовления плова нет. Из текста становится очевидным, что плов в XIX в. состоял из многих пищевых компонентов: моркови, лука, мяса, масла, гороха и самых различных приправ, таких как зира – тмин, анор-гранат, олича – вишня, олу – слива, зеленого винограда (неспелого), абрикоса, кислячки, соли и др. В плов, как и сейчас, добавляли изюм – черный, зеленый, серый, айву, яблоко, миндаль и т.д.

Очевидно, что плов средневекового периода в какой-то степени отличался от его современного вида. В современном плове, как и в плове древнего периода, основным компонентом является рис. Сорт риса, условия его хранения, влажность и другие его качества имеют боль-

шое значение для приготовления вкусного плова. В рецептуру многих пловов входят баранина, говядина, яйца, масло растительное, животные жиры. Все это, естественно, делает плов очень высококалорийным. Белковый состав многих видов плова может удовлетворить потребность организма человека.

Многие виды плова готовят из смеси растительных и животных жиров, что обеспечивает потребность организма в жирных кислотах. Богат минеральный и витаминный состав плова. Для его приготовления используют овощи – морковь, репу и другие; фрукты – айву, яблоки гранаты, изюм, а также зелень, приправы, специи. Ко многим видам этого блюда подают овощные салаты, фрукты и ягоды (зерна граната, заправленные вишней и т.п.).

Плов подразделяют по набору продуктов: плов из баранины, плов с айвой, плов с курицей, плов с изюмом и т.д. По способу приготовления существуют плов гиссарский, самаркандский, бухарский, ферганский и др. Из набора одних и тех же продуктов можно приготовить разные виды плова.

Данные письменных и этнографических источников свидетельствуют, что раньше существовало более 50-60 видов плова. В наши дни таджикские профессиональные повара могут изготавливать более 130 разновидностей плова.

В настоящее время таджики Гиссара, Гарма, Дарваза, Куляба и Вахша готовят плов с морковью оранжевого цвета – сабзиисурхча. Жители Самарканда, Бухары, Пенджикента и других районов Зеравшанской долины готовят плов с морковью желтого цвета – зардчома. Таджики Ура-Тюбе, Ходжента и Ферганской долины используют морковь обоих сортов.

Таким образом, можно констатировать:

- плов таджики готовили ещё начиная с X века, но как такового слова «палов» к рисовой пище, похожей на плов, не применялось;
- впервые упоминание слова «палов» мы находим в источнике XIУ века «Канз-ул-иштихо» Абуисхока Аьтима;
- плов готовили повсеместно в Передней и Центральной Азии, Турции, Афганистане, Иране и др.
- существует 2 разновидности плова: откидной и неоткидной;
- Центральноазиатский плов относится к неоткидному типу и готовится в одном котле;
- названия стадий приготовления плова, инструментов для приготовления пищи являются таджикскими;
- «палов» в Таджикистане является ритуально-престижным блюдом, без которого не обходится ни одна трапеза;
- согласно источнику XIXв. Кори Рахматуллоха Возехи Бухорои

«Кони лаззат ва хони неъмат» существовало 227-228 разновидностей плова.

– из этого же источника становится очевидным, что плов являлся блюдом многокомпонентным, то есть состоял из моркови, лука, мяса, масла, гороха и множества различных приправ, таких как зира – тмин, анор-гранат, олича – вишня, олу – слива, зеленого винограда (неспелого), абрикоса, кислячки, соли и др. В плов, как и сегодня, добавляли изюм – черный, зеленый, серый, айву, яблоки, миндаль и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ходжиев В. Пловы. Таджикская кухня. – Душанбе – 1989; Шаниязов К. О традиционной пище узбеков. // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. – Ташкент – 1972; Сборник рецептов таджикских национальных блюд и кулинарных изделий. – Душанбе – 1986; Махмудов К. Узбекский плов. – Ташкент – 1979; Люшкевич Ф.Д. Некоторые особенности пищи у таджико – язычного населения Бухарской и Кашка-Дарьинской областей / Новое в этнографических и антропологических исследованиях. – Ч.1 – М. – 1975.
2. Биринчи зард – плов с шафраном.
3. Музаффар – победитель /плов/.
4. Шовалиева М. «Аз таърихи оши палав – Из истории плова». – / «Хамроз». – сентябрь, 2002г. – №38(86).
5. Абу Али ибн Сино / Авиценна/. Канон врачебной науки. Кн.1- Ташкент – 1981; Абу Али ибн Сино. Трактат о гигиене. Избранные произведения. – Ташкент-1982.
6. Сурат ва сирати Ибни Сино./Сост. Алимардонов А., Додалишоев Д./ – Душанбе-1980, с.90.
7. Клавиho Руи Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Темура в Самарканд. – М. – 1990, с.114.
8. Биринчкаля – иногда подразумевается плов.
9. Махмудов К. Узбекский плов. – Ташкент. – 1979, с.9
10. Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор // Жилища народов Средней Азии и Казахстана. – М. – 1982.
11. Там же, с.25.
12. Там же, с.21.
13. Там же, с.54.
14. Бердиев М.С. Происхождение и распространение плова (К вопросу об этнических истоках элементов культуры) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. – Нукус. – 1989, с.151.

15. Вамбери А. Очерки Средней Азии. – М. – 1868; Вамбери А. Пища и напитки, которые мне случилось видеть на магометанском Востоке. // Очерки жизни и нравов Востока. – СПб. – 1877, с. 231; Бердиев М.С. Традиционная система питания туркмен. /Этнокультурный аспект/. – М.-1990; Бердиев М.С. Происхождение и распространение плова (К вопросу об этнических истоках элементов культуры) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. – Нукус. – 1989; Бердиев М.С. Трансформация традиционной системы питания у туркмен в наши дни. // Сов. этнография – 1985 – №1-С.98.
16. Бердиев М.С. Происхождение и распространение плова... с.81.
17. Вамбери А. Пища и напитки, которые мне случилось видеть на магометанском Востоке. // Очерки жизни и нравов Востока. – СПб. – 1877, с. 231
18. Савдо. Девон. – Сталинабад – 1959, с.120.
19. Бердиев М.С. Происхождение и распространение плова... с.231; Вамбери А. Пища и напитки, которые мне случилось видеть на магометанском Востоке, с.231.
20. Бердиев М.С. Происхождение и распространение плова... с.151.
21. Там же, с.154.
22. Там же.
23. Абуисхок Аътима. Девон. – Книга 1-2 – Чорджу – 1304х., с.17.5
24. Возех Кори Рахматулло. Кони лаззат ва хони неъмат. – Бухара.- 1880 – 1881 с.20-28.

PALOW – THE FOOD OF TAJIKS

SHOVALIEVA MUMINA

a scientific worker Institute of History, archeology and ethnography named
after A. Donish Academy of Sciences Republic of Tajikistan

«Palow» or «oshi palow» is a widely spread and tasty rice cooking. It is a Tajik national dish. Without «palow» we can't have any host ceremonies. Both nations – Tajiks and Uzbeks considered this food it's own. It must be stressed that according medieval sources – Atima «Kanz-ul-ishtiho» and Qori Rahmatullohi Vozekhi Burhoroi the word «palow» for the first time appeared in XIY century and in XIX century Tajiks prepared more than 227-228 kinds of food «palow». Now time Tajiks can prepared about 120 kinds of food «palow».

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ ТАДЖИКИСТАНА

С.МУКИМОВА

доктор архитектуры, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук РТ.
Адрес: Республика Таджикистан, г.Душанбе, пр.Рудаки, 33.
Телефон: 2213742.

К. ШАХРОЗ

соискатель Института истории, археологии и этнографии им.
А.Дониша Академии наук РТ

В статье рассматривается проблема эффективного использования памятников архитектуры с точки зрения максимизации присущих им ценностей в условиях современных городов Таджикистана. Анализируются современные тенденции в приспособлении памятников архитектуры и выявляются в этом основные недостатки существующих стратегий.

Ключевые слова: памятники архитектуры, ценность архитектурных объектов, художественная ценность, реставрация фасадов.

С каждым годом архитектурных памятников в Таджикистане остается все меньше. Некоторые из них исчезают по причине естественного старения, другие сносятся, третьи переделывают до неузнаваемости. В такой ситуации проблема максимально эффективного использования архитектурных памятников становится особо актуальной.

Причисляемые к памятникам архитектуры здания возводились для определенных целей, в соответствии с историческими, экономическими и социальными условиями. Перемены в жизни общества, повышение культурного уровня населения, а также развитие техники приводили к тому, что даже в зданиях, сохранявшие свое первоначальное назначение, вносились изменения. В традиционных жилых домах появились водопровод и канализация, изменялась планировка, дома делились на несколько домовладений, в дворовых структурах создавались новые строения, обветшавшие постройки часто разбирались, плоские кровли покрывались асбоцементными плитами (шифером) или черепицей. Часто старые постройки приобретали другие функции, открытые айваны остеклялись. В ценных в архитектурно-декоративном отношении мечетях в период советской власти порой устраивались склады, спортивные залы, производственные цеха, а

некоторые полностью разбирались и на их месте появлялись новые постройки. В Ура-Тюбе в годы Великой Отечественной войны для эвакуированных людей из европейской части СССР в мечетях и медресе устраивались общежития, отдельные квартиры, что приводило к перепланировке старинных зданий, изменению их художественного облика.

На кирпичи разбирались и другие постройки общественного и учебного назначения. Так, первое здание из жженого кирпича, построенное в Душанбе русской администрацией, служило больницей. После Октябрьской революции в нем функционировал телеграф, здесь красноармейцы отбивались от бандформирований во время гражданской войны в 20-х годах прошлого столетия. В 2008 году это историческое здание было снесено в связи с организацией городского парка имени А.Рудаки.

Новые потребности, вызывали и появление новых, неизвестных более раннему времени, зданий. Но нередко для этих потребностей использовались существовавшие здания, полностью утратившие свое первоначальное назначение. Художественная ценность таких зданий и вложенные в них большой труд, средства и творческие усилия делают понятным постоянное стремление приспособить эти постройки для нового назначения в неизменном виде или с переделками. Наконец изменения художественных взглядов общества, отражавшие перемены его социальной структуры и мировоззрения, часто приводили к переделкам внешнего и внутреннего облика зданий. Так, в первые годы советской государственности нередко мечети превращались в красные чайханы, клубы, читальни, библиотеки [1].

После Октябрьской революции утратили первоначальное назначение такие памятники архитектуры, как дворцы эмиров и вельмож, усадьбы богатых домовладельцев-баев, ряд мечетей, медресе и др. Встал вопрос о правильном использовании таких зданий и часть их была превращена в музеи, в которых главными экспонатами являются сами здания с их внутренним убранством и обстановкой (загородный дворец эмира Ситораи Мохи Хосса близ Бухары, дворец кокандского Худоёр-хана (1870 г.), многие медресе, мечети Ташкента, Самарканда, Бухары, Хивы и др.).

Иногда такие здания-музеи используются одновременно и для показа в них собраний произведений декоративно-прикладного искусства (например, жилой дом богатого еврейского коммерсанта в Самарканде был превращен в краеведческий музей). Музейное использование памятников архитектуры – наилучшая форма их сохранения. Это позволяет, с одной стороны посещать их большому числу людей и служить целям образования и воспитания, а с другой стороны, не

только не угрожает художественному облику памятников, но наоборот требует их тщательного сохранения и реставрации.

Но не все памятники архитектуры могут использоваться как музеи, и иногда их новое назначение отличается по своему характеру от первоначального. В таких случаях всегда нужно помнить, что памятники архитектуры переживают их меняющееся практическое назначение и не должны переделываться в соответствии с ним. Наоборот, самое главное заключается в правильном выборе такого нового назначения для определенного древнего здания, которое в наибольшей степени соответствовало бы всем его особенностям – размерам, планировке, композиции внутреннего пространства, освещенности помещений дневным светом – и не причиняло бы никакого ущерба его интерьерам и внешнему виду[2].

Использование памятников архитектуры в новых целях может быть в двух случаях: когда сохранился и подлежит сохранению только внешний вид зданий и когда, помимо всего, сохранились и интерьеры. Наиболее трудное решение задачи во втором случае, так как здесь не только невозможна даже минимальная внутренняя перепланировка зданий, но и новые мебель и экспонаты должны соответствовать интерьерам и составлять с ними одно художественное целое, не мешая их обозрению и не снижая их художественной выразительности. Примерами такого умелого и тактичного использования в новых целях памятников архитектуры, сохранивших свои интерьеры, может быть размещение областного краеведческого музея в соборной мечети на площади Панчшанбе в городе Худжанде (сейчас используется по своему функциональному назначению, т.е. как соборная мечеть), выставочного зала коврового комбината в мечети того же города, музея религии в мавзолее Махдуми Аъзама в Хисори Шодмон, интерьеров торговых куполов «Токи Заргарон», крупнейшего торгового пассажа Бухары XV в., под магазины сувениров или мастерских народного прикладного искусства, многих памятников культового зодчества внутри Ичанкалы города Хивы под различные музеи (книг, религии, этнографии, просветительства и др.) и др. Например, мечеть Джумы, построенная по описанию арабского путешественника ал-Макдиси в X-XI вв., является галереей резных колонн в количестве 212, из которых сейчас сохранилось всего 25. Мечеть в современных условиях получила вторую жизнь и продолжает свою деятельность как центр просветительства [3]. Медресе Кукельдаш (XVI в.) на площади Чорсу Ташкента и сейчас действует как среднеспециальное Исламское учебное заведение при Управлении мусульман Узбекистана. Полностью восстановлен его былой изразцовый декор, выполненный в традиционной цветовой гамме – сине-голубых тонах. Восстановлена

в прежней функции и мечеть Ходжи Ахрара Вали – ученого, государственного деятеля XV века – в дворовой части медресе Кукельдаш. По размерам это третья из самых больших мечетей Узбекистана – после самаркандской Биби-ханым и Калян в Бухаре.

Если интерьеры зданий лишены художественной ценности, то возможно разделение их внутри новыми перекрытиями и перегородками при сохранении нетронутым внешнего вида. Так было сделано при приспособлении медресе Мухаммад-Амин-хана и Матнияз Диванбеги под туристический комплекс [4]. Ведутся работы по модернизации древних жилых домов с устройством в них современного жилья, небольших гостиниц, удовлетворяющих все требования комфорта, но с сохранением в нетронутом виде, а иногда и с реставрацией их фасадов. Следует только помнить, что памятник архитектуры сохраняется навеки, а его использование может изменяться и новые перегородки и перекрытия нужно делать так, чтобы они не затрагивали основных конструкций памятника и могли быть легко удалены при изменении его назначения.

Реставрация памятника архитектуры, вызываемая желанием повысить его художественную выразительность, сниженную позднейшими искажениями, должна сочетаться с решением задачи о его будущем практическом использовании. Нельзя оставлять такие здания неиспользуемыми для современных нужд, так как это обеспечивает им дальнейшее существование и сохранение. Отсутствие использования и вытекающее отсюда безнадзорное состояние памятников архитектуры отражалось бы на них больше, чем неправильное применение под склады или производственные помещения, что часто связано с возведением пристроек, пробивкой новых и расширением старых проемов, нарушением основных конструкций, разрушением строительных материалов, избытком влаги и вредными выделениями.

Есть и такие памятники архитектуры, которые не находят никакого применения в современной жизни, — древние крепостные стены и валы, гробницы, а также старинные здания, находящиеся в состоянии руин. Они могут быть объектом осмотра, вызывать у зрителей эстетические эмоции, украшать города и ландшафт. Частично восстановленные древние крепостные стены сейчас украшают исторические города Средней Азии – Шахрисябз, Бухару, Хиву, Худжанд и др. Они являются прекрасным фоном для центральных площадей исторических городов, служат в качестве естественных декораций для исторических кинофильмов и таких же театральных постановок под открытым небом (например, в Шахрисябзе фрагмент реконструированных стен является фоном для величественных руин дворца Ак-Сарай, на площади которого проходят народные торжества, театрализованные

представления). Такого рода постановки получают широкое распространение за границей. В Дубровнике (Югославия), городе-заповеднике, сохранившем большое число построек XV-XVIII вв., для этой цели используются и крепостные стены и лоджии Дворца ректоров, и таможни, и отдельные площади и улицы, а большая лестница начала XVIII в. возле иезуитских церкви и коллегиума, служит иногда трибуной для слушателей концертов [5].

Памятники архитектуры и монументальной скульптуры используются и для ночных «спектаклей звука и света», когда зрителям показывается, например, ярко освещенная площадь перед ансамблем Регистан в Самарканде на фоне слабо освещенных медресе Ширдар, Улугбека и мечети Тиля-Кори в сопровождении музыки и стихов средневековых и современных поэтов, в которых в художественной форме рассказывается о событиях, происходивших на протяжении тысячелетий. Здесь же, на площади (её размеры 67x80 м) периодически проводится международный музыкальный фестиваль «Шарк тароналари» («Мелодии Востока») [6]. При этом сила и цвет освещения изменяются в соответствии с характером музыки и содержанием текста. Такие же спектакли устраиваются и перед другими памятниками архитектуры (на центральной исторической площади Шахрисябза, в Карши, Термезе, Хиве и др.).

Основное правило использования памятников архитектуры для новых потребностей (согласно которому ни древнее здание должно перестраиваться для его нового назначения, а новое назначение следует выбирать с учетом особенностей такого здания) распространяется и на архитектурные ансамбли, имеющие архитектурную целостность, улицы, площади, городские районы и целые города-заповедники. При этом задача сохранения архитектурного ансамбля, как и в случаях с отдельными памятниками, облегчается выбором нового использования, родственного по своему характеру первоначальному. Пешеходная улица от Регистана до комплекса медресе Биби-ханым в Самарканде, застроенная зданиями, вмещавшими различные учреждения, нисколько не изменилась, хотя старые учреждения сменились новыми. Не мешает сохранению и реставрации ансамбля площади Панчшанбе в Худжанде использование его соборной мечети как музея, а также одновременно как места для молений во время крупных мусульманских праздников.

Жилые районы старинных городов, сохраняющие свой историко-художественный облик, могут, подобно отдельным жилым домам, использоваться в соответствии с их первоначальным назначением (так происходит в городах Истаравшане, Худжанде и др.). Нужно только, чтобы необходимые для современного жилья водопровод, кана-

лизация, газ, электричество и телефон не искажали ни внешний вид зданий, ни обладающие художественной ценностью интерьеры (если такие сохранились). Новые дымовые и вытяжные трубы, столбы уличного освещения и воздушная проводка не должны здесь применяться, а обслуживающее население таких районов административные и торговые службы могут находиться в нижних этажах домов. В тех случаях, когда обладающий художественной ценностью район не входит в состав охранной зоны, в нем целесообразно возводить новые, нужные для нормальной жизни района здания административного, торгового, школьного, больничного, зрелищного назначения, но они должны строиться по индивидуальным проектам, разработанным в полном соответствии с их непосредственным окружением и общим обликом района.

Улицы и площади таких городских районов и целых городов-заповедников не могут быть транспортными магистралями и развязками. Одни из них могут быть пешеходными улицами, предназначенными для местного населения и для туристов, знакомящихся с городом и его достопримечательностями; на другие допускается городской транспорт, но определенных видов (не троллейбус его проводами) и в ограниченном количестве, необходимом для обслуживания местного населения. Основные транспортные магистрали, в том числе и транзитные, должны обходить эти районы или города, иметь остановки на их внешних границах. Последнее требуется для удобной связи населения таких районов с местами их работы, большей частью расположенными уже в тех частях городов, в которых можно строить новые большие здания для учреждений разного рода, промышленных предприятий и т.п.

Все это относится и к городам-заповедникам, в которых особую важность приобретает проблема занятости их населения (к примеру, историческим городам Средней Азии – Хиве, Бухаре, Самарканду, Шахрисябзу, Истаравшану, Худжанду). При решении этой проблемы нужно помнить о необходимости обслуживания памятников архитектуры и музеев, а также туристического потока. Текущий ремонт и реставрация памятников архитектуры (к каким относится город в целом) и музейных объектов, показ их туристам, организация экскурсий, лекций, концертов, обслуживание туристических гостиниц, moteley, столовых потребуют значительной занятости людей. Появится градообразующая отрасль деятельности и градообразующая группа представителей населения, обслуживающих сохранение памятников и показа их туристам. Как свидетельствует опыт Запада, эта группа по численности может превосходить любую другую градообразующую группу, занятую в какой-либо отрасли промышленности. Для города,

богатого памятниками архитектуры, туризм может оказаться наиболее рентабельным видом «промышленности».

Показ древней архитектуры, раскрытие ее национальных и местных особенностей вызывают интерес и к другим сторонам культуры и жизни того или иного народа. Поэтому возрождение старых ремесел и прикладного искусства открывает большие экономические возможности. В таких городах, планируя их хозяйственное развитие, следует предусматривать рост не только новой промышленности, но и местных видов производства – грубой керамики, изготовления ковров, художественной обработки металлов или кожи, резьбы по дереву, кости, камню и т.п. (как это наблюдается в Шахрисябзе, Самарканде, Бухаре, Хиве, Карши).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронина В.Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. – М.: Госстройиздат, 1959, с. 66 и далее.
2. Об этом имеется ряд статей в СМИ: см. Мукимов Р. Искусство древних зодчих // Вечерний Душанбе, 21 апреля 1979 г.; Он же. Необходим музей архитектурных памятников // Маориф ва маданият, 3 ноября 1979 г. (на тадж. яз.); Он же. Сохраним памятники культуры // Комсомолец Таджикистана, 17 февраля 1980 г.; Он же. Памятники культуры в роли воспитателя // Комсомолец Таджикистана, 13 февраля 1985 г.; Он же. Вторая жизнь мечетей // Молодой инженер, 6 февраля 1989 г.; Мамаджанова С., Мукимов Р. Свежо предание...// Комсомолец Таджикистана, 5 декабря 1980 г. и др.
3. Кадырова Т. Пути архитектурного возрождения Узбекистана XX-начала XXI вв. (традиции и современность). – Ташкент: Изд. ТА-СИ, 2007, с. 123.
4. Годлин Г.Е. Реконструкция медресе Мухаммед-Амин-хана и Матнияз Диван-беги под туристический комплекс // САУ. – № 8. – Ташкент, 1979. – С.18-31.
5. Максимов П.Н., Целиков А.И. Использование одиночных памятников и архитектурных ансамблей //Памятники архитектуры и современная городская застройка. – М.: Стройиздат, 1973, с. 131, рис.1.
6. Бахромов А.У. Роль Самарканда в истории развития региона // АСУ. – № 3. – Ташкент, 2007. – С. 3-8, рис. на с. 10-11.

PROBLEMS OF EFFICIENT USE OF THE ARCHITECTURAL MONUMENTS IN MODERN CITIES OF TAJIKISTAN

SAYYORA MUKIMOVA

Doctor of architecture, senior research associate A.Donish
Institute of history, archeology and ethnography
Academy of Sciences of Republic of Tajikistan
Tel.: 221 37 42

KAZHOL SHAHROZ

fellow of the A.Donish Institute of history, archeology and
ethnography Academy of Sciences of Republic of Tajikistan

The article considers the problem of efficient use of the architectural monuments in terms of maximizing its inherent value in the modern cities of Tajikistan. The article examines the current trends in the adaptation of architectural monuments and identifies the basic shortcomings of existing policies of adaptation.

Keywords: architectural monuments, value of architectural objects, artistic value, facade restoration.

ГЕНДЕРНЫЙ БАЛАНС В МНОГОЖЕНСТВЕ У ТАДЖИКОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

З.ЮСУФБЕКОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
им.А.Дониша Академии наук Республики Таджикистан

До Октябрьской революции у таджиков многоженство было распространённым явлением. Корни многоженства глубоко уходили в патриархальную семью. Оно было привилегией глав зажиточных семей, наблюдалось также у представителей знати, крупных чиновников и духовенства. В настоящее время многоженство сохранилось лишь в тех регионах, где имеется сильное влияние религии и мусульманского духовенства. Сегодня в Таджикистане многоженство считается противозаконным явлением и за нарушение этого закона виновники несут наказание.

Ключевые слова: многоженство, глава семьи, жены, привилегия, причина, бытовые условия.

Еще до победы Октябрьской революции 1917г., в Таджикистане существовало многоженство, корни которого уходили в патриархальную семью.

Однако было бы ошибкой считать, что многоженство у таджиков до революции было широко распространенным явлением. Привилегией многоженства пользовались, в основном главы семей, старший в семье, в особенности, если семья состояла из нескольких малых семей и хозяйство являлось крупным. Многоженство было больше распространено в зажиточных семьях, в семьях знати, крупных чиновников и духовенства.

В таких семьях иногда глава семьи имел и трех жен, но чаще всего не более двух. Интересно отметить, что женщина, если она даже была из очень состоятельной семьи и дочерью-наследницей («духтари сулб»), не имела права иметь более одного мужа.

У таджиков две жены одного мужа называли друг друга, в горной местности «бохчун». на равнине – «кундош» или «полонч». Само население причиной многоженства считало экономический фактор: в большом хозяйстве было мало женщин, или же первая жена не обладала достаточными хозяйственными способностями, иногда же причиной являлась бездетность первой жены. Бывало и так, что для ведения хозяйства в качестве второй жены брали пожилую женщину.

На равнине, особенно в состоятельных семьях, каждая жена имела отдельное помещение для жилья. В горной местности бытовые условия не позволяли этого, и жены одного мужа, который чаще всего являлся главой семьи, проживали вместе с остальными ее членами в одном большом доме. Известно, что жены одного мужа плохо уживались между собой. Взаимная неприязнь, ссоры и постоянная перебранка между ними являлись обычным делом. Часто эти ссоры происходили без мужа, при котором жены боялись скандалить. Но иногда ссоры принимали такой оборот, что муж был вынужден давать развод одной из них, хотя чаще всего этого не делал, мотивируя свой поступок тем, что это вызовет недовольство родных жены. Обыкновенно, когда муж брал вторую жену, он сначала добивался согласия первой жены, при этом в случае необходимости угрожая ей разводом.

В большинстве случаев первая жена не желала мириться с таким положением и уходила к своим родным. Иногда муж мог добиться согласия первой жены, только задоблив её и её родственников большими подарками. Интересно отметить, что в горном Бадахшане муж должен был заново одеть первую жену с головы до ног, приобрести ей «bevalil» (вдовья одежда). Кроме того, первую после брака ночь «молодой» должен был обязательно провести со своей первой женой, а затем установить очередность. Бывали случаи, когда новобрачный, нарушивший установленный обычай, в первую же брачную ночь подвергался избиению родственниками первой жены. Мало того, «непослушного молодого» заставляли приготовить для всех присутствующих родственников первой жены обильное угощение, исполнить все их желания, а отца и брата жены ещё и одарить солидными подарками. Обыкновенно «молодой» приводил новую жену в дом, где проживала вся многочисленная неразделенная семья. Устраивали её на той части нар, напротив очага, где жил глава семьи с первой женой. Если позволяла площадь в доме, то новая жена могла расположиться на нарах напротив двери. Со временем рядом со старым домом строился новый, куда переселялась вторая жена с детьми. Первая жена со своим потомством оставалась в старом доме. Муж в таких случаях по очереди проживал у каждой жены. Старшей среди женщин являлась первая жена, даже если она была и моложе второй жены. Обыкновенно глава семьи в решении почти всех дел обязательно советовался с ней. Ее уважали так же, как и главу семьи. Символом ее власти являлась связка ключей от кладовой и сундуков, которые она привязывала к концам кос или на макушке головы.

В настоящее время многоженство распространено в тех регионах Таджикистана, в которых сильно влияние религии и мусульманского духовенства на население, где большинство женщин неграмотны или

малограмотны. Именно такая среда является наиболее подходящей для многоженства.

Увеличение числа фактов многоженства в Таджикистане было связано с последствиями гражданской войны в республике, так как многие женщины здесь остались в молодом возрасте без мужей. В некоторых районах все вторые жены двоеженцев были женами погибших во время войны молодых людей или девушками, которые не могли себе найти супруга из-за нехватки мужчин. Естественно, в таких условиях женщины соглашались выходить замуж по шариату за женатого мужчину. Общественное мнение не всегда резко осуждало такой поступок, хотя и не поддерживало его.

Следует отметить, что есть ещё одна категория многоженцев, которые живут за счет труда своих жен. Чтобы уйти от ответственности перед общественным мнением или Уголовного Кодекса, они стараются показать, что у них нет общего хозяйства и что они не находятся в брачно – семейных и хозяйственно – имущественных отношениях, благодаря чему многим удается уходить от ответственности.

Важнейшую роль в разоблачении многоженцев, разумеется, играют общественные организации, но часто они не ведут необходимой борьбы с такими проявлениями и встают на путь примиренчества и беспринципности.

Возникает вопрос, как же сами жены многоженцев относятся к таким пережиткам? Эта область семейных отношений носит интимный характер и поэтому является наиболее трудной для конкретного изучения. Но совершенно ясно, что любая женщина стремится иметь своего мужа, который бы не разделял супружеские отношения с другой женщиной. В семье любого двоеженца царит соперничество между женами по поводу внимания к ним и детям со стороны мужа. Это борьба носит, в основном, внутрисемейный характер, и стены дома скрывают ее от внешнего мира, но любая женщина отрицательно относится к возможности стать второй или четвертой женой в семье многоженца. Но существуют некоторые объективные и субъективные моменты, которые нельзя игнорировать. К объективным моментам относятся, прежде всего, старый быт и основанные на нем остатки неравенства полов в общественной и семейной жизни, прежние традиции и привычки, которые содействуют сохранению пережитков многоженства в обществе.

Субъективным моментом является оформление браков по шариату, создающее иллюзию законности не только у лиц, вступающих в религиозный брак, но и у части населения, находящегося под воздействием мусульманской религии и нравственности.

Оформление браков по шариату приводит не только к многожен-

ству, но и способствует сохранению обычая выдачи замуж несовершеннолетних девушек, женитьбы несовершеннолетних юношей.

Советское государство отменило шариатские нормы о брачном возрасте, которые были определены в 9 лет для девочек и 12 лет для юношей. Советское государство установило обязательный возраст для вступающих в брак лиц, как мужского, так и женского пола. При этом учитывались, по мере возможности, специфические и исторические особенности, а также национальные традиции каждой республики. Брачный возраст был установлен с 18 лет как для юношей, так и для девушек. Заключение брака с несовершеннолетними в республике сегодня считается противозаконным, за совершение которого виновники должны нести наказание. Но обычно все браки, заключенные с лицами, не достигшими брачного возраста, оформляются духовными лицами по шариату. Поэтому нет ни одного случая заключения брака между лицами, не достигшими брачного возраста без оформления его по шариату.

Характерной особенностью браков с несовершеннолетними является то, что главную роль здесь играют родители и родственники. Как показывают исследования, почти все браки несовершеннолетних заключаются без учета интересов самой молодежи. При заключении ранних браков лицами, как правило, не достигших брачного возраста, пострадавшими, в основном, оказываются школьницы. Это объясняется тем, что родители жениха и невесты придерживаются принципов ислама, допускающими преждевременные браки детей, особенно девушек. Случаи браков несовершеннолетних мальчиков встречается редко. Кроме того, встречаются факты принуждения девушек и женщин к вступлению в брак или же воспрепятствования вступлению в брак. Но пережитки такого характера не имеют широкого распространения. Специфика принуждения к вступлению в брак выражается, прежде всего, в том, что оно направлено против свободы и достоинства женщины. В нашем обществе семейное законодательство устанавливает одним из главных принципов вступления в брак свободу выбора супруга. Лица, принуждающие девушек к вступлению в брак, покушаются на права женщин, поэтому действия такого характера в республике и обществе наказуемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Ч.1, Сталинабад-1953.
2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Ч.2, Сталинабад-1958.
3. Гребенкин А. Заметки о Когистане.-Туркестанские ведомости. – 1972, №31.
4. Кисляков Н.А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX – начале XX вв. – М.;Л.,1962.
5. Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. – М.; Л., 1959.
6. Кисляков Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана. Л.,1977.
7. Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе-1976.
8. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.3. Душанбе-1976.
9. З.Юсуфбекова. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX-начало XXвв). Душанбе – 2001.

GENDER BALANCE IN SYSTEM OF MULTIWIFE OF THE TAJIKS: TRADITIONS AND CONTEMPORARY

Z.YUSUFBEKOVA

a leader scientific worker Institute of History,
archeology and ethnography named after A.Donish
Academy of Sciences Republic of Tajikistan

Before October revolution multi wife in the family of the Tajiks was widely used. The foundation of such situation lay in patronymic families. It can be seen in rich families. In cities and lowlands each wife has it's own accommodation (room), where as in mountainous regions both wives live in one room with other members of family.

In our time multi wives preserved only in territories where influence of religious people is very strong. Our days multi wives condemn by authority and it is anti law in our republic.

Keywords: multi wives, the head of large family, wives, reason, social conditions.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Л.КАЛАНДАРОВА

кандидат исторических наук.

e-mail-kalandarova61@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы, существующие в области культуры на современном этапе. Автор утверждает, что в век информационной техники культура, в частности таджикского народа, не может существовать и плодотворно развиваться без взаимодействия с культурами народов центральноазиатских республик, России и других стран. Автор предлагает пути разрешения этих проблем.

Ключевые слова: культура, художественная интеллигенция, глобализация, взаимодействие культур, меценатство.

Все события, происходящие в мире, соприкасаются с культурой, которая является составляющей частью общественной жизни. В развитии культуры большая роль отводится художественной интеллигенции – писателям, деятелям театра, кино, музыкантам и художникам.

Если рассматривать культуру и искусство в целом, то можно отметить, что на данный момент в этой сфере отмечается кризис, который связан, прежде всего, с политической и экономической нестабильностью, охватившей многие страны мира, а также демографическими процессами в самих государствах.

Изучение истории культуры выявляет проблемы, существующие здесь, что является первостепенной задачей для любого исследователя. Как констатируется в лекции «Культура в современном мире», одни проблемы решаются, другие отходят на задний план, некоторые утрачивают свою актуальность при изменениях общественно-политической ситуации. Но приходят новые проблемы, поскольку каждая эпоха ставит свои вопросы^[1]. На наш взгляд, разрешение многих проблем в области культуры не удастся из-за стремительного исторического развития.

Для того чтобы произвести анализ состояния культуры на современном этапе необходимо задействовать важнейшие сферы жизни – от информационных технологий до цивилизации.

Эпоха модернизации, охватившая многие страны мира в конце XIX – начале XX вв. включает в себя такие периоды как промышленный, аграрный, индустриальный и информационный. Центральноазиатские республики находятся на разных этапах развития, и это влияет на раз-

витие культуры в регионе в целом. В официальных источниках Таджикистан является аграрно-индустриальной страной.

Культурная политика независимых государств отличается друг от друга, что создает новый теоретический дискурс, в котором выявляются такие приоритетные факторы развития современного искусства во всех республиках как религиозный, этнокультурный и глобализационный [2].

Одной из проблем каждой центральноазиатской культуры является ее обособленность. Это связано, прежде всего, с освещением истории на национальном уровне [3]. Некоторые центральноазиатские республики претендуют на то, что история их страны является самой древней. Это характерно для Узбекистана и Туркменистана.

Для каждой культуры одинаково вредны как национальная замкнутость, приводящая к застою, так и игнорирование национальных традиций, составляющих ее внутреннюю основу, придающих ей стабильность. В развитии каждой культуры, в том числе и русской, активное взаимодействие с другими культурами играют большую роль [4]. Русская культура имеет взаимодействие с центральноазиатскими культурами на протяжении многих десятилетий. И это не следует забывать, игнорировать и вычеркивать из памяти.

С появлением информационных технологий начался процесс глобализации, который охватил политические, экономические, социальные и духовные стороны общества. Автор статьи «Перспективы развития согласия в современной культуре» М. П. Меняева отмечает, что глобализация в сфере культуры способствует преодолению замкнутости локальных культур путем открытия их национальных границ. Глобальное имеет границы интернациональные, наднациональные и транснациональные [5].

Исследуя вопросы глобализации А.В. Мешкова в автореферате диссертации «Власть и художественная интеллигенция в постсоветский период отечественной истории (1991-2006 гг.)» считает, что нельзя спрятаться от мирового рынка в скорлупу своей прежней этнической и национальной идентичности, но в условиях глобальной экономики можно сохранить эту идентичность, придав ей характер локальности, способной воспроизводиться на глобальном уровне [6, с.33]. Для глобализации характерны свои проблемы.

Каждый народ считает свою культуру уникальной и ценной. И здесь не должно быть ни первенства, ни предубеждений в отношении других культур. Одной из основных задач культуры является сближение народов, а не их разобщение. Так, Ю.А. Лукин в своем труде «Культура в борьбе идей» утверждает о том, что в культурном развитии цивилизации нет больших или малых народов, каждый народ

вносит свой неповторимый вклад в общечеловеческую культуру^[7. С.50]. В политике СССР существовала идея «старшего брата», которую выполнял русский народ, а другие национальности считались младшими братьями. Постепенно эта идея перестала существовать вместе с развалом Советского Союза.

В наше время на роль старшего брата претендуют международные организации. В Таджикистане функционируют международные организации, которые оказывают содействие в культурном развитии страны, спонсируя различные проекты и программы. Как считает Р.Н. Каримова в своей работе «Культура Таджикистана в годы независимости (1991-2001 гг.)», что основная цель таких программ – сохранение и развитие традиционной культуры таджикского народа, раскрытие талантливых деятелей искусств, способных молодых исследователей^[8. С. 127.]. Сама идея таких программ не плоха, но примерно лишь одна десятая культурных проектов, финансируемых международными организациями, приносит реальную пользу^[9. С.134.]. И если русские оказывали безвозмездную помощь другим национальностям, проживающим на территории бывшего советского пространства, то международные организации спонсируют лишь только те проекты, которые им выгодны, не учитывая специфических особенностей культуры республики. В большинстве своем международные организации предлагают малые гранты, которые не всегда дают результаты, а, напротив, в некоторых случаях, дезорганизуют культурные структуры^[10.С. 134]. Международным организациям следовало бы цели и задачи своих проектов в области культуры согласовывать, прежде всего, с учетом интересов и потребностей народа Республики Таджикистан.

Западные исследователи, нападая на политику Советского Союза, утверждают, что культура народов союзных республик, в том числе и таджикского, была лишена своей национальной идентичности, русифицирована и являлась единой советской. Здесь уместно напомнить, что русская культура – достояние не одной России, она принадлежит и Западу и России^[11]. В наше время на Западе утверждается, что русская культура принадлежит Востоку. Но культура России относится, как к культуре Запада, так и Востока.

Обратимся к истории и вспомним выдающуюся личность России конца XVIII – начала XVIII вв. Петра I, который был приверженцем барокко. После того как он побывал за границей, Петр I привлек в Россию многих скульпторов из Италии, Голландии и Англии, а также нанимал на работу скульпторов из других стран^[12. p.48.]. В то же время Петр I приглашал на работу в Россию большое число инженеров, архитекторов, кораблестроителей, ученых и торговцев из Европы^[13]. Он «прорубил окно в Европу», стремясь приобщить русский народ к ев-

ропейской культуре. После Петра I эти попытки делались и делаются на протяжении всего исторического развития России.

Одна из проблем, существующих в области культуры, – это недостаточная поддержка деятелей литературы и искусства со стороны коммерческих структур. Необходимо развивать меценатство, без которого не будет должного развития в целом. И, естественно, что культура и искусство в Таджикистане получают новый толчок к развитию и приведут к росту общего культурного уровня населения только после того, как появятся серьезные меценатские структуры или даже их сеть, заинтересованные не во временном личном успехе, но в развитии культуры будущих своих клиентов/потребителей и нации, государства как конкурентной платформы их собственного бизнеса на мировом рынке^[14].

В повышении культурного уровня населения большая роль отводится художественной интеллигенции. И это является одной из ее основных обязанностей. Поэтому художественной интеллигенции, помимо своей творческой деятельности, необходимо заниматься и общественной. Между творческими деятелями и народом следует восстановить тесную связь, как то было прежде.

Как отмечал Колин Симпсон после своей поездки в СССР, где он побывал дважды, в 1962 и 1964 гг.: « В Советском Союзе писатель имеет статус – он очень важная личность. Его статус намного выше, чем на Западе... Обсуждение литературных произведений стало активным опытом, существующим между авторами и читателями»^[15.С.336]. Колин Симпсон поражался пылу советских людей по отношению к своей культуре и ее развитию, чего не было на Западе.^[16.С.336]

Будущее каждого национального государства зависит от его отношения к человеку, раскрытия его творческого потенциала. С изменением ценностей в обществе изменилось и отношение к человеку. Раньше, как бы ни складывалась жизнь, народу внушали, что человек человеку – брат. Теперь все решают деньги, только деньги, на которые можно купить не только товар, комфорт, но и покровительство, дружбу, любовь. Таким понятиям, как помощь, милосердие, отказано в самоценности^[17].

Таким образом, творческой интеллигенции необходимо восстанавливать потерянную связь между читателями и зрителями. Деятели литературы и искусства через свои произведения нужно воспитывать у людей чувство терпимости по отношению к другим культурам, прилагать все усилия для сохранения единства и в обществе, и между народами. На современном этапе крайне важны межкультурные диалоги, и только взаимодействие между культурами может привести к плодотворному развитию мировой культуры.

Для развития демократического государства требуется обращаться ко всем ресурсам культуры. Для определения целей и задач культуры необходимо подключить и идеологию, и внешнюю политику, и экономику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура в современном мире. Лекция У. <http://www.Google.com>
2. Культурное пространство Центральной Азии: Единство в многообразии. Душанбе.2010. – С.27.
3. Советский народ в истории Таджикистана: как это было. <http://www.Google.com>.
4. Зезина М.Р. и др. История русской культуры. – М.:Высш.шк. 1990. – С.7.
5. Меняева М.П. Перспективы развития согласия в современной культуре // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск № 30. 2011. <http://www.Google.com>
6. Каландарова Л.И. Художественная интеллигенция Таджикистана в 1976-1985 гг. Душанбе. 2015. – С.33.
7. Лукин Ю.А. Культура в борьбе идей. – М.:Искусство. 1985. – С.50.
8. Каримова Р.Н. Культура Таджикистана в годы независимости (1991-2011 гг.). Душанбе. 2013. – С.127.
9. Там же. – С.134.
10. Там же. – С. 134.
11. Культура в современном понимании. Реферат. Министерство высшего образования РФ. Сибирская Государственная геодезическая академия и кафедра гуманитарных наук. Новосибирск. 2002.<http://www.Google.com>
12. Colin Simpson. Take me to Russia and Central Asian Republic of the Soviet Union. Great Britain. 1965. – P. 48.
13. When and how was St. Petersburg founded? <http://www.Google.com>
14. Абдуллаев З. Меценатство должно быть элитарным, а не карманным. <http://www.Google.com>
15. Colin Simpson. Take me to Russia and Central Asian Republic of the Soviet Union. Great Britain. 1965. – P. 336.
16. Там же.
17. Существуют ли премии молодой художественной интеллигенции? <http://www.Google.com>

THE ACTUAL PROBLEMS OF CULTURE IN THE MODERN PERIOD

L.KALANDAROVA
Candidate of Historical Sciences

The article focuses on some problems existing in the area of culture in the modern period of time. The author confirms that in the age of information technology culture, in particular, of the Tajik people can't exist and develops without cooperation with cultures of the Central Asian republics, Russia and other countries. The author suggests the ways of resolving of these problems.

Keywords: culture, art intellectuals, globalization, cooperation of culture, patronage of art, of literature.

ПАМИР И ИНДИЯ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

С. ТУЙЧИЕВА

кандидат исторических наук, старший преподаватель
Института изобразительных искусств и дизайна Таджикистана
пр. Айни 31, 734012, Душанбе, Республики Таджикистан
эл. почта suriko@hotmail.co.uk, тел. (+992) 223 19 05

В статье рассматриваются вопросы тесных связей между Памиром и Индией, которые внесли весомый вклад в формирование общего этно-культурного наследия и способствовали активному взаимобмену. Эти данные анализируются на примере материальной жизни, народного искусства горного региона Гиндукуш-Памир, включая Кашмир.

Ключевые слова : Индия, Памир, Кашмир, буддизм, арии, свастика, искусство

Уже в глубокой древности Индия и Памир имели тесные контакты, что способствовало формированию общего этнокультурного наследия и активному обмену культурными достижениями. Благодаря интенсивным археологическим исследованиям в Таджикистане, в частности на Памире, открытию новых письменных источников и эпиграфических материалов исследователям удалось воссоздать основные этапы историко-культурных связей Памира и Индии, степень и характер взаимовлияния культур их народов.

Так, материалы археологии показывают, что уже в эпоху палеолита существовала типологическая близость между культурами Южного Таджикистана и соанской культурой Се – mtpo -Западного Индостана. В этом смысле особенно интересен фактический материал, полученный выдающимся таджикским ученым В. А. Рановым и индийскими исследователями Х.Санкали, Б.Тхарапа, С.Гупта. Они доказали существование типологической общности культуры Памира и соанской культуры северо-западной Индии.¹

Некоторые исследователи полагают, что название «Памир» произошло от сокращения слов «упа-Меру», то есть «страна над Меру», божественная гора индийцев, место обитания бога Шивы, обозначающего центр Вселенной (оно упоминается в индийской поэме «Махабхарата», VI век до н. э.). Другие же ученые склонны трактовать это название как «Пои Мехр» («Подножие солнца») или же «По-ми-ло» (по-китайски «Страна восходящего солнца»).² Последние историко-лингвистические исследования позволяют интерпретировать слово

«Памир» как «Страна ариев» (также как Иран и Кашмир. В легендах эта легендарная страна – Арьяна-Вайджа располагалась у истоков Окса (Аму-Дарьи), откуда пришел Заратуштра.

В индийской традиции это место означало мистический центр Вселенной, где земля соединяется с небом, а также источник знания и миропорядка.³

Некоторыми современными исследователями признан тот факт, что во II тыс. до н. э. арийские народы начали свою миграцию с территории Памира: одни из них направились в Иран и Индию, другие – в Европу. Многие кочевники, преодолев горные территории Памира и Гиндукуша, перешли на новых местах к оседлости, перенимая родственную культуру местного населения, которое проживало тут со времен неолита и чьи ранние миграции, возможно, образовали первые очаги индоевропейской цивилизации.

Одни арийские племена создали свои религиозные гимны Веды, другие Авесту – священную книгу иранских ариев. Описания арийской прародины в этих текстах не оставляют никаких сомнений в том, что это Восточный Памир и Западный Тибет. Древнейшие арии иранской группы находились в тесном взаимодействии с ариями индийской группы. Наследие общих «арийских» судеб, материальной и духовной культуры и сейчас можно проследить в религиозных и мифологических представлениях, социальной структуре древних обществ, эпико-литературном творчестве этих двух регионов.⁴

Много раз дискутировавшийся вопрос о второй волне вторжения индоарийских народов в Индию сводится к следующему. Примерно на рубеже II и I тыс. до н. э. с Памирского горного региона через Гилгит и Читрал в Центральную Индию хлынула новая волна индийских ариев, которые частично наслоились на более древние ведийские племена индийских ариев, частично оттеснив их к горам. Новые племена иногда называют эпическими ариями, так как именно они выступают в главных ролях в древнеиндийском эпосе. Первым среди них было племя куру.

Но, кроме иранской и двух индийских инвазий древнейших ариев есть основания предполагать еще одну индоиранскую волну на юг, предшествовавшую всем другим и принесшую этнический слой, послуживший субстратом при последующих вторжениях⁵.

Горные племена Гиндукушко-Памирского региона, включая Кашмир на юге, по всей вероятности, представляли собой отдельную, древнейшую гиндукушко-памирскую этническую общность. Базировалась она на общности быта этих племен – охотников на горного козла, может быть, с зачатками скотоводства. Но по мере перехода их под влиянием соседей к производящим формам хозяйства сокращался

и ареал данной общности, происходила ее постепенная «арианизация».

Проследить этот процесс можно по археологическим и, в какой-то мере, письменным источникам: так, есть основания предполагать, что еще во второй половине I тыс. до н. э. некоторые племена Гиндукушко-Памирского региона под внешним обликом своей культуры сохраняли прямую связь с упомянутой древней общностью. Многие явления очень древнего происхождения в области культуры и языка разных народов Гиндукушко-Памирского региона, может быть, являются субстратными следами все той же этнической общности.⁶ Таким образом, в самой глубокой древности Индия и Памир объединяли общие этнокультурные признаки благодаря приходу в конце III – начале II тыс. до н.э. с севера в степи Средней Азии воинственных скотоводов-ариев, говоривших на языке индоиранской группы индоевропейской семьи языков.

Археологические раскопки на Памире открыли 250 могильников саков, некоторые из которых располагались на высоте более 4 тыс. м. над уровнем моря. Их материальная культура была связана с Индией. Здесь были найдены сердоликовые бусы с орнаментом и наглазники из раковин, характерные для индийского ремесла. Все это свидетельствует о том, что между памирскими и индийскими саками (шаками) существовали тесные контакты еще до 11 в. до н.э. задолго до того, как они проникли в Кашмир. Саки пришли в Индию тем путем, по которому затем шел Александр Македонский и дхармамахаматры (посланцы) царя Ашоки. Таким образом, Памир постоянно был местом пересечения важнейших исторических маршрутов, ведущих из Индии.⁷

С древнейших времен через Памир и припамирские области осуществлялись связи между народами Дальнего и Среднего Востока: уже во II в. до н.э. здесь проходили маршруты индийских и китайских путешественников. Буддийские паломничества через Памир и Гиндукуш продолжали оставаться весьма интенсивными вплоть до середины VIII в., что сыграло немаловажную роль в принятии буддизма жителями некоторых районов Памира и Припамирья. Буддийские храмы сохранились до сих пор в Бадахшане, Вахане и Южном Припамирье.⁸ Некоторые ученые даже именуют путь паломников через долину Вахана «буддийской дорогой». Сопоставление и комбинирование языковых данных с археологическим и этнографическим материалом позволяет определить и общее духовное и культурное наследие народов Памира и Индии. Например, изображение ладони, сохранение рогов горных козлов и баранов (архаров), а также свастика являются самыми древними религиозными символами арийских племен. Эм-

блема раскрытой руки – пятерни «Даст-и Фотима» имеет на Памире широкое распространение и символизирует Дин-и пандж тэни (религию пяти особ) исмаилизма: Мухаммад, Али, Хасан и Хусейн, а так же Биби Фотимаи Зухро.

Традиция руки и связанные с ней жесты и символы существуют у всех народов, независимо от вероисповедания : руки как крылья в шаманизме, в индийской традиции многорукость божеств как многократное усиление их могущества, рукоположение как передача духовной силы в христианстве и т.д. В любом случае изображение пятерни (панджа) правой руки всегда было символом божественной благодати и спасения, слияния духовной и телесной сил. А число пять во многих языках мира связано с понятием «рука».⁹

Открытая ладонь как символ защиты, прежде всего женщин, можно найти во многих культурах и религиях: Иштар, Инана (в Месопотамии), а так же как знак Мано Пантеа, Manus Dei (Десница Божья), правая рука Будды в жесте мудра и др. Т.е. знак «даст-и Фотима» по сути был так называемым «бродячим сюжетом».¹⁰

Сама же пятерня означала Солнце, а исходящие из него пять божественных лучей считались неизменными атрибутами верховного бога арийцев – Варуны (трансформировавшегося в Иране в великого бога зороастризма Ахуру Мазду, а в Индии – великого бога индуизма Шиву). Каждый из них заключает в себе весь мир и управляет космическим Порядком, вызвавшим мировой строй из хаоса.¹¹

Другой известный сакральный знак – корона с бараньими рогами – носили скифские вожди и персидские цари, чтобы подчеркнуть свою божественность и бессмертие, связь с верхним миром, создавая вокруг себя сакральное пространство. Два рога, исходящие из одной основы, обозначают Корень Мира – Древо Жизни, а шесть или столб с водруженными на них рогами изображает Мировой Столб, Ось Вселенной. Рога в этом случае служат символом неба – центра вселенской гармонии и порядка. Установка такого столба с рогами означает связь этого места с Космосом, его святость. С эпохи бронзы эти столбы вместе с другими элементами религиозной символики получили широкое распространение по всему Древнему миру, но в своем первоизданном виде они сохранились только на Памире. В Древней Греции они преобразовались в колонны храмов, а рога – в ионическую капитель. В Древнем Иране они стали алтарями храмов Огня, а в Древней Индии – фаллическим символом бога Шивы.¹²

Белая свастика на черном фоне, встречающаяся в Индии и на Памире, символизировала космическую пульсацию от зарождения Вселенной до ее гибели и нового рождения. Эти древние представления получили свое дальнейшее развитие, как на самом Памире, так и на

сопредельных с ним территориях – в Индии, в философии кашмирского шиваизма, а на Тибете – в традициях религии бон и высших школ буддизма. Кашмирские тантристы и буддийские монахи любили совершать паломничества в памирские горы (верхом на лошади весь путь занимал 1-2 дня), так как считали, что здешние места вызывают спонтанную медитацию и способствуют быстрому обретению состояния каулы или освобождения.¹³

Другой пример. Памирский дом имеет деревянный сводчатый потолок «чорхона» с *отверстием* «руз, роузан», конструкция которого отражает процесс творения Вселенной. Это окно является сакральным центром, через которое осуществляется связь обитателей дома с небесами. Недаром с глубокой древности памирский дом служит не только для защиты от непогоды, но является также храмом. Его структура и орнаментика олицетворяют весь Космос, что совершенно идентично смыслу Ступы и ее космологии. Памирцы считают, что каждый дом – это дворец духа и незачем строить мечети в качестве специальных религиозных сооружений.

Такие жилища до недавнего времени встречались в высокогорной Армении, Нагорном Карабахе, Грузии и Южной Осетии. Теперь они сохранились лишь в труднодоступных районах Памира, а также на севере Индии, на границе с Тибетом, в Ладакхе, где в самых древних храмах можно увидеть потолки, подобные памирским, но уже вырезанные из камня.¹⁴

Вероятно, в чиде, главной комнате памирского дома, раньше проводились обряды, схожие с теми, что существовали в Древней Руси и Индии и которые еще совсем недавно отмечались на соседней с Памиром территории – у кафиров Гиндукуша. Раз в году они устраивали празднования в виде вакханалии Чилум-Чути, к которым готовились заранее, запасаясь едой и питьем, так как они продолжались в течение целого месяца. В ночь вакханалии все жители селения становились одной большой семьей. Эти древние обряды «народной магии», являющиеся родственными тантрической практике майтхуны, до сих пор совершаются в глухих районах Индии.¹⁵

Не менее интересны параллели в прикладном искусстве. Так, одной из характерных деталей резного орнамента Гиндукуша, Памира, Ирана, Индии являются ряды прорезных треугольников, которые встречаются и в деревянной резьбе Русского Севера. Исследователи считают, что такой орнаментальный мотив является характерным для декора изделий индоиранской принадлежности в период продвижения ариев через Среднюю Азию и Закавказье.¹⁶ Некоторые композиции с мелкой, дробной резьбой встречаются в северо-западной Индии, на Памире. В частности, в изделиях кишлака Емц на Памире

присутствуют формы, абсолютно идентичные орнаменту прялок и на реке Емц на Севере России, и в Индии. Аналогичные формы и орнамент имеют так называемые бузовезы – перекладкины в памирском чиде, на которые зачастую вешали туши баранов.¹⁷

Можно привести немало других примеров, свидетельствующих о взаимодействии культур народов Индии и Памира. Прямых исторических свидетельств о развитии связей между Памиром и Индией, исходящих от современников тех эпох, до нас не дошло. Но методом исторической реконструкции можно в определенной мере восстановить отдельные черты общего этнокультурного наследия, формировавшегося на протяжении нескольких тысячелетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности – М., 2001г. – С.48.
2. Народное искусство Памира /Ред. Р. Масов, текст: Р. Масов, Н. Юнусова, Л. Додхудоева. -Душанбе, 2009. –С.6; Завьялов С., Петренко Е.Долина Бартанга. – СПб, 2009. – С. 58; Мухиддинов И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ. //Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии – М, 1986-С.77;Емельянова Н. Народы Гидукуша // Очерки истории распространения исламской цивилизации. – Т. 2-Москва, 2002. – С.65; Мамадшерзодшоев У., Н. Джонбобоев, М. Яминова Памир. Природа, история, культура -Хорог,2007-С.61-62, Middleton R.,Thomas H. Tajikistan and High Pamirs. A Companion and Guide – New York, 2008-Р.88-89Мамадшерзодшоев, Н. Джонбобоев, М. Яминова. Памир. Природа, история, культура (рукопись) – Хорог,2007-С.61-62. Robert Middleton Opening the “Roof of the World”.A short history of the discovery and exploration of the Pamirs Robert Middleton 2005.
3. Шмыгля А. Памир: История, культура, религия, нравы и обычаи. – М., 2004-С. 44.
4. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Ук.соч. – С. 46.
5. Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической истории Древней Средней Азии// «Восток – ORIENS», 1995 г., N 6. – С. 27.
6. И. В. Пьянков. И.В..Ук.соч. С. 27.
7. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Ук.соч. – С. 49.
8. Народное искусство Памира.... – С. 10.
9. Терлецкий Н. Места паломничества и поклонения и доисламские традиции в Центральной Азии ///Центральная Азия. Традиция в

- условиях перемен. Вып 1. – СПб, 2007-С. 45; Эттинген Л. Конечности// Человек, 2004, №1-С. 167-178; Резван М. Овеществленное слово: талисманы, обереги, амулеты//Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. Вып 1. – СПб, 2007-С.43.
10. Туйчиева С.«Даст-и Фотима» как гендерный архетип Памира // Очерки истории и теории культуры таджикского народа-Душанбе, 2009-С.214: «Даст-и Фотима» как гендерный архетип Памира // Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Душанбе, 2009. – С.214.
 11. Завьялов С., Петренко Е.Ук.соч. – С. 51.
 12. Там же.
 13. Там же.
 14. Там же, Бодхисатвам Памира суждено спасти человечество (www.avesta.org.ru).
 15. Завьялов С., Петренко Е. Ук.соч. – С.52.
 16. Шмыгля А. Ук.соч. –С. 54.
 17. Жарникова С.В. Мир образов русской прялки. – Вологда, 2000. – С. 68.

PAMIR AND INDIA IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL DIALOGUE.

SURAYYO TUYCHIEVA

Kandidat of History, Senior Teacher,
Institute of Visual Arts and Design of Tajikistan
31 Aini av., 734012, Dushanbe, Tajikistan
E-mail suriko@hotmail.co.uk, тел.(+992) 223 19 05

The article highlights the issues of close links between Pamir and India that contributed to formation of common ethnic and cultural heritage and active exchange of cultural achievements. These traces are studied on the examples of parallels in material life, applied art of the mountain tribes of Hindu Kush-Pamir region, including Kashmir.

Keywords: India, Pamir, Kashmir, Buddhism, Aryan, swastika, art.

ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ В 80-е гг. XX ВЕКА

Б. ОДИНАЕВ

директор Государственного художественного
колледжа Таджикистана
тел. (+992) 441 87 50. artcollej-m.olimov@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы развития керамического производства в Таджикистане в 80-е гг. XXв., которое переживало особый расцвет благодаря институционализации данной области. На основе собранного автором материала анализируется состояние ремесленной, художественной и производственной керамики в стране.

Ключевые слова: Таджикистан, керамика, гончарство, ремесленник, глина, обжиг, союз, мастер

В 80-е гг. XX в. в Таджикистане значительно возрастает роль керамики. В этот период проводятся многочисленные выставки скульптурной керамики, ее развитию посвящаются различные публикации. Мастерами в процессе собственных экспериментов стали ярче выявляться художественные возможности керамики. Одновременно ширился интерес к ней зрителей, знатоков, общественности.¹

В те годы исследователи отмечали две основные тенденции развития керамического производства в Таджикистане: разнообразие форм, а также постоянное стремление к расширению и обогащению средств его выражения. Персональные выставки художников – керамистов в республике организовывались достаточно часто и проводились на различных площадках: выставочных залах, на заводах и фабриках. Так, в 1987г. вернисаж прошел на Шелкомбинате в Душанбе, во время которого состоялась встреча мастеров с рабочими.² В то же время горожане посещали мастерские керамистов О. Ахунова, С. Хушматовой, Я. Шмидтайте, В. Заболотникова, В. Одинаева, А. Кадырова.³ В 1985г. состоялась первая и единственная республиканская выставка скульптуры, на которой были представлены и произведения керамистов Таджикистана.

В 1982г. перед Всесоюзной выставкой новых образцов изделий декоративно-прикладного искусства в Таджикистане Союзом художников Таджикистана совместно с министерством культуры страны и при участии ряда промышленных министерств и ведомств была организована республиканская выставка новых образцов изделий с целью выпуска изделий серийного и массового производства. Главной целью

этой акции было оказание содействия предприятиям, расширение и обновление их ассортимента, выявление современных тенденций в массовой художественной промышленности.

Через четыре года в Москве вновь была проведена выставка «Народные художественные промыслы СССР» для сбора экспонатов, которой был осуществлен выезд в различные районы страны. Подобные вернисажи в таком столичном художественном центре, как Центральный дом художника, во многом способствовали углублению внимания к керамическому производству на местах, в том числе в Таджикистане.

В это время остро встает проблема реставрации и сохранения выдающихся памятников сырцовой архитектуры Таджикистана – мавзолеев Ходжа Сарбоз, Гилло Халоджи и Ходжа Дурбад в Шаартузском районе и др. Значительно возрастает качество реставрационных работ, связанных и с объектами, в оформлении которых использовались керамические детали.

В 1984г. было реставрировано медресе Мирраджаба Додхо в Канибадаме, в котором народные мастера использовали национальные традиции и опыт предшествующих поколений в таких областях как резьба по дереву и ганчу, роспись стен и декоративная кладка кирпича. Таджикские реставраторы много внимания уделяли и освоению новых методов консервации и реставрации памятников, особенно с сырцовыми стенами. Тогда же проводились опытные работы по их закреплению индукционным плазмотроном, после использования, которого на поверхности глиняных стен образовывалась защитная стекловидная водонепроницаемая пленка. Еще один метод заключался в обжиге сырцовых стен.⁴

Значительную роль в поддержке инициатив керамистов сыграли министерство культуры, республиканский научно-методический центр, которые поддерживали самодеятельных художников, а также Союз художников Таджикистана (СХТ). В последнем имелось несколько творческих секций: живописи, графики, скульптуры, монументального искусства, декоративно-прикладного искусства, театрально-декорационного, а также секция искусствоведения и критики. Часть мастеров керамики входила в секцию скульпторов, другая – в объединение народных мастеров. СХТ осуществлял шефскую работу в различных районах республики, что позволяло выявить новые имена в традиционном керамическом производстве.

В 80-е гг. XXв. наблюдается рост самодеятельного искусства, которое становится главным социальным институтом, обеспечивающим публичную репрезентацию традиционной народной культуры в развитии. Для воплощения этой задачи были привлечены различные ве-

домства. Так, СХТ постоянно участвовал на семинарах, конференциях, совещаниях по проблемам народного искусства, проводимых различными министерствами и ведомствами и, прежде всего, министерством легкой и местной промышленности.

СХТ оказывал шефскую и консультативную помощь Домам культуры районов в проведении Всесоюзного смотра самодеятельного художественного творчества, посвященного 40-летию Победы в Великой Отечественной войне (1985г.), имел договор о культурно-шефской работе с совхозами «Кабодиан», им. Тельмана Орджоникидзебадского района (ныне Вахдат).⁵ Комиссия СХТ по народному искусству оказывала помощь в работе методистам республиканской комиссии самодеятельного народного творчества. Кроме того, осуществлялись постоянные выезды ее специалистов в различные районы республики для ознакомления с работой народных мастеров и оказания им помощи. Так, в 1985г. члены комиссии с подобной целью выезжали в Кулябский район (ныне Хатлонская область).

В 80-е гг. проводилась работа по созданию картотеки и диатеки по современному народному искусству. Широкая деятельность по фиксации и регистрации ремесленников проводилась во многом благодаря усилиям известного керамиста В. Одинаева, который в 1982-87 гг. являлся председателем Комиссии по работе с народными мастерами.

Члены секции скульптуры участвовали во Всесоюзной выставке скульптуры в Москве, межреспубликанской выставке в Ташкенте, на обменных выставках в Алма-Ате, Ташкенте и Горьком. В круг деятельности секции входили выезд на предприятия художественной промышленности. Секция поддерживала постоянные связи с предприятиями республики – фарфоровым и лакокрасочным заводами, проводила с их художниками встречи, обсуждение их изделия, совместно разрабатывали эскизы товаров массового тиражирования, некоторые из которых включали в экспозиции выставок.⁶ В мае 1986г. был проведен День открытых дверей в творческих мастерских керамистов, а в августе того же года – состоялась творческая встреча с художниками фарфорового завода. Члены секции и ее актив разрабатывали образцы сувенирных изделий к 60-летию образования Таджикской ССР.

В 1984г. перед данной комиссией была поставлена задача по выполнению Постановления ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» в системе Художественного фонда Таджикистана в связи с тем, что в декабре того года должна была пройти Всесоюзная выставка произведений декоративно-прикладного искусства, народных художественных промыслов СССР в Москве в Центральном выставочном зале.⁷ Несомненно, все это во многом способствовало сохра-

нению традиционной культуры таджиков, выявлению талантов и организации на достаточно высоком уровне керамического производства в республике.

Важной вехой в развитии керамического производства в Таджикистане стала республиканская выставка монументального и декоративно-прикладного искусства 1988г.⁸ На ней были представлены большие проекты монументалистов, например, оформление С. Шариповым и В. Одинаевым Киноконцертного зала им. Борбада 1985г. (керамические панно, рельефный фриз на фасаде, напольные вазы), декоративные композиции В. Одинаева из шамота – «Сад» в интерьере Киноконцертного зала Душанбе (1984г.), горельеф «Досуг студентов» на фасаде Горно-геологического техникума в Душанбе (1986г.), триптих во Дворце культуры Куляба 1987-88г.

В 80-е гг. особо популярной формой украшения интерьеров были напольные вазы и светильники. В интерьере Дома радио С. Хушматова представила керамические панно и вазы, а А. Сафаров – декоративную композицию «Мелодия» в его зимнем саде. Л. Уразаев оформил декоративными композициями «Воспоминание о будущем» (по мотивам Омара Хайама) и вазой «Куст хлопка» интерьер Нурекской городской библиотеки (1983-1984гг.). Таджикские мастера работали над объектами и за рубежом. Для чайханы в городе Боулдер (США) были выполнены керамические панно (1988г.).

Художники предприятий местной промышленности также внесли свою значительную лепту в развитие керамического производства в Таджикистане. Именно им принадлежит честь освоения изделий из нового материала и именно перед ними стояла задача первопроходцев.⁹ Их замыслы основывались на синтезе народной культуры таджиков и достижениях европейской художественной школы.

В последние десятилетия XXв. Таджикистан стал известен своим качественным фарфором. Завод по его производству был открыт в Регаре в 1975г., а первые опытные образцы, полученные в 1980г., были высоко оценены. В 1981г. вступила в строй вторая очередь предприятия. Завод достиг проектной мощности, численность работающих здесь превысила полутора тысяч человек.

В стилевом отношении художники завода следовали формам народного искусства таджиков. Одновременно они шли по пути подражания уже существовавшему в СССР набору «восточных мотивов» (например, имитирующие рисунок атласа и т.п.), но не имеющему под собой однако никакой местной основы. Основным методом декорирования изделий на заводе была надглазурная роспись кобальтом, приемы которой соответствовали советскому стилю массового фарфорового производства.

Производственную сферу керамики представляли и другие мастера. В 80-е гг. активно работала художница фабрики «Армугон» Т. Хомутовская. В своих работах она использовала, в основном, глину и цветную глазурь, гравировку.

В 1986г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся». В связи с этим, важными объектами «эстетического» воспитания трудящихся становятся фабрики и заводы. Так, Н.Дорошева для объединения «50 лет Октября» создала композицию «Берегите мир» (1985г.) из шамота, цветных глазурей и эмали. Н.Хакимов в 1987г. выполнил декоративные скульптуры, которые представляли поэта, юность, танец и мечту, в экстерьере фабрики верхнего трикотажа в Ура-Тюбе (ныне Истаравшан).

СХТ и Художественный фонд вели постоянную работу по укреплению связей с народными мастерами, сохранению и развитию традиционного искусства. Ежегодно практиковались выезды к мастерам с целью выяснения их нужд, условий труда, возможности исполнения заказов. С. Мавлянов и С. Нуритдинов вели работу с народными мастерами, О.Ахунов являлся председателем скульптурной секции, а А.Рахимов – председателем комиссии по работе на селе.

Вопросы деятельности народных мастеров неоднократно рассматривались на заседаниях правления Художественного фонда. Гончарам, работавшим в системе Худфонда, оказывалась помощь необходимым сырьем, дровами, упаковочными материалами. В 1950-1970-е гг. растопка печей еще производилась соляровкой, а в 1970-х гг. все таджикские мастера перешли на газовое топливо. Однако оставалась нерешенной проблема создания мощной материально-производственной базы для развития пластики.

Организованная в 1989г. республиканская выставка скульптуры и проведенный на ее базе «Круглый стол» с участием представителей всех творческих союзов выявили проблемы «в наращивании потенциала тех видов искусства, которым в будущем предстояло определять главные направления деятельности Художественного фонда». Именно последняя организация должны были изменить свою политику, децентрализовать свою деятельность, более гибко вести взаимодействие творческих и производственных звеньев.¹⁰

Известный мастер А. Мавлянов из Канибадама, работал в Душанбе, где продолжал создавать классические образцы таджикской народной керамики. Известны имена многих других кулолгаров. В Каратаге изготавливали посуду усто С. Расулов и А. Кадыров, в Урметане – А. Ходжаев, в деха Сахсиён около Ура-Тюбе – усто Комил,

Г.Халилов, в Ленинабаде – М. Баратов, Ш. Хамидов, в Канибадаме – У. Миллиев, Б. Мавлянов, в Чорку – братья С. и С. Сахибовы, Р. Зияев, Т. Сабиров, М. Ниязматов, М. Хаитов, Ш. Шодыев. В Душанбе работала многочисленная группа молодых таджикских керамистов. Изделия народных мастеров стали украшать салоны и выставки, демонстрировались на выставках и ярмарках за рубежом. Древние традиции гончарного дела продолжали дети и внуки Б. Мавлянова (Канибадом), братьев С.и С. Сохибовых (деха Чорку) и Г. Халилова (Ура-Тюбе), Р. Ходжаева (Урметан), С. Расулова (Каратаг), С. Досакова (Куляб).¹¹

Широко практиковалось привлечение народных мастеров к оформлению интерьеров общественных сооружений в национальном стиле (гостиницы «Ленинабад» и «Пенджикент», ресторан «Истаравшан», чайхана «Саодат»), в которых наряду с мастерами художественной обработки дерева и ганча трудились керамисты. Работы народных мастеров широко экспонировались на всесоюзных и республиканских выставках. В 1983г. 8 мастеров были награждены Почетными грамотами Президиума Правления Худфонда СССР.

СХТ велась определенная работа по выявлению новых ремесленников. Так, были найдены новые гончары в Гармском (ныне Раштском), Московском и Восейском районах. Ставился вопрос о возможности реализации их изделий через салон – магазин в Душанбе. Были привлечены к работе по исполнению партии керамических изделий и игрушек несколько гончаров и мастериц (всего 11 человек за период 1982-1987гг.).

В целях сохранения индивидуальных образцов произведений народных мастеров в 1984г. в Худфонде был создан ассортиментный кабинет с постоянно действующими экспозициями. Важной задачей фонда явилось исполнение заказа фирмы «Ипармувезцети Валлат» по организации выставки – продажи произведений традиционного творчества таджиков в Венгрии. Сумма заказа составила 34,5 тыс. рублей.¹²

К 1987г. в выставочных фондах Худфонда Таджикистана находилось 428 изделий прикладного искусства на общую сумму 137, 363 руб. Администрация проводила работу по улучшению условий труда скульпторов, художников – керамистов и монументалистов в своих мастерских. Все художники и рабочие, связанные с вредными условиями труда (цех агитплаката, керамический и сувенирный цеха) обеспечивались, согласно госнормам, спецпитанием, а также спецодеждой.¹³

Как в народном, так и профессиональном искусстве в 80-е годы XXв. технологии претерпели значительные изменения. Заметно вы-

росло число мастеров. Эксперимент во многом определял характер их творчества. Керамическое производство включало в себя не только продукцию малой пластики, но и большие монументальные комплексы (В. Одинаев и С. Шарипов). Благодаря широкой государственной поддержке народное творчество получало важный импульс для своего развития, хотя многие проблемы, связанные с ним, так и не были решены. Именно поэтому в последующие годы керамика, как вид профессионального и народного творчества постепенно начинает терять свои ведущие позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Додхудоева Л. Графика и скульптура Таджикистана XXв. – Душанбе, 2001. – С.88.
2. Неделя изоискусства. 1987. – Душанбе, 1987-С.4,5.
3. К III съезду СХТ. Работа правления СХТ 1982-1987гг. – Душанбе, 1987 – С. 51.
4. Архитектура Советского Таджикистана /В.Г. Веселовский, Р.С. Мукимов, М.Х. Мамадназаров, С.М. Мамаджанова. – М: Стройиздат, 1987С.55.
5. План работы СХТ на 1985г. – Душанбе, 1985г.
6. Работа правления СХТ 1982-87. VII съезду СХТ – Душанбе, 1987. – С.27.
7. План работы Правления СХТ на 1984г. – Душанбе, 1984.
8. Республиканская выставка монументального и декоративно-прикладного искусства. 1988г. Каталог. Составитель Т. Овчарова. – Душанбе, 1988.
9. Республиканская выставка «Молодость Таджикистана». – Душанбе, 1985.
10. К X съезду художников Таджикистана. Работа правления СХТ 1987-1991гг. – Душанбе, 1991г. – С.12-15.
11. Прохоров А.М. Художественная керамика. Москва: Советская Энциклопедия, 1973. С. – 33, 34; Рузиев М. Народные умельцы. – Душанбе, 1983. – С. 37.
12. К VII съезду СХТ. Работа правления СХТ РТ 1982-1987. – Душанбе, 1987. – С.82.
13. VII съезду СХТ. Работа правления СХТ РТ 1982-1987. – Душанбе, 1987. – С.87.

**THE PROCESS OF INSTITUTIONALIZATION OF
CERAMIC MANUFACTURING IN TAJIKISTAN
in the 80th – ss of the 20th CENTURY**

BAKHTIYAR ODINAEV

Director of the State Art college of Tajikistan

phone (+992) 441 87 50

E-mail artcollej-m.olimov@mail.ru

This article presents the process of institutionalization of ceramic manufacturing in Tajikistan in the 80th – ss of the 20th century which was flourishing. The author on the basis of a «live information» examines the development artistic ceramics and pottery in the country.

Keywords: Tajikistan, ceramics, pottery, artisan, clay, firing, union, master.

**ВКЛАД Н.Н. ЕРШОВА В ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА
(к 110-летию со дня рождения)**

Т.АШУРМАДОВА

аспирантка Института истории, археологии и этнографии
им. А.Дониша Академии наук РТ

В статье рассматривается вклад Н.Н.Ершова в изучение этнографии таджикского народа. Он был одним из знатоков этнографии таджиков и всю свою жизнь посвятил изучению древней культуры и традиций таджикского народа.

Ключевые слова: Музей, экспонат, этнография, традиция, ткачество, учёный, фонд, ремесленник.

Николай Николаевич Ершов, заслуженный деятель науки Таджикской ССР, этнограф и лингвист, родился 30 сентября 1904 года в российском городе Уральске. В 1929 году закончил отделение востоковедения Среднеазиатского Государственного Университета в Ташкенте.

В 1930 году Н.Н. Ершов приехал на работу в Таджикистан, а с 1938 года начал свою научную деятельность в Академии наук республики. Занимал должности научного сотрудника и научного секретаря Академии. Позже он стал ученым секретарём Института истории и языка Академии наук Таджикской ССР. С 1965 по 1972гг. заведовал сектором этнографии Института истории АН Таджикистана.¹

Вклад Н.Н.Ершова в науку значителен, в том числе в организацию и деятельность этнографии. Н.Н. Ершов принимал самое активное участие в изучении и выборе исторических экспонатов, ремесленных изделий и предметов искусства, которые хранили традиции культуры таджикского народа. На основе собранных ремесленных изделий он организовывал выставки, которые свидетельствовали о высокой культуре и многообразном быте таджикского народа. Его экспозиции всегда высоко ценились, как знатоками, так и рядовыми гражданами.

Одна из первых выставок из фондов музея состоялась в день основания Академии наук Таджикистана (1951г.). Для этого показа Н.Н.Ершов отобрал лучшие экспонаты из коллекций фонда. Он был ответственным за проведение выставки, и его работа была высоко оценена. Позже экспонаты этнографического фонда демонстрировались в Москве, Ленинграде и Риге. Часть экспонатов в 1959 году была показана на выставках в Китае, Монреале, на Кубе, в Румынии, а в 1975году – во Франции и других странах Европы.

Все показанные на выставках экспонаты собирались лично Н. Н. Ершовым таким образом, что каждый из них мог отразить высокую культуру и искусство таджикского народа. Эти выставки впервые представили традиции и культуру таджикского народа за рубежом.

Большую часть своей жизни Н.Н.Ершов посвятил изучению этнографических экспонатов, семейному и общественному быту, традиций и искусства разных регионов Таджикистана. Он организовывал этнографические экспедиции в Истаравшан, Чоркух, Канибадам, Каратаг, Гарм, на Памир, в результате чего было собрано большое количество редких экспонатов.

В 1954 году Н.Н.Ершов руководил экспедиционной группой в Дарвазе, где было собрано 264 экспоната. Часть из них и сейчас украшает экспозиции Музея этнографии республики. В их числе гончарные изделия Сайлонби Сахобшоевой женщины-гончара из Дарваза.

Н. Н. Ершов руководил также многими другими этнографическими экспедициями, которые предоставили науке немало интересных экспонатов.²

Так, организованные им экспедиции побывали в Гармском районе (1955 г.), в Гарме (1956 г.), в Каратаге (1958г.). В 1958г. он совершал и индивидуальные командировки в Каратаг. В результате всех поездок были собраны многие сотни экспонатов.

По праву фундаментальным трудом можно считать работу Н.Н. Ершова «Каратаг и его ремесла».³ Каратаг своей древнейшей культурой, искусством вышивания, ткачества и другими видами ремесленничества неизменно привлекал внимание Н. Н.Ершова.

В 70-е годы прошлого столетия Н.Н. Ершов стал хлопотать о том, чтобы ткачи Каратага вновь могли работать на своих станках, радуя людей своими изделиями. До сих пор местные мастера Каратага добрым словом вспоминают Н. Н. Ершова, помогшего возродить здесь древнее ручное ткачество.

Н.Н. Ершовым было описано около тридцати видов ремесел, среди которых ведущее место занимало ткачество и связанные с ним работы. В Каратаге, по его утверждению, работало около трех тысяч станков.

Главный хранитель Музея народного прикладного искусства им.М.Турсун-заде в Каратаге Рухуллох Джурабоев рассказывал, что видел Н.Н. Ершова в Каратаге в 1967-1971годах, когда тот собирал здесь материалы по истории селения, его промыслов, обычаев, культуре.⁴

Возможно, встреча с этим ученым во многом определила будущие интересы Р.Джурабоева как исследователя, которому ныне принадлежит ряд печатных изданий по обычаям и обрядам, музейному делу, истории и географии Каратага.

В этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Таджикистана сохранились фотоснимки экспедиций Н.Н. Ершова (колл. №27), которые представляют различные стороны праздничных обрядов жителей Каратага.

В 1960 г. Н.Н.Ершов собирал материалы в Худжанде. В очередной командировке в 1966г. и 1972г. он проводил работы в Исфаре. Н.Н.Ершов побывал в западных районах Памира, а также в Чоркухе, Канибадаме, Ленинском районе.

В 1969 г. Н.Н. Ершов вместе с З.А.Широковой издал «Альбом одежды таджиков», а в 1977г. являлся редактором «Альбома народное прикладное искусство таджикского народа», издал комплект открыток «Народное искусство Таджикистана».

В оценке изделий народных мастеров Н.Н.Ершову не было равных, поэтому многие годы он являлся членом закупочной комиссии. Он всегда старался, чтобы были приобретены экспонаты высокого качества, традиционные по форме, интересные по содержанию. Его приглашали специально для того, чтобы он оценил продукцию, как старых, так и современных мастеров.

Н.Н. Ершов посвятил всего себя изучению культуры и искусства таджикского народа. Он всегда относился к культуре и традициям таджиков с огромной любовью и уважением.

По словам Б.А.Литвинского, во многих кишлаках, где бывал Н.Н. Ершов говорили: «Был тут один, выдавал себя за русского, но на самом деле он таджик – он был гением общения».

Простые люди называли его Ёршоҳ – друг царя или золотой – зардак.

По воспоминанием А.К. Писарчик в 1956 г. она была свидетелем того, что одна дарвазская женщина хотела дать имя Николай своему сыну в честь Ершова, чтобы тот унаследовал замечательные качества русского учёного и стал таким же уважаемым человеком.

Н. Н. Ершов своим опытом и знаниями охотно делился с молодыми сотрудниками и аспирантами, помогал им в изучении этнографии, подборе экспонатов. Он был консультантом дипломной работы Мумины Шовалиевой, посвященной известному советскому этнографу Н.А. Кислякову.

Верной спутницей в жизни и соратником ученого в работе была Надежда Николаевна Ершова, которая являлась главным хранителем музея этнографии.

Наука – это безбрежный океан и Николай Николаевич Ершов был таким человеком, который испробовав вкус его воды, не мог остановиться. Он стал частью науки и искусства таджиков.

Н. Н. Ершов скончался в Душанбе, 26 сентября 1980 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Писарчик А.К. Этнографическая наука Таджикистана.-С.68.
2. Неменова Р.Л., Мардонова А. Историко-этнографическое изучение Гиссарского края. Душанбе.2000.-С.88.
3. Ершов Н.Н. Каратаг и его ремесла (историко-этнографический очерк) – Душанбе.1984.
4. Л.Додхудоева, З.Юсуфбекова, М.Шовалиева, Н.Васитова. Таджикистан. Полевые этнографические исследования. Душанбе.2014.-С.35.

N.N.ERSHOV CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF ETHNOGRAPHY TAJIKISTAN

ASHURMADOVA TUTINISO

Postgraduate student of the 3rd year of studies of the Institute of history, archaeology and Ethnography. A. Donish RT.

Тел: 981-08-89-80. E-mail: niso.111980

Nikolai Nikolaevich Yershov – Honored Scientist of the Tajik SSR , was born on September 30 , 1904 in the Urals. In 1929 graduated from the Department of Oriental Studies of Tashkent SAGA , and began working in various positions in the apparatus of the Soviet rule in Tashkent and Tajikistan. In 1930 , the year after the end of the institute came to work in Tajikistan and his scientific career at the Academy of Sciences of Tajikistan began in 1938 as a researcher and scientific secretary of the Academy of Sciences. He was one of znatakov Ethnography of the Tajik people and all my life flashed study of ancient traditions and culture of our people .

Keywords: Museum, exhibit, ethnography, tradition, weaving, scientist, found, artisan.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р. Масов.</i> Национальная идея.....	3
<i>Р. Масов, А. Вишневский.</i> К вопросам истории городов Бухары и Самарканда и национально-территориального размежевания Средней Азии	9
<i>Х. Пирумиев.</i> Город Гиссар в конце XIX – начале XX вв. (по материалам русских исследователей).....	21
<i>С. Бобомуллов.</i> Гиссарская долина в Ахеменидский период (VI-IV вв. до н.э.).....	36
<i>Ҳ. Камол.</i> Авзoi сиёсии Ҳисор дар садаи XVI.....	43
<i>А. Саидов.</i> Шӯриши халқӣ дар Ҳисор (ибтидои асри XVIII)	51
<i>Л. Додхудоева.</i> К проблеме изучения городской культуры Средней Азии	58
<i>В. Дубовицкий.</i> Вклад туркестанского отдела Русского географического общества в общественно-научное изучение территории Таджикистана (1897-1917гг.).....	65
<i>Н. Атыгеев.</i> Об одной интересной миниатюре в рукописи сефевидского периода из музея Реза Аббаси.....	79
<i>Р. Мукимов.</i> Развитие архитектуры и градостроительства Таджикистана в годы независимости.....	85
<i>М. Шовалиева.</i> Плов – национальное блюдо таджиков	97
<i>С. Мукимова, К. Шахроз.</i> Проблемы использования памятников архитектуры в условиях современных городов Таджикистана.....	105
<i>З. Юсуфбекова.</i> Гендерный баланс в многоженстве у таджиков: прошлое и настоящее.....	113
<i>Л. Каландарова.</i> Актуальные проблемы культуры на современном этапе	118
<i>С. Туйчиева.</i> Памир и Индия в процессе межкультурного диалога.....	124
<i>Б. Одинаев.</i> Процесс институционализации керамического производства в Таджикистане в 80-е гг. XX века.....	131
<i>Т. Ашурмадова.</i> Вклад Н.Н. Ершова в изучение этнографии таджикского народа (к 110-летию со дня рождения).....	139

**МУАРИХ
ИСТОРИК**
(Научный журнал)

№ 2

Художественный редактор Р.Шерали
Технический редактор А.Камолов

Подписано к печати 06.08.2015

Формат 70x100 1/16.

Печ.л. 9,0. Тираж 200 экз.

Отпечатано в ООО «Нашри мубориз»